

ARH

203 659

XVI
A-364,
Т Е З И С Ы

ДОКЛАДОВ ТРЕТЬЕЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ,
ЭКОНОМИКЕ, ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ

Тарту - 1966

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
203659

ARHIIVKOGU

Институт истории АН СССР

Институт мировой экономики и международных отношений
АН СССР

Тартуский Государственный университет

Филологический факультет Московского Государственного
Университета им. М.В.Ломоносова

Ленинградский Государственный университет

СЕКЦИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

М.Г. Искрин
(Москва)

УНИКАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ НОРВЕЖСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

1. Народы Советского Союза и Норвегии вместе давали отпор фашистским оккупантам. Норвежцы и советские военнопленные создали в стране фьордов единый фронт борьбы.

2. Ярким свидетельством этого являются восемьдесят семь писем на русском языке, тайно отправленных в 1943-1945 гг. из лагеря советских военнопленных Эттерстад близ Осло норвежским борцам Сопротивления и с риском для жизни сохраненных ими. Эти уникальные документы солидарности и антифашистской борьбы, аналогичных которым не засвидетельствовано в истории второй мировой войны, были переданы автору в 1958 году в Москве участницей движения Сопротивления Мартой Хермансен. В отрывках некоторые письма приведены мною в статьях и очерках (газета "Труд", 27.V.1959, "Литературная газета", 30.VI.1964, журнал "Советский воин", 1963, 9, кн. "Норвежские были" (М., 1964).

3. Письма набросаны на страничках ученических тетрадей, норвежских деловых бланках, обёрточной бумаге простым и химическим карандашом. Они адресованы "дорогому товарищу Кнуту", "товарищам", "дорогим друзьям, норвежским рабочим и работникам". Многие не подписаны, но имена авторов можно, за небольшим исключением, установить, так, кое-где они дают о себе сведения и приводят свои фамилии. Встречаются подписи: Н.Ермолов, Аркадий Смиян, Грибкин Пётр (настоящие имена), Бык, Аवास,

Федькин, Широков (псевдонимы). К текстам приложены схематичные планы мест работы военнопленных, откуда намечались, с помощью норвежцев, побеги.

4. Именно о том, чтобы вырваться на волю и с оружием в руках вновь выступить против гитлеровцев, говорится, главным образом, в письмах. В них раскрывается неимоверная тяжесть плена, фашистский террор, гибель миллионов узников лагерей на территории Польши и рейха. Пленники Эттерстада сообщают норвежцам о своём отпоре вербовщикам в армию врага — власовцам, подпольной деятельности и саботаже. Письма дышат преданностью Родине и ненавистью к гитлеризму, непоколебимой уверенностью в победе. Отвечая на вопросы норвежцев, непокорённые воины дают советы, как создавать партизанские отряды с тем, чтобы самим пополнить их ряды после побега.

В пространственных посланиях, составленных уже вне лагеря, на нелегальных квартирах норвежцев, излагаются подробности освобождения из лагеря и выражается сердечная благодарность тем, кто содействовал беглецам.

5. В те годы, которыми датированы письма, в Осло вела активную антифашистскую деятельность подпольная норвежско-советская организация, ставившая своей целью общий отпор врагу. Возглавлял её журналист-коммунист Хелмер Мадсен, по кличке Кнут, превосходно владевший русским языком.

Оказывая военнопленным моральную и материальную поддержку, норвежцы установили с ними регулярную двухстороннюю письменную связь (письма норвежцев не могли сохраниться в лагер-

ных условиях и, к великому сожалению, не дошли до нас). Норвежцы и русские, как широко известно, быстро находили взаимопонимание. При этом применялись иногда записки, однако другого примера, подобного нелегальной почте Эттерстада, мы не знаем. "Почтальонами" были норвежцы, работавшие вместе с военнопленными, гражданские русские, имевшие некоторую свободу; нередко письма перебрасывались прямо через проволоку.

6. Из лагеря в Эттерстаде было совершено пять побегов, и девять узников - офицеры, младшие командиры ушли в нейтральную Швецию. Они должны были затем вернуться в норвежские партизанские отряды.

Столь же успешно норвежские борцы Сопротивления помогли осуществить еще два побега, непосредственно к партизанам, - один из Эттерстада, другой - из лагеря неподалёку от озера Лютванн, в окрестностях Осло.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Хелмер Мадсен (посмертно: он скончался после войны) и его соратники - норвежские борцы Сопротивления награждены 29 июня 1964 года "за мужество и отвагу, проявленные при спасении советских военнослужащих" орденами Красной Звезды (см.: "Правда", 30.VI.1964, стр.1).

П. И. ИХАЛАЙНЕН
канд. ист. наук
(Петрозаводск)

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ.

ЮРЬЕВСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1920г.

1. Переговоры об урегулировании советско-финляндских отношений после признания Советским правительством независимости Финляндии мало освещены в нашей исторической литературе. Между тем они представляют значительный интерес для изучения истории борьбы Советского правительства за мирное сосуществование и сотрудничество с Финляндией в первые годы Советской власти.

2. Позиция Советского правительства в отношении Финляндии определялась ленинскими принципами невмешательства во внутренние дела других стран, равенства, уважения независимости и суверенитета. Мирнолюбивая советская внешняя политика создавала благоприятные условия для урегулирования советско-финляндских отношений. Советское правительство неоднократно обращалось к правительству Финляндии с мирными предложениями, но его инициатива длительное время не находила должного отклика с финляндской стороны.

3. Реакционные правящие круги Финляндии не остались в стороне от агрессивных устремлений империалистических держав. Они принимали участие в клеветнической кампании и дипломатической борьбе, экономической блокаде и вооруженной интервенции против Советской России. Однако разгром Красной Армией двух походов Антанты и поражения финляндских войск, вторгавшихся в Советскую Карелию, побудили правящие круги Финляндии согласиться на мир-

ные переговоры с Советским правительством в 1920 г.

4. В задачу Юрьевской мирной конференции (12 июля - 14 октября 1920 г.) входила нормализация советско-финляндских отношений. Для этого необходимо было, с учетом интересов обеих сторон, разрешить вопросы, вытекавшие из отделения Финляндии от России, и договориться об установлении добрососедских дипломатических и взаимовыгодных экономических отношений. С целью облегчения переговоров советская делегация предлагала незамедлительно заключить перемирие.

Советская сторона предлагала признать прежнюю государственную границу за основу разрешения территориальных вопросов. Она изъявила готовность рассмотреть возможные варианты обмена территории, указав, в частности, на необходимость отодвинуть границу на Карельском перешейке, приблизительно на линию Выборг-Кексгольм, чтобы создать лучшие условия для организации обороны Петрограда. Финляндии за это предлагалась соответствующая компенсация территории на Севере.

Одним из центральных вопросов на конференции были вопросы имущества, долгов и прочих обязательств. Советская делегация предлагала, чтобы стороны возвратили имущество его законному владельцу, а в том случае, если это окажется по каким-либо причинам невозможным - выплатить соответствующую компенсацию. Предлагалось также взаимно признать долги и прочие обязательства и возместить причиненные убытки.

Одновременно с заключением мирного договора советская делегация предлагала заключить и торговый договор.

5. Финляндская делегация отказалась принять советские предложения за основу мирного урегулирования и выдвинула огромные территориальные притязания и требование контрибуции. Она потребовала передать Финляндии Советскую Карелию и Кольский полуостров, и предложила установить границу, которая проходила бы от старой границы на Карельском перешейке приблизительно по линии: Ладожское озеро - Онежское озеро - Белое море. Финляндская делегация утверждала, что между Финляндией и Советской Россией якобы была война, что Финляндия победила в этой "войне" и все имущество Советской России, находившееся тогда на финляндской территории, является военной добычей, не подлежащей ни возврату, ни компенсации.

6. Переговоры в г.Юрьеве проходили в сложной для Советской России обстановке третьего похода Антанты. Это обстоятельство наложило известный отпечаток и на ход переговоров и на самый мирный договор. В ходе переговоров империалистические притязания финляндской стороны были отклонены, но многие оправдливные предложения советской делегации, по настоянию правящих кругов Финляндии, не были приняты или подверглись изменениям, в результате которых мирный договор имел существенные недостатки. В нем не были предусмотрены достаточные гарантии лояльного соблюдения Финляндией мирного договора, а также не были зафиксированы условия, которые в какой-то мере ограничивали бы империалистические устремления финляндской реакционной буржуазии. Как известно, руководящие круги этой буржуазии использовали недостатки Юрьевского мирного договора в антисоветских агрессивных целях.

Заключение Юрьевского мирного договора, несмотря на недостатки, и нормализация отношений с Финляндией в 1920 г. имело огромное значение. Миролюбивая политика Советского правительства одержала большую победу. В настоящее время договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1948 г. является прочной основой развития добрососедских советско-финляндских отношений на благо народов Финляндии и Советского Союза.

А.С.КАН
канд.ист.наук
(Москва)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДАНИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Под внешней политикой Дании во время второй мировой войны подразумеваются три различных явления. Во-первых, речь идет о нейтральной политике датского правительства в короткий период независимости страны - до 9 апреля 1940 г. Во-вторых, имеется в виду коллаборационистская политика датских кабинетов и департаментской администрации оккупационного периода. В-третьих, сюда входит и внешнеполитическая активность руководящего органа датского сопротивления - Совета свободы - с сентября 1943 г.

2. Обширная, почти исключительно датская историография вопроса может быть классифицирована так: 1) общие, как правило, коллективные "истории Дании" за военные годы - под ред. О.Фрииса, Х.Фриша, В.Ля Кура, Б.Оутце и др.; 2) популярные очерки индивидуальных авторов (Б.Свенссона, Ё.Хеструпа, Т.Финка и т.д.); к этому жанру относятся и произведения дат-

ских коммунистов (А. Енсена, И. Мерлюнда);

3) Монографические исследования отдельных внешнеполитических вопросов и периодов. Авторы наиболее значительных книг и статей этого жанра - В. Ля Кур, Ё. Хеструп, Л. Биндслёв-Фредериксен, А. Росс, Х. Кнудсен.

За пределами Дании ее история военных лет изучается преимущественно в обоих германских государствах (В. Хубач в ФРГ, Вера Кёллер в ГДР), а также в Норвегии (Св. Хартман). Советских историков привлекает главным образом датское движение сопротивления (А. Миронов, Ю. В. Кудрина, Г. В. Шатков).

3. Круг доступных источников по теме уже сегодня достаточно широк. Датские документы, особенно за период после 9 апреля, опубликованы в приложениях к парламентскому расследованию ответственности датских политиков военных лет (так наз. "Феретнинг"), куда вошли также многочисленные документы оккупантов. Немецкие архивные материалы, относящиеся к Дании, имеются в известной серии "Д" в материалах Нюрнбергского процесса главных немецких военных преступников и в некоторых шведских "белых книгах". Документы о политике западных союзников по отношению к датскому Совету свободы включены в публикацию госдепартамента "Форин рилейнз". В советских архивохранилищах имеются ценные материалы по истории советско-датских отношений военных лет, а также - в виде микрофильмов - о немецкой оккупационной политике в Дании. К этому добавляются - переписка деятелей сопротивления (Э. Фосса, М. Фога), свидетельские показания в датской парламентской комиссии, мемуары бывших министров, дипломатов (в том числе датских представителей в Москве, Лондоне, Берлине), членов

Совета свободы, периодическая печать и книжно-брошюрная публицистика самого разного партийно-политического направления.

4. В итоги проведенного изучения внешнеполитической истории Дании военных лет она может быть разбита на следующие этапы:

1) в месяцы "странной войны" - политика строжайшего нейтралитета. В рамках этой политики правящие круги благоприветствовали германским интересам (пакт о ненападении, торговая политика, минирование проливов, директивы прессе и пр.). Правительство и командование занимали скрыто пораженческую позицию в отношении возможной германской агрессии. Даже после явных сигналов об ее приближении в начале апреля 1940 г. боевая готовность армии и флота почти не была усилена.

2) Датчане оказали агрессору лишь символическое сопротивление и уже 9 апреля приняли германский ультиматум, так и не объявив войны. Сношения оккупированной Дании с внешним миром подпали под строгий контроль гитлеровцев. Независимость и нейтралитет были по существу утрачены. Вместе с тем, быстрое примирение правительства с оккупацией, отсутствие германской гражданской администрации в стране, сохранение внешних атрибутов государственной самостоятельности наложили определенный отпечаток на внешнеполитическое положение Дании, в отличие от остальных жертв фашистской агрессии. В частности, и после 9 апреля сохранялись нормальные советско-датские отношения, а деловые связи даже расширились.

3) Победа вермахта на континенте Западной Европы в мае-июне 1940 г. явилась предпосылкой для новой капитуляции дат-

ских правящих кругов перед оккупатами. В июле 1940 г. после реорганизации кабинета был провозглашен курс "активного сотрудничества" с рейхом. Практически это выразилось в усилении экономического ограбления страны германским империализмом и в дальнейшем более открытом использовании Дании в военных целях (строительство автострад и аэродромов, передача части боевой техники немцам и пр.). Взамен коллаборационистские правители добились сравнительно малого вмешательства Берлина во внутренние дела Дании и временного отказа гитлеровцев от создания марионеточного правительства из местных нацистов.

4) С нападением гитлеровской Германии на СССР датское правительство заняло открыто антисоветскую позицию. Оккупированная Дания стала неволевым сателлитом фашистской Германии в ее походе на СССР (разрыв дипломатических отношений, добровольческий легион, вступление в антикоминтерновский пакт). Враждебные нашей стране акты, а также репрессии против датских коммунистов были совершены под сильным нажимом оккупантов и привели к росту антифашистского движения сопротивления в стране, особенно весной - летом 1942 г. Коллаборационистское правительство не в силах было его подавить и этим навлекло на себя германские репрессии ("телеграммный кризис" в сентябре-октябре 1942 г.). Однако, и новое правительство прямого немецкого ставленника Скавениуса все же не было фашистским и отказалось применить к растущему движению сопротивления угодные оккупантам драконовские меры. 29 августа 1943 г. оно прекратило свою деятельность и уступило место открытой военно-полицейской диктатуре немецко-фашистских властей.

5) С сентября 1943 г. функции внешнеполитического руководства страной постепенно перешли к вновь созданному антифашистскому Совету свободы. Опираясь на все более мощное вооруженное движение сопротивления внутри страны и на антигерманскую активность датчан-эмигрантов (датские моряки торгового флота, добровольцы в войсках союзников, организация "Свободные датчане" в Англии, деятельность отдельных датских дипломатов), Совет свободы добивался признания Дании фактическим союзником антигитлеровской коалиции. На пути такого признания стояли, однако, прежние антисоветские акты коллаборационистской Дании и недоброжелательное отношение западных союзников к левым, коммунистическим силам датского сопротивления. Тем не менее, в июле 1944г. СССР, Англия и США в особых декларациях отметили боевой вклад датского народа в борьбу с фашизмом, а Советское правительство приняло у себя постоянного представителя Совета свободы. Активная политическая поддержка левого крыла сопротивления со стороны Советского правительства имела немаловажное значение в определении состава и программы первого датского правительства после освобождения страны. Великие державы-победители практически обращались с Данией, как с союзником. После официального восстановления советско-датских дипломатических отношений (май 1945г.) Дания была приглашена к участию в учредительной конференции Организации Объединенных Наций (июнь). Таким образом, ее союзный статус был признан еще до окончания второй мировой войны.

Р.Ф.Карпова
канд.ист.наук
(Ленинград)

СОВЕТСКО-НОРВЕЖСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1924-1925 гг.

1. 15 февраля 1924 г. состоялось признание СССР де-юре правительством Норвегии. Акт признания не разрешал важных вопросов экономических взаимоотношений сторон, регулировавшихся до того времени советско-норвежским соглашением от 2 сентября 1921 года, явно недостаточным в изменившихся обстоятельствах. Поэтому декларацией о признании предусматривалось немедленное открытие переговоров на предмет заключения договора о торговле и мореплавании. Такой договор должен был определить и регулировать конкретные формы и масштабы сотрудничества, стать логическим завершением акта признания. Этим определялось значение советско-норвежских переговоров, начатых в июне 1924 года.

2. Советско-норвежские переговоры длились с 20 июня 1924 г. до 15 декабря 1925 г. Их история делится на два периода. Результатом первого периода переговоров, происходивших в Москве с 20 июня по 12 июля 1924 года, явилось согласование подавляющего большинства статей проекта торгового договора. Однако по ряду важнейших вопросов (о праве наибольшего благоприятствования, о положении советского торгпредства в Норвегии, о предоставлении норвежским ^дподанным права охоты и рыболовства в советских северных водах, о контингенте рыбы, закупаемой СССР в Норвегии, и некоторым другим) соглашение не было достигнуто. Переговоры были приостановлены.

Либеральное правительство Мувинкеля, сменившее в июле 1924 года правительство консерваторов, изъявило готовность продолжить переговоры. Они вступили во второй этап. По согласованию сторон переговоры не приняли формы конференции и велись через обычные дипломатические каналы. Позиция правительства Мувинкеля в вопросе о заключении торгового договора с Советским Союзом существенным образом отличалась от позиции консервативного кабинета и в значительно большей степени соответствовала национальным интересам Норвегии. Однако линия либерального правительства не была достаточно последовательной и постоянно подвергалась влиянию со стороны как внутренней, так и внешней реакции. Этим объясняется неоправданно затяжной характер переговоров. Они завершились в декабре 1925 года подписанием советско-норвежского договора о торговле и мореплавании.

3. Благоприятному исходу переговоров в решающей степени содействовало неуклонное стремление Советского правительства развивать советско-норвежские отношения в соответствии с принципами мирного сосуществования. Благожелательность позиции правительства СССР в ходе переговоров не раз признавалась норвежской стороной. "Несмотря на сложность разрешения некоторых вопросов, - заявил в стортинге глава правительства Мувинкель, - русская делегация в Москве в течение всего периода переговоров выказывала искреннее стремление найти способ соглашения".

Позиция советской стороны определялась готовностью пойти на уступки по ряду важных экономических вопросов (о договорном контингенте рыбы, закупаемой СССР в Норвегии, о таможенном тарифе, о правах охоты и рыбодовства в советских се-

верных водах, предоставляемых норвежским гражданам и т.д.), однако Советское правительство заняло твердую позицию в вопросах, имеющих принципиальное значение для всей системы внешнеполитических связей СССР, таких, как вопрос о положении и правах советского торгпредства, о принципе наибольшего благоприятствования и некоторые другие.

Положительным вкладом в дело урегулирования советско-норвежских отношений явились выступления прогрессивных сил Норвегии: ее рабочего класса, в особенности коммунистов, левых социал-демократов, демократической интеллигенции, а также значительной части буржуазии, заинтересованной в развитии деловых отношений с восточным соседом.

А.М.НОСКОВ
(Ленинград)

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В НОРВЕГИИ ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР

1. В норвежской буржуазной исторической литературе утвердилась версия, что вступление Советского Союза в войну против гитлеровской Германии якобы не оказало заметного влияния на развитие движения Сопротивления в Норвегии. Однако анализ борьбы норвежского народа против гитлеровских оккупантов в 1940-1943 годах показывает, что с 1941 года в норвежском движении Сопротивления произошел качественный перелом:

а) Норвежский народ увидел в Советском Союзе ту силу, которая способна сокрушить фашистскую Германию и помочь Норве-

гии освободиться от гитлеровской оккупации. Героическая борьба советского народа возбуждала и звала норвежских патриотов на борьбу с оккупантами.

б) В 1941 году в борьбу вступают массовые организации пролетариата. Рабочие столичных предприятий впервые объявляют забастовку. Усиливается брожение среди студентов университета в г.Осло, которые также объявляют забастовку.

в) Создается широкая сеть подпольных военных организаций ("милорг"), которые до сих пор были немногочисленными и разрозненными. Следуя примеру и призывам компартии, "милорг" начинает вступать в активную диверсионную деятельность, направленную против гитлеровских оккупантов и квислинговцев.

г) Усиливаются авторитет и влияние компартии среди трудящихся масс страны. Компартия становится во главе диверсионной и вооруженной борьбы с оккупантами. Организуются первые партизанские отряды.

После разгрома гитлеровских войск под Сталинградом в Норвегии развернулась массовая борьба против мобилизации норвежцев на "восточный фронт". Помощь советским военнопленным приобретает всенародный характер. Это становится мерилом патриотичности каждого норвежца. В 1943 году наметились признаки разложения в партии Квислинга "Нашунал самлинг".

Разгром Красной Армией в октябре 1944 года гитлеровской "Полярной армии" и освобождение Северной Норвегии поставили вопрос о всеобщем вооруженном выступлении норвежского народа и оказании помощи Красной Армии в освобождении Норвегии. Однако объединенными усилиями реакции удалось сковать вооруженные формы борьбы и ввести движение Сопротивления в выгодное для

нее "спокойное русло".

Даже после вступления Советского Союза в войну против гитлеровской Германии норвежское движение Сопротивления сохранило ряд особенностей, который, в отличие от других стран (например, Югославии, Греции) обусловил преобладание в нем мирных форм борьбы над военными:

а) Неблагоприятная внешняя обстановка: движение Сопротивления началось вскоре после окончания советско-финляндской войны, во время которой в стране царил антисоветский психоз и подавлялись прогрессивные элементы. Компартия оказалась ослабленной. Это отразилось и на последующих этапах борьбы.

б) Неблагоприятная расстановка классовых сил в стране: подавляющее влияние на рабочий класс оказывало реформистское руководство Норвежской рабочей партии, которое было противником вооруженного сопротивления оккупантам.

в) Оккупационный режим в Норвегии был "мягче", чем во многих оккупированных Гитлером европейских странах, в результате чего Норвегия в целом понесла меньше всего жертв - 0,3% от общего количества жителей страны. Это в три раза меньше, чем в Бельгии, в пять раз меньше, чем во Франции, в восемь раз меньше, чем в Голландии, в 40 раз меньше, чем в Югославии и в 60 раз меньше, чем в Польше.

г) В Норвегии постоянно находилось от 250 до 350 тысяч гитлеровских войск. Партия Квислинга и иттурмовые отряды "хирди" насчитывали более 60 тысяч активных членов. Кроме того, в подчинении оккупантов и Квислинга находилось несколько тысяч человек норвежской полиции. В среднем на каждых 6 норвежцев

приходился один гитлеровец или норвежский нацист.

д) Около 40% территории Норвегии находится за полярным кругом. Это малонаселенные районы с суровым климатом и скудной продовольственной базой.

Перечисленные особенности сужали возможности развития в Норвегии партизанского движения, придавали Сопротивлению в этой стране определенную односторонность, т.е. преобладали невооруженные, гражданские формы борьбы: массовое распространение подпольной прессы, забастовки, бойкот мероприятий оккупационных властей и Квислинга, широкая помощь советским военнопленным и т.д.

Е.М. СОКОЛОВ
(Москва)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

Знакомство с теорией и практикой школьного обучения в современной Швеции позволяет составить представление о специфике, отличающей положение и тенденции развития современной буржуазной школы и состоянии педагогических теорий в условиях господства государственно-монополистического капитализма в развитых капиталистических странах, к которым относится Швеция. Не менее важным представляется и то обстоятельство, что на протяжении послевоенных лет школьные проблемы остаются одним из центральных пунктов внутривластной программы и государственной практики правящей шведской социал-демократической партии, по

инициативе которой в настоящее время в стране проводится реформа общеобразовательной школы.

Сопровождающая школьную реформу теоретическая дискуссия обнимает широкий круг педагогических, социальных, политических и философских проблем. Предмет педагогической науки, связь педагогики с политикой, философией, социологией и психологией, роль педагогической науки при установлении целей школьного образования, отборе содержания и методов обучения - вот неполный перечень центральных вопросов педагогической теории, оказавшихся объектом этой дискуссии. В условиях капитализма и господства буржуазного мировоззрения такая дискуссия являет собой пример столкновения неразрешимых классовых противоречий, показывает глубину кризиса буржуазных учений, поставленных на службу капитала.

Наряду с этим, рассматриваемые с позиций исторического материализма положения, высказываемые шведскими учеными в отношении задач общеобразовательной школы в условиях современного мира, способствуют не только более глубокому пониманию места современной буржуазной школы и педагогики в условиях господства монополистического капитала, но и одновременно помогают увидеть связи, существующие между тенденциями, отличающими развитие современного общества, экономики, культуры и т.п. - с одной стороны, и организацией, содержанием и методами школьного обучения - с другой.

Л. В. СУНИ
канд. ист. наук
(Ленинград)

ФИНЛЯДИЯ И ПОДГОТОВКА ГИТЛЕРОВСКОГО НАПАДЕНИЯ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
(от поражения Франции до конца 1940 года)

История финско-германского сближения накануне Отечественной войны практически не разработана советской историографией. В известных трудах А. М. Некрича, Г. А. Деборина, В. Г. Трухановского и др., в коллективном исследовании "История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945" рассматриваемая проблема освещается скупо и бегло. Совершенно вырвал из поля зрения советских историков ранний период финско-германских отношений (до 1941 года).

Финляндская буржуазная историческая наука, стремясь всячески преуменьшить значение событий этого периода, отрицает за ними их основное содержание - начавшееся финско-германское военное сотрудничество, которое вскоре перерастает в сотрудничество политического характера. При этом делается попытка целиком возложить инициативу в начавшемся сближении на руководителей третьего рейха и по возможности ступезать прогерманские усилия финляндских правящих кругов. Буржуазная историография, стремясь создать у читателя представление о некоей фатальности в развитии событий, характеризует Финляндию как жертву советско-германских противоречий и в конечном итоге пытается возложить на Советский Союз ответственность за вступление Финляндии в мировую войну.

После подписания Московского договора внутренняя и внешняя политика финляндских правящих кругов диктовалась принципами, несовместимыми с демократизацией общественной и политической жизни страны, нормализацией отношений с Советским Союзом. Были сохранены законы военного времени, разгромлены левые рабочие организации, поощрялась деятельность шовинистических союзов.

В начале августа 1940 г. финляндская дипломатия предприняла первые шаги в поисках германской дружбы. Во время встреч Рюти и министра иностранных дел Виттинга с немецким послом Блюхером было высказано пожелание о получении военной помощи, необходимой для "возвращения потерянных территорий". Германию призывали действовать на Балтике, "как на Балканах", с финской стороны была выражена готовность поехать в Берлин на встречу с Гитлером и создать абсолютно прогерманское правительство.

Столь откровенные заявления, совпавшие во времени с начавшимся планированием Гитлером большой войны на Востоке, были по достоинству оценены руководителями третьей империи. Однако Берлин, избегая преждевременного осложнения отношений с Советским Союзом, был против явного финско-германского сближения. Блюхер подчеркнул заинтересованность в таком финляндском правительстве, которое тесно сотрудничая с Германией, внешне проявляет к ней большую сдержанность. Именно таким путем и стали развиваться в дальнейшем отношения между двумя странами.

Впервые о Финляндии как о будущем германском союзнике, представляющем серьезный стратегический и экономический интерес, гитлеровский генералитет заговорил в июле 1940 года.

В августе 1940 г. "финляндский вопрос" неизменно включался в повестку дня заседаний высшего фашистского руководства, заинтересованного в транзите частей вермахта в районы северной Норвегии и получении преимущественного права на эксплуатацию никелевых рудников Петсамо. С начавшейся разработкой плана Барбаросса, предусматривавшего активные наступательные операции на флангах будущего восточного фронта, значение Финляндии в расчетах германских правителей возрастает еще более.

В результате тайных официальных контактов обе стороны пришли к быстрой договоренности об удовлетворении германских экономических и стратегических интересов в Финляндии. В сентябре 1940 г. во время визита личного представителя Маннергейма в ставку Гитлера было достигнуто принципиальное соглашение о совместной подготовке нападения на Советский Союз.

Выбор, сделанный финляндскими политиками, предопределил дальнейшую судьбу страны. Роковые решения принимались в узком кругу военных и государственных деятелей, скрывавших до определенного времени от парламента и правительства Финляндии взятые перед Германией обязательства. Уже во второй половине 1940 г. развитие финско-германских отношений достигло той степени определенности, которая позволила гитлеровскому руководству констатировать: "На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России".

Факты свидетельствуют, что нет и намека на одностороннее стремление Германии вовлечь и Финляндию в подготовку будущей войны. В неменьшей мере активность проявляла и финляндская

правящая верхушка. Проповедуемый буржуазной историографией тезис о нейтралистском внешнеполитическом курсе Финляндии, о спровоцированном выступлении против Советского Союза, об "особой войне" в свете известных ныне документальных свидетельств оказывается полностью несостоятельным.

И. И. СУККИЙНЕН
д-р ист. наук
(Петрозаводск)

ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ФИНЛЯНДИИ

Коммунистическая партия Финляндии зародилась в результате тех сложных процессов, которые происходили в недрах старой социал-демократической партии страны.

Со времени образования социал-демократической партии в 1899 году вплоть до 1918 г. внутри партии проходила непрерывавшаяся борьба между левым, революционным, и правым крылом, то усиливаясь, то ослабевая, причем левые разоблачали оппортунистическую сущность правых, шедших на соглашение с буржуазией.

В январе 1918 г. началась финляндская революция. Логика революционной борьбы привела к тому, что социал-демократические руководители становились на путь пролетарской диктатуры и социалистической организации производства. Старая социал-демократическая партия превращалась в революционную партию нового времени и в ее рядах выросли и закалились те элементы, из которых затем была создана Коммунистическая партия Финляндии.

С поражением революции активные деятели левого крыла СДПФ оказались на территории Советской России. Был образован ЦК Заграничных организаций финских социал-демократов в Москве и его отделение в Петрограде, издававший ежедневную газету "Вапаус" и теоретический журнал "Кумоус". Через эти органы и коммунистические клубы, созданные в местах скопления финских эмигрантов, развернулась подготовительная работа по созданию коммунистической партии.

Большую работу по подготовке созыва учредительного съезда КПФ провел оргкомитет в составе Ю.Сиролы и О.В.Куусинена и К.Маннера. О.В.Куусинен разработал проект программы партии. Посоветовались с В.И.Лениным, который одобрил намеченные оргкомитетом мероприятия по созыву съезда для создания КПФ и обещал сам на нем выступить.

25 августа 1918 г. в Москве, на Делегатской улице, в зале духовной семинарии, открылось совещание представителей финских заграничных социал-демократических организаций, на котором присутствовало более 100 человек. К совещанию было подготовлено два проекта программы - один Центральным Комитетом заграничных организаций финских социал-демократов в Москве и другой - Петроградским отделением ЦК.

Докладчиком по первому проекту выступил О.В.Куусинен, подвергший критике петроградский проект за то, что в нем предусматривалось участие рабочих в парламентской, профессиональной, муниципальной деятельности, что по его мнению могло бы быть только во вред революции. После пятидневного обсуждения доклада Куусинена были приняты пять тезисов, в которых указывалось,

что пролетариат должен энергично готовиться к вооруженному восстанию и ни в коем случае не возвращаться к старой парламентской, профессиональной и кооперативной борьбе, которая была характерной для рабочих организаций Финляндии до революции.

В тезисах говорилось о создании коммунистического строя через диктатуру пролетариата, а также о необходимости содействовать возникновению и победе международной пролетарской революции. За тезисы было подано 74 голоса, против - 16 голосов, воздержалось 4 человека. В этих тезисах отразилась детская болезнь "левизны", характерная не только для организаторов Коммунистической партии Финляндии, о которой писал В.И. Ленин в своей замечательной работе "Детская болезнь "левизны" в коммунизме".

29 августа голосовавшие за принятие указанных тезисов собрались на Учредительный съезд Коммунистической партии Финляндии. Важнейшим документом, принятым на съезде, была учредительная декларация партии, в которую были полностью включены приведенные выше тезисы. Съезд заслушал и утвердил доклады Центрального и Петроградского комитетов заграничных организаций финских социал-демократов, Петроградского Комитета обеспечения финских рабочих, а также руководителя Буйской колонии финских эмигрантов.

Во время работы съезда стало известно о злодейском покушении на В.И. Ленина, и съезд решил послать письмо к Ленину, в котором выражались чувства глубокой благодарности и преданности. В просторном письме была дана резкая критика старой социал-демократической партии Финляндии, ее ошибок, допущенных в руко-

водстве революционной борьбой финляндского пролетариата. Съезд заверил В.И.Ленина, что финляндские коммунисты с радостью пойдут в бой за победу пролетариата во всех странах. Съезд принял обращение к финским воинам Красной Армии, призвав их продолжать совместную борьбу в рядах русского пролетариата. На съезде был обсужден также национальный вопрос и вопрос о независимости Финляндии.

Съезд избрал Центральный Комитет партии в следующем составе: О.В.Куусинен, Юкка Рахья, Л.Летонмяки, К.Эвя, Ю.Сирола.

На закрытии съезда выступили с приветствиями председатель ВЦИКа Я.М.Свердлов и от ЦК РКП(б) и Моссовета А.В.Шотман.

Создание Коммунистической партии Финляндии явилось исторической необходимостью. Оно отвечало стремлениям и чаяниям рабочего класса Финляндии. С момента своего зарождения КПФ проявляла верность всему прогрессивному, революционному, имевшему место в старом рабочем движении страны, продолжая лучшие традиции финляндского революционного пролетариата. Верная революционному знамени марксизма-ленинизма, она активно борется за насущные интересы трудящихся своей страны, за единство мирового коммунистического и рабочего движения во имя мира, демократии и социализма.

В.М. ХОЛОДКОВСКИЙ
канд. ист. наук
(Москва)

ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ СУДЕБ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА

1. Образование в России марксистской партии означало для финляндского народа появление не только верного союзника в его борьбе за национальные права, но и той общественной силы, которая была в состоянии свернуть власть царизма и буржуазии и предоставить народам России, в том числе и финляндскому народу, право на самопределение.
2. При власти царизма и Временного правительства большевистская партия неизменно и последовательно выступала в защиту национальных прав финляндского народа. Каждая русская революция имела побочным следствием увеличение степени национальной свободы Финляндии по сравнению с положением до революции.
3. Получение Финляндией независимости стало возможным только благодаря победе Октябрьской революции.
4. Другим следствием Октябрьской революции для Финляндии явилось крайнее обострение классовых противоречий, приведшее к революции. Советская Россия оказывала революционной Финляндии братскую помощь, но была не в состоянии защитить её от германской интервенции, решившей судьбу финляндской революции.
5. Во время гражданской войны и интервенции в России решался вопрос не только о том, быть России буржуазной или социалистической, но фактически и о том, быть ли Финляндии независимой. Вожди русской контрреволюции были противниками независимости Финляндии. Победа контрреволюции в России означала бы

ликвидации самостоятельности Финляндии.

6. Заключенный в Тарту в 1920 г. мирный договор между РСФСР и Финляндией предоставлял последней таиние возможности для независимого национального существования, каких не предоставило бы ей никакое другое правительство в России, кроме большевистского.

7. Укрепление Советской власти, отражение ею всех попыток реставрации капитализма в России имело важное значение для Финляндии, ибо означало укрепление в России той единственной власти, которая безоговорочно признала независимость Финляндии и готова была честно проводить в отношении неё политику мирного сосуществования.

О.В. ЧЕРНЫШЕВА
канд. ист. наук
(Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ШВЕДСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В 30-е ГОДЫ

I. Обширная реформистская и отчасти буржуазная литература, специально посвященная вопросам истории рабочего движения Швеции или всей истории страны в 30-е годы, особенно большое внимание уделяет социальным реформам социал-демократов, которые рассматриваются не как результат многолетней борьбы рабочего класса, а исключительно как заслуга лидеров правящей партии.

В 30-е, начале 40-х годов шведские социал-демократические авторы утверждали, что социальные реформы правительства П.А. Халенсона являлись практическим воплощением реформистской теории мирного вращания капитализма в социализм (журнал "Тиден",

"Прорыв", "Сыны труда", работы С.Ханссона и др.). С точки зрения этих авторов революционные выступления рабочих за свои экономические и политические права могут быть лишь препятствием на пути мирного преобразования общества.

2. В период пребывания у власти I и II правительств П.А.Ханссона окончательно сформировалась социальная политика СДПШ. Именно в 30-е годы в Швеции впервые практически осуществляется социал-демократическая политика лавирования между буржуазией и рабочим классом. Идея классового сотрудничества, т.е. фактического и формального отказа от классовой борьбы, "политика взаимопонимания", провозглашенная премьер-министром и лидером СДПШ П.А.Ханссоном, осуществлялись в практике социал-демократических правительств 30-х годов.

3. Программа социал-демократов в действии: помощь безработным, налоговая политика. Соглашение 1933 г. социал-демократов с аграриями и его результаты - обеспечение поддержки со стороны сельских хозяев. Положительные стороны этого соглашения. Реформы I правительства Ханссона: введение страхования по безработице, изменения в трудовом законодательстве. Реформы 1937-1938 годов: пенсионный вопрос, вопросы заработной платы и продолжительности рабочего дня, закон о 12-дневном отпуске, пособия разного рода и т.д.

4. Характер социальных реформ, осуществленных в 30-е годы. Социальные реформы ни в коей мере не изменили характера капиталистического общества. Финансировались они за счет государства, т.е. в значительной мере за счет возросших налогов. Незавершенность большинства реформ. Все они были осуществлены в результате длительной борьбы рабочего класса и явились его немаловажным завоеванием.

А.И.Гольфман
(Рига)

ШВЕЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ "ИНТЕГРАЦИИ" ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
(1957-1963 гг.)

I. В последние годы в советской литературе были опубликованы статьи, монографии и глубокие исследования, посвященные анализу, главным образом, позиций скандинавских стран в отношении социально-экономических аспектов западноевропейской "интеграции" (И.Н.Герчикова, О.К.Тимашкова, В.И.Панченко, С.И.Гончаров и др.). Однако в нашей историко-политической литературе еще мало изучены и не получили достаточного освещения вопросы, связанные с влиянием "интеграции" на внутривнутриполитическую борьбу в Швеции вокруг этой важной проблемы ее международной ориентации.

Источниками по данному вопросу служат, в первую очередь, официальные документы шведского правительства, выступления руководящих кругов, статьи и работы различных политических деятелей и публицистов. В странах народной демократии, главным образом, в ГДР и Польше, были опубликованы отдельные статьи на смежную тему в журналах: "Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock", "Einheit", "Sprawe Miedzynarodowe", "Nowe Drogi" и др. Проблема "интеграции" и европейские кейтрады - рассмотрена в социально-экономической и политической литературе США, Англии, ФРГ, Австрии, Швейцарии. (Jacques Freymond, Ignaz Seidl Hohenveldern, Peter Leithoff, Hans Haug, Paul Struye и др.).

2. Экономический раскол Западной Европы и возникновение двух соперничающих между собой государственно-монополистических группировок создали затруднительное положение для нейтральной политики Швеции.

Основополагающая внешнеполитическая концепция Швеции "свобода от союзов - ради сохранения нейтралитета в случае войны" - несовместима с целями Европейского экономического сообщества. Прозападная внешнеэкономическая ориентация Швеции, обусловленная историческими особенностями развития шведского капитализма, связывает её с планами западноевропейской "интеграции". Глубокое противоречие между зависимостью Швеции от рынков Западной Европы и её политикой "свободы от союзов" обусловило острый характер внутривнутриполитической борьбы вокруг вопроса об отношении Швеции к западноевропейской "интеграции".

Анализ указанной выше проблемы дает основание выделить при основных периодах борьбы, отличающиеся расстановкой классовых сил и тактикой политических партий. Подобные деления непосредственно вытекают из межимпериалистической борьбы великих держав за осуществление планов "интеграции" в Западной Европе. Первый период - с момента подписания Римского договора об учреждении "общего рынка" (27 марта 1957 г.) до середины 1961 г., т.е. до принятия Англией решения приступить к переговорам с Европейским экономическим сообществом. Второй период - со второй половины 1961 г. до конца января 1963 г. т.е. до провала переговоров между Англией и ЕЭС. Третий период - после провала переговоров о вступлении Англии в ЕЭС.

3. В первый период "интеграции" в Западной Европе политическая борьба в Швеции носила скрытый характер. Основные политические партии, признавая протекционистский характер ЕЭС и его политическую направленность, поддерживали линию шведского правительства на создание широкой "зоны свободной торговли" и северного "общего рынка". Швеция выступила с инициативой создания соперничающей с "общим рынком" государственно-монополистической группировки - Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Шведские политические и деловые круги по разному отнеслись к созданию ЕАСТ. Наличие двух экономических группировок сказалось на тенденциях внешнеэкономического развития Швеции.

4. На втором этапе развития западноевропейской "интеграции" внутриполитическая борьба вокруг вопроса об отношении Швеции к "общему рынку" обострилась. Буржуазно-оппозиционные партии (Народная и Правая - А.Г.) отступили от занятой ими ранее позиции в вопросе о западноевропейской "интеграции". В этой связи необходима критика реакционных шведских концепций экономической, политической и культурной "общности" Швеции с Западной Европой (Arthur Montgomery, Uno Murray, Birger Hagård и др.). Внутри правящей социал-демократической партии также развернулась дискуссия об отношении Швеции к "общему рынку". (Fahlström, Kaj Björk, G. Myrdal, R. Pålsson, Odhner, E. Kokk и др.). Переговоры шведского правительства с ЕЭС о вступлении Швеции в "общий рынок" на условиях ассоциации. Позиция руководящих кругов ЕЭС и США в отношении намерения Швеции.

5. Политика Швеции и позиции различных партий в отношении проблемы западноевропейской "интеграции" после провала перегово-

воров между ЕЭС и Англией в январе 1968 г.

Критика КПШ концепций правых и двойственной позиции социал-демократического правительства в вопросе об интеграции и рынках. Провал переговоров в Брисселе и обострение проблемы рынков в Западной Европе. Необходимость расширения внешнеторговых связей Швеции со стабильным, крепнущим мировым социалистическим рынком. Динамика роста внешнеторгового оборота между Швецией и странами мировой системы социализма.

6. Вопрос об отношении к "интеграции" Западной Европы является в обозреваемый период наиболее острым испытанием для политики нейтралитета Швеции. Этот вопрос не снят с повестки дня и на современном этапе развития Швеции и будет во многом зависеть от дальнейшей позиции других европейских нейтральных стран - Австрии, Швейцарии, но главным образом, от Англии, являющейся крупнейшим торговым партнером Швеции среди стран ЕАСТ.

7. Анализ внутриполитической борьбы в Швеции вокруг "интеграции" в Западной Европе позволяет глубже познать позицию Швеции в отношении различных империалистических группировок, начиная с НАТО. От шведской позиции в отношении "общего рынка" во многом будет зависеть вся внешнеполитическая ориентация этой страны, а тем самым и обеспечение мира и безопасности в Северной Европе и в бассейне Балтийского моря.

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АЛИМОВА Т.А.

(Ленинград)

РУССКО-ШВЕДСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ 19- НАЧАЛЕ 20
СТОЛЕТИЯ (ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПРОВЕДЕНИЮ РУССКО-ШВЕДСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ПО ГРАДУСНОМУ ИЗМЕРЕНИЮ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ В
1899-1901 гг.)

Вопрос изучения строения Земного шара привлекал внимание многих ученых мира. На протяжении многих веков организовывались научные экспедиции, проводившие работу по градусному измерению Земного шара.

В начале 19 века была организована большая экспедиция по градусному измерению, проводившаяся русскими и скандинавскими учеными от Дуная до Ледового океана.

К концу 19 века сложилась довольно сложная политическая обстановка, касающаяся вопроса суверенитета Шпицбергенского архипелага.

В 1871 году Шведско-норвежское Министерство иностранных дел направило ряду стран ноту, в которой указывало, что шведским ученым Норденшельдом был предложен план колонизации Шпицбергена жителями Северной Норвегии. Большинство стран не возражало против осуществления этого плана. Россия же выступила с заявлением, что Шпицбергенский архипелаг всегда считался ничейной землей, поэтому все страны могут использовать богатства его. Открытый доступ в северные воды России был чрезвычайно важен

для страны, т.к. в этот период в Балтийском море усиливалось влияние германского флота.

И поэтому, когда Шведская Академия Наук предложила Академии Наук России проводить совместную экспедицию по градусному измерению в северных широтах, а именно на Шпицберген, то оно было положительно встречено как со стороны Академии Наук России, так и в Министерстве Иностранных дел. Обе страны придавали этой экспедиции большое значение.

По вопросу проведения этой экспедиции велась переписка между Академией наук России и Министерством Иностранных дел, а также между другими министерствами России. В письмах указывалось на то, что отказ от участия в этой экспедиции, а также привлечение других стран в работе этой экспедиции было бы нежелательно, так как это можно было бы рассматривать как отказ России на какие бы то ни было посягательства на Шпицберген.

В 1898 году началась подготовка к началу работы экспедиции. Русские и шведские ученые присутствовали на заседаниях обеих Комиссий, на которых обсуждался план проведения работ. Основной задачей экспедиции было измерение дуги на территории Шпицбергена, помимо этого намечались работы по магнитным измерениям, изучению полярного сияния и др. Руководителями русской части экспедиции были назначены академик Баклунд и академик Чернышев, со шведской стороны работой руководил проф. Де Гер. Между русскими и шведскими учеными велась переписка, где они обменивались рядом предложений по намеченным работам. В июне 1899 года экспедиция вышла из г.Тромсе по направлению к Шпицбергену. Условия работы было тяжелыми, но основная

задача была успешно выполнена, причем на долю русской партии пришлось с $2^{\text{I}}/2^{\circ}$ дуги из всех $3^{\text{I}}/2^{\circ}$, измеренных всей экспедицией.

Комиссии по руководству экспедициями продолжали совместную работу и после окончания полевых работ, вплоть до 1919 года. Они совместно опубликовывали тот обширный научный материал, который был получен в результате совместных работ русских и шведских ученых.

Значение этой экспедиции велико, как в отношении специальных наук, так и в укреплении дальнейшего сотрудничества между шведскими и русскими учеными.

Г. И. АНОХИН
(Москва)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ ФАРЕРЦЕВ

1. До 1816 г., в течение почти 800 лет, причем четверть тысячелетия под властью норвежской и более четырех столетий под властью датской короны, фарерцы сохраняли местное самоуправление через лёттинг и его председателя лётмадюра. С отменой этого самоуправления датчанами, Фарерские острова превратились в рядовую датскую административную единицу амт во главе с датским чиновником - амтманном.

2. С развитием в XIX в. капиталистических отношений, в застойном мирке фарерского общества выросла и все более усиливалась мелкая местная буржуазия - наиболее зажиточная часть землевладельцев и владельцев парусно-гребных судов. Она и возглавила борьбу за фарерские национальные требования, которые

по своему характеру могут быть классифицированы как экономические, культурные и политические. Сначала эти требования были весьма умеренными и исходили обычно от частных лиц или отдельных не объединенных в политические организации групп. Затем, по мере частичных, но все больших завоеваний, требования приобретали острый, даже категоричный характер и опирались на поддержку возникших к тому времени политических партий.

3. С середины XIX в. экономические требования выставлялись фарерской буржуазией с целью получения гарантии своего дохода и дальнейшего расширения торгово-экономических льгот. Именно под напором этих требований с 1 января 1856 г. было упразднено право датской королевской монопольной торговли, тормозившее развитие частной инициативы и вообще товарно-денежных отношений на архипелаге. Несколькими годами раньше, в 1852 г., был восстановлен лёттинг с правом предлагать местные законы, и фарерцы получили право посылать в датский парламент - ригсдаг - двух депутатов.

4. Толчком к культурным требованиям были сбор еще в конце XVIII в. и публикация в 1830-х годах фольклорных текстов на фарерском языке, а затем, с 1846 г., разработка фарерским богословом В.У.Хаммерсхаймбом единой орфографической нормы фарерского языка и начало издания фарерской народной антологии. Возникла фарерская интеллигенция со своими поэтами и писателями, с 1877г. стала издаваться первая фарерско-датская газета. Около 1890-х годов лидеры фарерской буржуазии и ее интеллигенции стали требовать культурной автономии, в частности, введения обучения фарерскому языку в школах и признания его основным языком на архипелаге.

5. Наметившийся к концу XIX в. контакт между частью местной и датской буржуазии способствовал расколу фарерской общности на две политических группировки - автономистов и сторонников "данизации". Последние в 1906 г. организовали первую политическую партию архипелага - "Самбандсфлоккурин", партию Союза. Автономисты тотчас же создали свою - "Сьялвстюрисфлоккурин", партию Самоуправления. В 1920-х гг. возникла реформистская социал-демократическая партия "Явнадар флоккурин", объединившая преимущественно рыбаков и рабочих немногих и к тому же мелких предприятий.

6. Совершенно новое политическое требование фарерцев назрело сразу после первой мировой войны под влиянием отделения Исландии от Дании в 1918 г. - идея полного суверенитета фарерцев. В 1919 г. был разработан фарерский национальный флаг. В результате значительных осложнений между автономистами и датскими властями, партия Самоуправления в конце 1930-х гг. раскололась и из нее выделилась новая партия с требованием немедленного самоуправления, причем с прицелом на дальнейшее полное отделение от Дании, - "Виннафлоккурин", или Торгово-Промышленная партия, которая с 1940 г. преобразовалась в более массовую - "Фолкафлоккурин", или Народную партию. Однако попытка последней в годы Второй мировой войны и оккупации архипелага англичанами провозгласить суверенную Фарерскую республику не получила поддержки 17 депутатов лёттинга из 25, а также оккупационных властей. Послевоенный же плебисцит 1946 г. не дал перевеса ни одной из сторон - ни автономистам, ни сторонникам полного подчинения Дании, - но в дальнейшем способствовал введению внутреннего самоуправления Фарер (1948г.).

7. С провозглашением внутреннего самоуправления фаре́рцы добились признания главным фаре́рского языка, фаре́рского флага, собственных денежных банкнот и пр. В то же время меры датских властей, связанные с их участием в НАТО, привели к обострению фаре́рско-датских отношений и рождению в 1949 г. пятой партии - "Тьедведисфлюккури", или Республиканской партии, прямо требующей суверенитета фаре́рцев. Все же она не могла добиться большинства в лёттинге. И только на рубеже 1962-1963 гг., когда возникла шестая партия островов - "Фрамбурдсфлюккури" или Прогрессивная, - блок четырех партий - Республиканской, Народной, Старого Самоуправления и Прогрессивной - получил незначительное большинство в лёттинге (15 мандатов из 29) и стал проводить политику "тех, которые согласны взять власть на архипелаге в свои руки". Эта коалиция четырех партий из шести и в наши дни продолжает добиваться полного национального суверенитета и неотложного провозглашения Фаре́рской республики.

М.И.БЕЗРУКОВА
(Москва)

ТВОРЧЕСТВО Э.МУНКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА

1. Творчество Эдварда Мунка (1863-1944) развилось на рубеже XIX и XX столетий. Оно отмечено противоречиями своего времени.

2. В ранний период Э.Мунк работает в качестве руководителя, и в это время испытывает влияние импрессионизма. Пейзажный жанр

преобладает в его творчестве. В середине 80-х годов Э.Мунк создает одно из наиболее примечательных произведений "Большое дитя".

3. В 90-е годы Э.Мунк пишет так называемый "Фриз жизни" - цикл символических полотен. Своеобразие символизма Мунка, в отличие от символического модерна большинства его современников, заключается в глубине и значимости создаваемых им образов.

4. Символизм Э.Мунка - первый этап на пути к развитию экспрессионизма, зародившегося в европейском искусстве в первое десятилетие XX века.

Более здоровое мироощущение отличает произведения Э.Мунка, возникшие после 1900 года. Национальные черты отличают его пейзажи-картины, портреты, монументальные произведения.

5. Для национальных школ Скандинавских стран гравюра - молодое искусство. Заслуга Э.Мунка - в освоении ее сложных техник, доведении до высокого мастерства и превращении в самостоятельную область искусства на национальной почве.

6. Наследие Э.Мунка (масло, акварели, рисунки, гравюры) огромно. Его творчество - значительное художественное явление не только в скандинавском, но и в европейском искусстве.

Б.Л. ВАСИЛЬЕВ
(Ленинград)

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕГОСЯ ОБЛИКА
ЦЕНТРОВ КРУПНЫХ ГОРОДОВ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ
И ФИНЛЯНДИИ

Многообразие путей формирования городов и связанная с этим неповторимость, уникальность облика каждого города, особенно городов имеющих многовековую историю.

Стихийный рост крупнейших капиталистических городов, физическое и "моральное" уничтожение в связи с этим памятников архитектуры, искажение исторически сложившегося облика (силуэта) городов.

Опасная тенденция некритического применения типовых проектов в планировке и застройке городов, которая привела к обезличиванию, утрате индивидуальных черт в ряде городов в нашей стране.

Расширение сферы градостроительных задач в связи с необходимостью реконструкции исторических центров старых городов, модернизации старого жилого фонда. Незаработанность проблемы сохранения памятников архитектуры в условиях реконструкции, вопросов гармонического сочетания старой и новой застройки.

Общественное движение в защиту памятников культуры у нас и за рубежом.

Деятельность "Норвежского художественного совета" и "Совета по сохранению красоты Стокгольма".

Дискуссии по вопросу сохранения исторически сложившегося облика шведской столицы, проведенные в связи с началом работ по реконструкции ее центра. Критика вновь возводимых в центре города высотных зданий, мостов и транспортных развязок, искажающих сформировавшийся архитектурный облик его центральной части.

Проблемы планировки и застройки Хельсинки и вопросы сохранения черт исторической панорамы города. Дискуссия о характере застройки центральной части города.

Проект нового центра Хельсинки гармонически сочетающий новую планировку и застройку со старой.

Значение приведенных положительных и отрицательных примеров реконструкции исторических центров в Швеции и Финляндии для реконструкции исторических центров крупных городов Советского Союза и особенно Советской Прибалтики.

С. С. ГОЛОВЕНКО
(Калинин)

"ТРАГАС" КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

I. Составной частью общей проблемы своеобразия социального строя Исландии периода раннего средневековья является проблема становления человеческой индивидуальности и отношения индивида и общества. Для изучения этой проблемы на исландском материале может быть привлечен широкий круг источников - родовые саги, поэзия скальдов, песни "Старшей Эдды", записи права. Данный доклад посвящен рассмотрению тех возможностей, которые открывает в этом отношении исландский судебник "Трагас".

2. "Трагас" ("Серый гусь") - свод права, дошедший в редакции XIII в. Первая запись относится ко второй половине XII в., но значительная часть содержащегося в "Трагасе" материала восходит к более раннему времени. Существенно выделить отдельные слои в памятнике. Это нетрудно сделать в отношении постановлений, продиктованных интересами церкви. Исходя из содержания судебного кодекса, можно кроме того приблизительно установить древнее ядро постановлений: к нему, по-видимому, относятся те части текста, в которых отражается традиционное восприятие времени, сохраняется сакральное понимание слова, а также статьи, упоминающие архаические ритуалы, символы, формулы.

3. По своему характеру "Трагас" отчасти напоминает "варварские Правды" других германских народов. Как и в них, в исландском судебнике встречаются общие для варваров черты правового мышления: казуистичность, образность изображения юридических ситуаций, насыщенность ритуальными действиями, связь с древними языческими обычаями (несмотря на то, что записан был судебник уже после принятия христианства в Исландии). Вместе с тем в "Трагасе" сильно ощущается влияние церковного права.

4. В судебнике можно обнаружить ряд моментов, сближающих его с исландскими сагами как по содержанию, так и стилистически (что объясняется фиксацией в нем прямого законоговора). Открывается возможность сопоставления нормативного права, отражаемого судебником, с правовой практикой, широко рисуемой родовыми сагами: в сагах видно как воплощение правовых норм в реальной общественной жизни, так и в особенности отход от них.

5. В плане сравнения данных судебного кодекса и саг особый интерес представляют разделы, касающиеся судьбы отдельного чело-

века: постановления о призрании нищих, о наследовании имущества, о признании родства, об опеке, об оскорблениях, о возмещении и т.п., где удается вскрыть социальные связи индивида. Метод исследования в данном случае состоит в выявлении сущности понимания индивида и его социальной среды, на основе сравнения нормативных данных судебного и жизненного решения этого вопроса в сагах.

6. Социальный анализ проводится по следующим линиям:

а) выявляются те реальные общественные ячейки, из которых складывалось исландское общество и в рамках которых формировался индивид;

б) рассматривается поведение людей на тингах-общественных и судебных собраниях и выясняется состав, способ образования и функционирование групп, складывавшихся в связи с деятельностью тинга;

в) изучаются ритуализированные и строго регламентированные стороны жизни и формы поведения членов общества и раскрывается общественная значимость ритуала, применявшегося определенной группой.

7. Судебник, в отличие от саг, не отражает реального облика и поведения индивидов, но анализ его дает возможность раскрыть некоторые из межгрупповых связей и отношений между индивидом и группой.

А.Я.ГУРЕВИЧ
(Москва)

СКАНДИНАВИСТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
(постановка вопроса)

1. В настоящее время в самых различных науках все более обнаруживается тенденция к целостному изучению объективной действительности и, как следствие, к структурному ее рассмотрению. В сфере гуманитарной структурализм более не ограничивается одной лингвистикой, — он становится методом анализа литературных и в особенности фольклорных произведений. В наименьшей мере тенденция к системному исследованию проявилась пока в исторической науке. Разобщенность исследований отдельных сторон и проявлений жизни общества: экономики, социального строя, права, политической жизни, литературы, искусства, языка, — представляет препятствие на пути целостного охвата историко-культурного процесса как единого во всем его бесконечном многообразии процесса общественной жизни людей минувших эпох.

2. Скандинавистика — комплексная наука по своему существу. Она складывалась и развивается в процессе взаимодействия ряда гуманитарных дисциплин: исторической науки, искусствоведения, лингвистики, литературоведения, истории права. Самые особенности материала, с которым имеет дело медиэвист-скандинавист, сравнительно позднее появление письменности на Севере Европы, преобладание среди исторических источников литературных памятников, делают неизбежным обращение к различным научным методам и отраслям знания. Например, историк не может

обойтись без помощи филолога. Но комплексное исследование означает не простое соединение различных специальных знаний, ибо непосредственное объединение данных, полученных разными науками, вообще невозможно. Речь должна идти о выработке особого научного подхода к гетерогенному эмпирическому материалу. Такой подход предполагает прежде всего постановку новых проблем и, соответственно, иной, по сравнению с традиционными, взгляд на источники, специальные методики их анализа.

3. Аспект рассмотрения общественных явлений в их целостности дает социология. Именно социология позволяет охватить общество как единую развивающуюся систему, все составные части которой взаимосвязаны и взаимозависимы, и в этом — большое ее преимущество перед другими науками об обществе, изучающими отдельные стороны его жизни. Однако социология имеет дело со структурой и движением современного, живого общества и для изучения его использует исследовательские приемы, недоступные исторической науке. Поэтому механическое перенесение проблематики и тем более методов социологии в историю исключено. Задача состоит, следовательно, в том, чтобы выработать социологический способ рассмотрения обществ минувших эпох. Разработка принципов и исследовательских методов исторической социологии возможна, более того, она с необходимостью вытекает из марксистской концепции исторического процесса.

4. Для медиевистики историко-социологический метод исследования представляет особую значимость потому, что в средние века, как и в древности, социальные отношения имели существенные отличия по сравнению с социальными отношениями буржуазного общества. Личный характер общественных связей в докапита-

листических формациях не был замаскирован и фетишизирован вещными отношениями; социальные отношения не были заслонены отношениями товаров, выражались в кровнородственных, корпоративных и общинных связях, в непосредственных отношениях господства и подчинения. По этой же причине формы социальной деятельности, обозначаемые как культура, и иные формы социальных отношений, которые в наше время не имеют касательства к культуре, в средние века выступали в относительном единстве или тесном переплетении. Религия и экономика, частное и публичное, сакральное и мирское, надстройка и базис не были расчленены в средневековом обществе на вполне обособленные и различные сферы социальной жизни. Область культуры не выделилась полностью в специфическую область общественной практики.

5. Следовательно, средневековое общество, в особенности на ранних стадиях своего развития, в определенном смысле представляло из себя некое социологическое единство особого рода. На него неправомерно переносить категории общества буржуазного. Задача исследователя состоит в том, чтобы осознать значение неполной дифференцированности различных социальных функций и сторон жизнедеятельности феодального общества и извлечь все выводы из этого факта. Необходимо конкретно воспроизвести способы взаимодействия отдельных элементов социальной системы средневековья. В Скандинавских странах, темп развития которых был замедлен по сравнению с периферийными странами средневековой Европы и переход к феодализму надолго затянулся, указанные специфические черты социального строя выступают особенно наглядно. Поэтому нигде, пожалуй, применение методов историко-

социологического исследования не представляет такой настоятельной необходимости и не сулит столь плодотворных результатов, как именно на материале средневековой Скандинавии.

6. Исторические источники, имеющиеся в распоряжении историка-скандинависта, это по преимуществу памятники культуры: произведения изобразительного искусства, родовые и королевские саги, песни скальдов, эпическая поэзия "Старшей Эдды". Правовые памятники (записи обычного права отдельных областей Швеции и Норвегии, исландский "Грагас") отличаются от варварских Правд континентальных германских народов тем, что они были записаны не на латыни, языке, чуждом сознанию варваров, а на родных скандинавам языках, вследствие чего судебники, подробно литературным источникам, открывают широкие перспективы также и для лингвистического анализа. Исследования синтаксиса и стилистики языка правовых памятников дают возможность для более глубокого проникновения в духовную жизнь средневековых скандинавов. Особенно важны работы по древнескандинавскому стихосложению, обнаруживающие специфические структурные черты общественного сознания периода раннего средневековья.

7. Первое условие того, чтобы историческое исследование могло охватить средневековое общество в качестве системного единства, — правильная формулировка научных проблем и определение тех понятий, без применения которых такое исследование вообще невозможно. Следовало бы выделить три комплекса социологических проблем. Они тесно связаны между собой. Их исследование позволило бы приблизиться к воспроизведению общества в виде органической системы.

а) Первый комплекс проблем, от которых должно отправляться всякое социальное исследование, — это проблемы социальной структуры. Предполагается изучение как основных макроструктур общества: классов, социальных слоев и других больших групп, так и микроструктур — наиболее элементарных социальных ячеек общества. В обществе раннего средневековья, где классы только еще формировались, анализ микрогрупп приобретает особо важное значение. Семья, род, община, другие "малые группы" представляли те органические формы, в которые непосредственно включался индивид. В рамках этих микроструктур совершалось производство и по большей части протекала жизнедеятельность членов общества. Лишь по выяснении всей иерархии социальных структур можно представить себе реальное содержание общественной системы в целом.

б) Исследование социально-исторической системы как целого требует разработки вопроса о том, что представляет из себя механизм, при посредстве которого эта система функционирует. Основной вопрос в данной связи — это вопрос культуры, истолкованной в контексте интересующей нас проблематики как система регулятивных средств, скрепляющих и воспроизводящих относительное единство общества. При такой постановке вопроса в центре культурно-исторического исследования оказываются проблемы этических ценностей и социальных идеалов, принятых в изучаемом обществе, система эстетических средств и представлений, которая лежит в основе художественных творений этого общества, общеобязательные для членов общества формы поведения.

в) Исходя из исследования указанных двух комплексов проблем, можно было бы поставить вопрос об отношении индивида и общества, о характере "включения" человека в социальное целое, о тех возможностях для формирования и развития человеческой индивидуальности, которые создавались в рамках данной общественной системы и обеспечивались присущей ей культурой. Неотъемлемой составной частью этой проблематики является вопрос об общественной психологии людей раннего средневековья, об их духовной ориентации, о специфических формах восприятия ими действительности и о той "модели мира", которую они создавали в процессе социальной практики.

8. Следующим шагом после формулировки проблем исторической социологии должна быть разработка конкретных исследовательских методик, при помощи которых можно было бы ставить указанные проблемы на материале имеющихся исторических источников. Здесь главная задача состоит в поиске объективных методов исследования, которые позволили бы вскрыть культурно-исторические ценности общества и социально-обусловленные формы поведения его членов, структуру их общественного сознания. Применительно к разным категориям источников (записей права, произведений поэзии, саг, памятников изобразительного искусства и ремесла) эти методические приемы неизбежно будут различны. Вместе с тем все они, по-видимому, должны преследовать общие цели: во-первых, выявить повторяющиеся, относительно стереотипные черты общественной жизни, в которых реализовалось, закреплялось и приобретало черты принудительности социальное поведение человека; во-вторых, вскрыть общественную функцию каждого вида исторических источников, т. е. ответить на вопрос: какую роль

играли запись правд, родовая сага, эпическая песнь, миф, орнамент или скальдическая виса в жизни породившего их общества или его группы? Укажем в этой связи на магическую функцию, приписывавшуюся слову, в особенности поэзии, на огромную роль мифов в сплочении социальных коллективов, на то обстоятельство, что родовые саги давали обществу в идеализированной форме своего рода "сценарии" жизненного поведения. Решение указанных методических исследовательских задач в области скандинавской медиевистики возможно только при посредстве комплексного применения научных приемов всех гуманитарных наук.

9. Таким образом, постановка проблем исторической социологии сопряжена с разработкой общих вопросов методологии научного исследования и конкретных научно-методических вопросов. Столь многообразные и комплексные проблемы требуют координации усилий ученых разных специальностей. Указанные основные проблемы имеют первостепенное научное значение для познания общества как целого. Вместе с тем они в высшей степени актуальны для современности. Было бы весьма желательно с самого начала поставить молодую советскую скандинавистику на основы современной научной методологии.

С. д. Ковалевский
(Москва)

ШВЕДСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ ЗАКОНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

I. Среди имеющихся письменных источников по истории средневековой Швеции особое место занимают так называемые "областные законы". Это - сборники законов и обычаев отдельных областей Швеции, записанные в XIII - первой половине XIV вв.

2. Источники свидетельствуют о том, что еще в начале XIII в. в Швеции не было письменных сборников права. Нормы обычного права хранились в устной традиции. Ежегодно в каждой области Швеции особые лица, лагманы, на тинге "говорили" народу действовавшее в данной области право. Реликты таких "судоговорений" имеются во всех областных законах.

3. Политическое, социально-экономическое и культурное развитие отдельных областей Швеции вызвало в XIII-первой половине XIV вв. необходимость письменной фиксации обычного права. При этом особую роль сыграли католическая церковь и представители формировавшегося феодального класса, стремившиеся изменить в свою пользу некоторые нормы обычного права. Однако, несмотря на это, шведские областные законы являются, как и "варварские правды", в основном записью обычного права отдельных областей.

4. В отличие от "варварских правд" шведские областные законы записаны на старошведском языке. Написанные образным народным языком они являются ценнейшим лингвистическим и литературным памятником XIII-первой половины XIV вв.

5. Анализ содержания, языка и стиля областных законов (а также источников другого рода) показывает, что многие их нормы возникли в разное время: одни из них восходят еще ко временам язычества (т.е. к X-XII вв.), другие возникли ко времени записи областных законов. Такая "многослойность" присуща всем областным законам.

6. Областные законы содержат сведения о политической и социальной структуре общества, о социальных слоях и правовом и экономическом статусе их представителей, о формах семьи, о ха-

рактуре общины, о формах собственности и т.д. в отдельных областях Швеции. Вместе с тем, являясь юридическими памятниками, областные законы в определенной мере отражают идеологию и социальную психологию общества в отдельных областях Швеции в XIII-первой половине XIV вв. Они также показывают, как постепенно идеология дофеодалного общества сменялась идеологией феодального общества.

7. Что отражают областные законы? Отражают ли они нормы реально действовавшего ко времени их записи права, или содержат уже отжившие, вышедшие из употребления, или постулативные, никогда не применявшиеся нормы? Сравнительное изучение областных законов, документов XIII-XIV вв. и первого общешведского свода законов, Ландслага короля Магнуса Эрикссона (середина XIV в.), приводит к выводу, что областные законы в основном содержат правовые нормы, действительно применявшиеся на практике в отдельных областях Швеции в XIII-XIV вв. (что, конечно, не исключает наличия в них отдельных отживших и постулативных норм). Более того, многие весьма архаичные нормы областных законов (например, обычай уплаты так называемого "родового штрафа"), отмененные Ландслагом, еще долгое время продолжали применяться в отдельных областях.

8. Сравнение областных законов с Ландслагом Магнуса Эрикссона и документов XIII-XIV вв. показывает, что областные законы содержат далеко не все нормы действовавшего в жизни права или передают их недостаточно ясно и полно. Как всякий правовой памятник они весьма односторонне отражают реальную действительность.

9. Сравнительное изучение областных законов приводит к выводу, что отдельные области Швеции в XIII-XIV вв. находились на разных стадиях социально-экономического развития; в одних из них процесс феодализации зашел довольно далеко, в других же сохранились значительные пережитки дофеодалных отношений. Об этом нельзя забывать при изучении социально-экономической структуры в Швеции в целом в указанное время.

10. Шведские областные законы являются ценнейшим источником по истории Швеции XIII-XIV вв. Более того, так как многие нормы областных законов были использованы при составлении Ландслага, т.е. общешведского законодательства, действовавшего до середины XV в., изучение областных законов необходимо и для исследователей, изучающих историю Швеции вплоть до этого времени.

М.А. КОГАН
канд. ист. наук
(Ленинград)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДАНИИ ПРИ СТРУЕНЗЕ (1770-1772)

1. В обширной литературе о реформах Струензе обычно бездоказательно распространен тезис об антирусской направленности политики датского реформатора. Это утверждение противоречит фактам.

2. Всевластие Струензе наступило после падения Бернсторфа - 16 сентября 1770 г. Бернсторф был принесен в жертву дворянству, недовольному скандальным провалом алжирской экспедиции 1770 г. (в 1769 г. алжирский дей обвинил Данию в поддержке

России в русско-турецкой войне, выслал из Алжира датского консула Эрбу и изгнал датских подданных. Дания направила в Средиземное море эскадру из восьми вымпелов - в том числе четыре линейных корабля - под флагом командора Коса, и весной 1770г. эскадра обстреляла Алжир. Ядра не долетали до города и Алжир не пострадал. Командор не решился высадить десант. Экспедиция, стоившая два миллиона риксдалеров, оказалась бесполезной, обнаружив плохое состояние датского флота) Бернсторфф готовил новую экспедицию, но его отставка сняла этот вопрос.

3. После падения Бернсторффа пост министра иностранных дел временно не замещался. Внешней политикой руководил лично Струензе. Ведомство иностранных дел, ранее подчиненное так наз. немецкой канцелярии, было отныне передано в личное ведение монарха (фактически - Струензе). 25 декабря 1770 г. министром иностранных дел был назначен граф Остен, бывший посланник Дании в Петербурге. Остен был дружен со Станиславом Понятовским, пользовался расположением Никиты Панина, имел русские ордена. Иностранные дипломаты в Копенгагене расценивали назначение Остена как акт, угодный России.

4. В защитительной речи (Апологии), написанной в тюрьме, Струензе заявлял себя горячим сторонником мира и союза с Россией. Принципами внешней политики Дании, по его мнению, должны быть: свобода от влияния иностранных дворов, самостоятельная дипломатия, сокращение расходов на дипломатические миссии за рубежом, союз с Россией и добрые отношения со Швецией.

5. Одним из первых актов нового режима была попытка приобрести доверие Екатерины II. 16 сентября 1770 г. в Петербург

направился камерюнкер Варнстед с личным посланием короля Христиана УП императрице, написанным Струензе. Послание объясняло отставку Бернсторффа "побуждениями, относящимися единственно к внутреннему управлению государства" и зверяло царицу в неизменности политики в отношении России. В тексте послания Струензе грубо пренебрег нормами дипломатического протокола. Екатерина отказала Варнстеду в приеме и ответила через месяц, выразив сожаление по поводу отставки "верного Бернсторффа - создателя Великого Северного союза".

6. 15 сентября 1770 г. русский посланник в Копенгагене М.М. Философов выразил резкий протест из-за перемен в датском правительстве, нарушив нормы дипломатического такта. По требованию Струензе Философов был отозван "из-за расстроенного здоровья". Поверенным в делах России был оставлен первый секретарь миссии Местмахер, по словам Никиты Панина - "человек способный для примечания тамошнего колобродства". В дальнейшем все время правления Струензе отношения России и Дании были сдержанными, но корректными. Оба правительства были заинтересованы в недопущении победы партии шляп в Швеции - сторонников войны с Россией и с Данией, а также в предотвращении войны из-за Голштинии. Антирусская активность голштинских магнатов (во главе с Шак Рантцау) сдерживалась Струензе, а сам Шак Рантцау занимал второстепенные посты и не имел влияния на внешнюю политику королевства.

7. Шведское правительство стремилось помешать датско-русскому союзу. В этих целях состоялась поездка из Парижа в Копенгаген шведского кронпринца Густава (будущего Густава III) и

его брата Фредерика (23 ноября - 6 декабря 1770 г.). Шведские принцы действовали в согласии с Францией. Поездка их оказалась однако безрезультатной.

8. Весной 1771 г. русское правительство предложило Дании заем в 400000 руб. за помощь России в турецкой войне. В июне того же года в Петербург прибыл видный датский военный деятель и сотрудник Струензе - граф Фалькеншильд. Ему поручалось заверить о мирных намерениях Дании, установить акт с Никитой Паниным, предложить датскую помощь силами одного только флота. Союз Дании и России не был осуществлен из-за нежелания Струензе ввязаться в крупную европейскую войну. Руссофильский курс Струензе был столь заметным, что, по словам Фалькеншильда, "в королевском дворце стали думать по-русски".

9. Несмотря на дипломатическую неопытность Струензе, его самоуверенность и ряд промахов, Дания в его правление освободилась от влияния иностранных дворов, вела самостоятельную политику, отказывалась участвовать в крупных военных конфликтах и в алжирской экспедиции. В тесной связи с мирной политикой были и военные реформы Струензе - сокращение численности армии, попытка упразднить гвардию и др.

П. К. КОЛМАКОВ
(Москва)

ВЫДАЮЩИЙСЯ ШВЕДСКИЙ ИСТОРИК КНИГОПЕЧАТАНИЯ И
БИБЛИОГРАФ ИСААК КОЛЛИН

I. Историческое становление шведской государственной самостоятельности не могло не сочетаться с развитием самостоятельной шведской исторической мысли.

Значительный вклад в историю шведской культуры, особенно в область изучения истории печати Швеции, внес в течение многолетней плодотворной научной деятельности И.Г.А.Коллийн (Isak Gustav Alfred Collijn, 1875-1949). Личность Коллийна, его жизнь и деятельность как выдающегося авторитета пользуются в Скандинавии широкой известностью между тем у нас он недостаточно известен историкам и даже книговедам. Настоящий доклад ставит своей задачей популяризировать труды ученого и осветить его творческие достижения в сфере скандинавистики, а также его значение в изучении культуры сопредельных со Скандинавией стран.

2: Коллийн был директором Кор.библиотеки в Стокгольме (1916-1940), доктором философии Упсальского университета (1902), членом Шведской академии наук (1924) и Шведской академии древностей и истории (1922), почетным доктором Прагского, Берлинского (1923) и Фрейбургского (1923) университетов, инициатором и председателем Общества по изучению шрифтов XV в., председателем Шведского библиотечного общества и многих других, почетным председателем Международного объединения библиотечных ассоциаций, участником и докладчиком многих скандинавских и международных библиографических и библиотечных конференций и пленумов, член Комиссии по сводному каталогу инкунабулов в Берлине.

3. Основные труды Коллийна библиографические по форме, исторические по содержанию, суть следующие: "Шведская библиография до 1600 г."; "Шведская библиография за XVII в.", "Каталог инкунабулов в шведских публичных библиотеках", "История

книгопечатания в Швеции XV-XVI вв." Кроме того, Коллийн был автором большого количества статей и рецензий по истории книжной культуры скандинавских и соседних стран. Он был редактором ряда трудов, издательских серий, журналов, в частности, создал в 1914 г. и редактировал основной журнал по истории книговедения Скандинавии - "Nordisk tidskrift för bok- och biblioteks-
våsen".

Особый интерес представляют такие публикации Коллийна, как: "Старейшее произведение на эстонском языке", "Старейший дар библиотеке Дерптского университета", "Старейшее латышское печатное издание", "Печатное издание в Риге в 1630 г. латинско-шведского словаря", "Русский катехизис, напечатанный в Стокгольме в 1628 г." и др.

4. В результате своих работ Коллийн создал историю книгопечатания Швеции в XV-XVI вв. внес вклад в инкунабуловедение (описание собраний в Вестеросе, Упсале, Линчепинге и Стокгольме), историю литературоведения, библиотековедения, библиографии, полиграфии, палеографии, архивного дела, историю Швеции.

5. Коллийн был буржуазным ученым, что не могло не отразиться на его исторических концепциях. Однако его научно-исследовательской работе присущи высоко положительные черты:

- 1) редкая энергия, энтузиазм ученого, настойчивость в труднейших размышлениях;
- 2) тщательность проверки фактов, повторный критический пересмотр их в поисках исторической правды;
- 3) исключительная разносторонняя осведомленность в области скандинавистики.

6. Значительному успеху исторических разысканий Коллийн обязан своей непосредственной работой в библиотеках и архивах: жизнь Коллийна показала, что непосредственная работа ученых в библиотеках предоставляет им наиболее благоприятные условия для творческих разысканий.

7. Творческое наследие И.Коллийна имеет значение, выходящее за пределы Швеции: оно входит как ценная часть в культуру Скандинавии и всех стран бассейна Балтийского моря.

Г.Ф.КОРЗУХИНА
канд. ист. наук
(Ленинград)

К УТОЧНЕНИЮ ДАТИРОВКИ ДРЕВНЕЙШИХ СЛОЕВ ЛАДОГИ

1. Несмотря на обилие материалов, полученных при археологических исследованиях в Ладогe, датировка ее культурных напластований, а также определение времени возникновения ладожского поселения, является делом трудным. В литературе имеется несколько хронологических шкал, относящих древнейшие слои Ладоги к УI-X вв., УII-X вв., УII-XI вв. и к УIII-XI вв.

2. В результате изучения коллекций, добытых в Ладогe, удалось выделить для древнейших горизонтов ряд прямых датирующих материалов. В первую очередь это большой нумизматический материал (более 140 монет), который делится соответственно двум древнейшим горизонтам на две группы: горизонт Е содержит монеты до 60-х годов IX в. и горизонт Д - монеты X-30-х годов XII в. Наибольший интерес представляет находка непосредственно на материке омайадского дирхема 699/700 г. н.э., что и заставляет

относити возникновение ладожского поселения ко времени не ранее VIII в. Соответственно и все вышележащие строительные горизонты становятся менее древними.

3. Значение передатировки культурных напластований Ладоги можно проиллюстрировать одним примером. Найденная в 1950 г. в Ладоге деревянная палочка с рунической надписью, передающей поэтический текст, была датирована в литературе в соответствии со слоем, в котором она была найдена, VIII-началом IX в. Надписей, подобных ладожской, известно еще только две. Они найдены в Швеции и датируются началом - серединой IX в. Следовательно, ладожская находка оказывалась самой древней. Поверив заниженной датировке ладожской надписи, западноевропейские рунологи сделали вывод, что скандинавская метрическая поэзия древнее, чем они думали до сих пор. Уточнение датировки ладожских напластований все ставит на свои места: палочка с рунической надписью найдена в слое первой половины IX в., т.е. она абсолютно синхронна шведским находкам.

4. Ошибочным является также представление о случайном характере находки рунической надписи в столь древнем горизонте. В литературе утвердилось мнение, что вещи скандинавского происхождения появляются в Ладоге в результате торговли только в горизонте I, т.е. в IX в., а в более раннее время норманны появлялись в Ладоге только в связи со случайными грабительскими набегами. На ^{руч.}доч. ^{вост.}острове близ Ладоги раскопан небольшой курганный могильник, который ... ^{вост.}кандонам с самого начала связан с норманнами (сожжения в ядах, меч, воткнутый в землю коды скандинавских костей). В настоящее время удалось

установить, что на могильнике есть курганы, относящиеся, как и руническая надпись, к первой половине - середине IX в. и что в них, наряду с мужчинами, были похоронены и женщины. Следовательно, в IX в. местному населению Ладоги норманны были известны и как постоянные ее жители. Особый интерес представляет женский курган, в котором найден так наз. "фризский кувшин" (Kriesische Kanne). Подобные кувшины достаточно редки и найдены лишь в 10 пунктах Западной Европы (Дорестад, Хедеби и др.), Норвегии и Швеции (Бирка, Хельгё и др.). Есть столь же ранние скандинавские вещи (в частности, молоточек Тора) и в древнейшем слое Земляного городища Ладоги.

И. В. КУРСКОВ
Канд. ист. наук
(Петрозаводск)

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА БАЛТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XUI ВЕКА (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

1) Дипломатические, военные аспекты русско-шведского экономического соперничества на Балтике в значительной степени выяснены. Существует огромная отечественная и зарубежная, советская и дворянско-буржуазная литература.

2) Экономические аспекты вопроса во всех их взаимосвязях еще не стали предметом специального рассмотрения.

3) В учебной и научно-популярной литературе вообще отсутствует экономическое обоснование внешнеполитической позиции России в балтийском вопросе.

4) Среди различных вопросов темы наибольшее внимание советских историков привлекают вопросы развития русско-шведской торговли. Введен в оборот большой и разнообразный фактический материал. К изданным в дореволюционное время недавно прибавился сборник "Русско-шведские экономические отношения в XVII веке" (М.-Л., 1960). Требуется более глубокая систематизация, анализ опубликованных материалов. Требуя уточнения и обоснования встречающихся в литературе противоречивые цифры о балтийском вывозе России. Плодотворно работает в этом плане Х.А.Пиримяэ. Им опубликована интересная книга и ряд статей в "Скандинавском сборнике". Кардисский мир, несмотря на отрицательные политические последствия, в экономическом отношении все же оказал положительное влияние на русскую транзитную торговлю через территорию Прибалтики. Особенно это наблюдается при рассмотрении торговли Нарвы, увеличившей свой торговый оборот за 35 лет после Кардуса более чем в 3 раза. (Х.А. Пиримяэ. Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке. - "Скандинавский сборник", вып.8, Таллин, 1964, стр. 99-114). Русские пограничные районы и прибалтийские владения Швеции уже в середине XVII века по существу составляли "одно экономическое целое" (Х.А.Пиримяэ. Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам Нарвского ввоза в 1661-1700 гг., стр.45).

5) Значение выхода на Балтику для экономического развития России, роль экономических моментов в борьбе за балтийское побережье прекрасно понимали русские политики XVII века.

А.А. Ордин-Нащокин, "самый значительный по глубине мысли и широте политического кругозора дипломат допетровской Руси"

(Е.В.Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958, стр.10), в своей дипломатической практике неизменно учитывал экономические моменты. Это нашло, в частности, отражение и в заключенных при его участии дипломатических трактатах (Валиесарский договор, соглашение с Курляндией и т.д.). Говоря о Прибалтике, Нацокин писал: "те земли к великой полноте и с англичаны и с галанцы к ближним торговлям и промыслу". В 1658 году, будучи воеводой в Кокнесе, он отмечал: "А в той ливонской земле хлебные скудости из веку не бывали". Он предлагал: "А впредь де в Ливонской земле на городских полях и мызах устроить пашня и хлебом учнет спомогать Псков и Полотеск на многие ратные люди". В одном только 1666 году во Псков водным путем было направлено из Ливонии 33 тыс. четей хлеба. Исходя из этих же целей, Нацокин всегда придавал важное значение налаживанию судоходства на Двине: "нашей де государственной казне от водяного пути з Двины-реки многие о прибыли были". Он организовал судоверфь в Кокнесе. По его же инициативе в 1662 году Россия вела переговоры с Курляндией по вопросу о предоставлении гаваней.

б) Среди экономических аспектов русско-шведских противоречий на Балтике значительное место занимает борьба за свободные рабочие руки.

а) В значительной степени этим обстоятельством объясняется острота вопроса о перебежчиках. До середины XVII века на русскую сторону из-за шведского рубежа перешло до 50 тыс. человек карельского населения. Несколько позднее, в период русско-шведской войны только за два года (1680-1687) переселилось

4107 семей. Русское правительство было заинтересовано в переселении, и его политика, направленная на стимулирование этого процесса, была более или менее последовательной. (А. С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956, стр. 48, 44, 52, 61, 62 и др.). Валиесарское перемирие разрешало свободный переход карел "на обе стороны". Заклоченный в невыгодных для России условиях Кардис юридически запретил переход карел. Правда, этот закономерный процесс не могли приостановить никакие административные меры.

6) Установление правильных взаимоотношений русской администрации с населением Прибалтики в период 1656-1661 годов. Нацокки в "Декладе о покорении лифляндских городов" заявлял: "а пехота лучшая у свеян лифляндские люди".

7. Денежные операции русского правительства, вызванные чрезвычайными военными расходами, явились вместе с тем одним из средств экономической борьбы с Швецией. См., например: А. С. Мельникова. О чеканке монет в Куккской в середине XVII века ("Советская археология", 1964, № 8) и др.

8. Свообразным "ответом" на Кардис явились Псковская городская реформа и Новоторговый устав. И не случайно эти акты отразили многие аспекты многолетней упорной борьбы между Россией и Швецией за обеспечение преимуществ в торговле. Много новых материалов о различных перипетиях этой борьбы дает сб. "Русско-шведские экономические отношения в XVII веке".

Многочисленные шведские проекты перенесения центра русской внешней торговли из Архангельска в порты Балтийского моря исходили из стремления монополизировать всю русскую внеш-

нию торговлю. И не случайно эти проекты встретили решительный отпор со стороны русского правительства и купечества. (А.А.Арзыматов. Русско-шведские отношения в период тридцатилетней войны. Источниковедческий и историографический обзор. Уч. записки Киргизского государственного университета", вып. 3. Фрунзе, 1954, стр.125-146. См. также работы Б.Ф.Пориева, О.Л.Вайнштейна и др.).

Исторические факты убедительно свидетельствуют о том, что все необходимые экономические предпосылки борьбы России за Балтику имелись налицо или по крайней мере интенсивно создавались. Задачи экономического и культурного развития России настоятельно требовали безотлагательного, энергичного решения балтийской проблемы. Анализ экономических предпосылок соперничества за Балтику позволяет считать совершенно оправданным в плане исторической перспективы направление русской внешней политики, выраженное А.А.Ординым-Нащокиным.

В.С.ЛЮБЛИНСКИЙ
докт.ист.наук
(Ленинград)

БАРОН ФРЕДЕНХЕЙМ И НАСЛЕДИЕ ВОЛЬТЕРА

I. Имя барона Карла-Фридриха Фреденхейма (1748-1803), видного шведского государственного деятеля конца XVII века, не фигурирует среди бесчисленных корреспондентов Вольтера или среди сотен ученых посетителей фермейского замка.

Равным образом в биографических сведениях о Фрейдехейме безусловно недостаточно отражена одна сторона - его интерес к творениям Вольтера и активное коллекционирование им исторических и историко-литературных материалов.

Между тем, ленинградские документы позволяют заполнить несколько белых страниц в истории шведско-французских (а косвенно- и шведско-русских) связей, и притом не только в 1789 году, но и в годы Фронды, а также в начале XIX века.

2. Изучая "Заметки и примечания" к кельскому изданию сочинений Вольтера (1784г.), составленные для Екатерины II бывшим секретарем писателя Ванзером и хранящиеся в составе рукописей библиотеки Вольтера (в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), удалось обнаружить обширную вставку, намеченную Вольтером к включению в текст "Века Людовика XIV", но ни прижизненно, ни посмертно не реализованную. Это - текст письма принца Конде к Христине Шведской, тайном им отправленного из Венсенского замка 26 марта 1650 г. с призывом к интервенции в защиту арестованных принцев. Не только такого рода призыв оставался неизвестным историкам Фронды, но и вообще об этом письме, представляющем многообразный интерес, ученые не знали до опубликования его нами в 1956 г. в приложении № I к книге "Новые тексты переписки Вольтера".

Рядом косвенных, но бесспорных доводов была установлена несомненная достоверность этого текста и было выяснено, что он был сообщен Вольтеру на основании подлинника в шведском королевском архиве и притом именно Фрейдехеймом.

3. Сам по себе этот факт имел бы всё же лишь эпизодическое значение. Но с Фредейхеймсом мы встречаемся и среди совсем иных материалов (впрочем, в той же Публичной Библиотеке). В отделе рукописей ГПБ хранятся "Неизданные сочинения Фридриха П, списанные и доставляемые г.Фредейхейму [.....] Ваньером". Рукопись эта восходит к знаменитому собранию П.А.Сухтелена (пребывание и деятельность коего в Швеции не нуждаются здесь в особом изложении, как общеизвестные) и, судя по всему, поступила к коллекционеру непосредственно из архивного наследия Сарона. Наименование этого манускрипта слишком узко: кроме копий писем и сочинений прусского короля, хранившихся у Вольтера и заверенных Ваньером, он содержит еще: а) выписку Вольтера - сокращения, внесенные Вольтером в текст фридриховского "Антимакиавеля", а также б) два письма Вольтера к Фредейхейму вместе с в) рядом приписок последнего (в том числе той, которая подтверждает факт высылки им в свое время в Ферне копии "письма Великого Конде"!)

4. Письма Ваньера датированы 23 декабря 1789 г. и 6 января 1790 г. (из Ферне, уже переименованного в "Ферне-Вольтер", где Ваньеру суждено было стать первым революционным мэром). Они касаются заказов Фредейхейма на копии с оставшихся неопубликованными бумаг Вольтера. "Крайняя занятость в нынешних обстоятельствах" и обязательства в отношении русской императрицы не помешали бывшему секретарю великого человека удовлетворить любопытство шведского дипломата, тем более, что последний 27 декабря нанес Ваньеру повторный визит и вообще внушил ему полное доверие как единомышленнику в почитании фернейского патриарха.

5. В свете этнографических материалов может быть поставлен ряд вопросов историко-культурного и литературоведческого плана, небезразличных как для текстологии сочинений Вольтера, для характеристики личности и деятельности Ванзера в революционную эпоху, так и для выяснения просветительских интересов шведского общества XVIII в.

А. ЛУТС

канд. ист. наук

Таллин

СВЯЗИ ПРИБРЕЖНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЭСТОНИИ
С ФИНЛЯНДИЕЙ В XIX—XX вв.

Географическая близость и общие формы ведения хозяйства с древних времен обусловили тесные связи между прибрежным населением северной Эстонии и южной Финляндии.

Общение происходило в различных формах. Богатые рыбой финские шхеры давно были местом сезонной рыбной ловли североэстонцев. Во второй половине XIX века многие юноши и девушки прибрежных деревень северной Эстонии занимались у финнов-рыбаков в качестве неводчиков. Эстонские девушки нередко работали на рыбообрабатывающих предприятиях в Финляндии.

Давними и многосторонними являются связи эстонцев и финнов на основе прибрежной народной торговли. С весьма древних времен жители островов Финского залива и частично материковой части Финляндии отправлялись на побережье Вирумаа (вост. часть северной Эстонии) обменивать рыбу на зерно. Сложились интересные формы меновой торговли между постоянными партнерами

Начало торговых поездок эстонцев в Финляндию народная традиция связывает с Крымской войной. На рыболовных ботах привозили соль. Поездки за солью продолжались и позднее, т.к. этот товар в Финляндии был гораздо дешевле и лучшего качества.

Новый этап в эстонско-финском народном каботажном судоходстве начался с 1870-1880-ых годов. На небольших одно- или реже двухмачтовых судах возили в Финляндию эстонский картофель. Помимо торговли и контрабандным спиртом. Торговля спиртом достигала больших размеров в 1920-1930^х гг. Она была одной из важнейших причин создания более мощного торгового флота на северном побережье Эстонии и содействовала имущественному и социальному расслоению прибрежного населения.

Из торговых походов в Финляндию эстонцы привозили различные товары широкого потребления, как-то: кофе, спички, бумага, ткань, кожи, лекарства и т.д.

Тесное общение с финнами оставило свой след как в материальной, так и в духовной культуре жителей северного побережья Эстонии. Там можно проследить много общих с финской народной культурой черт. Эти черты, наряду с особенностями, обусловленными специфически морскими промыслами, придают особый колорит прибрежной народной культуре, так что последняя довольно резко отличается от культуры соседних сельскохозяйственных районов Эстонии.

М.Н. МОРОЗОВА
(Москва)

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СКАНДИНАВСКИХ НАРОДОВ ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА

1. В советской этнографической литературе почти не уделялось внимания исследованию жилищ Скандинавских стран. Между тем, изучение традиционных крестьянских построек народов Скандинавии, а также и жилищ соседних народов Прибалтики и восточных славян, имеет большое значение для решения вопросов этногенеза и этнической истории.

2. Для решения вопросов истории развития скандинавского жилища привлекаются археологические, фольклорные и сравнительно-этнографические материалы, имеющиеся в библиотеках, архивах и музеях нашей страны на шведском, норвежском, датском и немецком языках. Значительное число необходимых для работы источников было получено из Скандинавских стран. Кроме того, удалось ознакомиться с материалами по Скандинавии в библиотеках Берлина, Дрездена, Лейпцига и Ростова во время поездки в ГДР. В качестве сравнительного использован собственный полевой материал, собранный во время этнографических экспедиций в Прибалтику в 1953-1961 годы.

3. За основу классификации народного жилища взят один из важнейших признаков - внутренняя планировка. Исследованиями материал позволяет выделить в Скандинавии по внутренней планировке несколько основных типов традиционных жилых домов.

Один из них - дом из жилого помещения с печью (а в прошлом, возможно, с печью и очагом), расположенной в ближайшем

от входа углу, чистого помещения и холодного помещения (типа сеней) между ними - был распространен в Северной Швеции и Северо-Восточной Норвегии. Условно его можно назвать североскандинавским.

В Южной Швеции, Южной Норвегии и в Дании (кроме Южной Ютландии) бытовал дом, состоявший из жилого помещения с печью и очагом и двух холодных помещений по бокам. Такой тип дома условно можно назвать южноскандинавским.

В Ютландии бтовали так называемые нижненемецкий (саксонский) тип дома и близкий к нему по конструкции и планировке фризский дом.

Исландское жилище состояло из жилого помещения с печью и очагом, небольшой прихожей и "дома с очагом". Древнее исландское жилище имеет общие черты со старым норвежским жилищем, так как исландские крестьяне (норвежские переселенцы X-XI веков) перенесли в Исландию норвежские традиции, но местные условия привели к дальнейшему специфическому развитию жилища.

4. Следует, однако, отметить и сходство домов всех типов. Оно выражается в меблировке дома, бытовом назначении помещений, в высотном показателе (первых двух типов домов), устройстве крыши, в терминологии. По-видимому, это сходство обусловлено общностью происхождения скандинавских народов, их тесными историческими и культурными связями, близостью экономических условий жизни.

5. Можно предположить, что выделенные типы домов находят некоторые аналогии в соседних со Скандинавией странах.

Североскандинавский дом имеет сходные черты по внутренней планировке (расположению помещений) с трехраздельным до-

мом восточных славян, населения Восточной Латвии и Восточной Литвы.

Неоскандинавский дом по своей внутренней планировке напоминает дома, бытовавшие в ХУШ и начале XIX веков в западных районах Латвии и Литвы.

Нижнегерманский дом, кроме Южной Дании, был распространен в Северной Германии, Нидерландах, Лотарингии; до начала XIX в. этот дом бытовал в Англии.

6. Возможно, что в жилище Скандинавии и Восточной Европы на одной и той же ступени социально-экономического развития, в условиях сходной географической среды, при наличии исторических и культурных связей возникло определенное сходство в материальной культуре.

А. Г. МЫСЛИВЧЕНКО
канд. философских наук
(Москва)

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В ШВЕЦИИ ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА (XVII-XVIII вв.)

I. Феодализм в Швеции (и в еще большей мере в Норвегии) не был во всем идентичен "классическим" формам феодализма в других странах, он отличался рядом характерных особенностей: замедленным и незавершенным характером развития, отсутствием развитого крепостного права, наличием значительного слоя лично свободных крестьян, важной ролью сельской общины в борьбе за свободу крестьян, против попыток их закрепощения, представительством крестьян в 4-х сословном риксдаге и др.

2. Особенности общественного развития средневековой Швеции наложили глубокий отпечаток на всю историю страны, в том числе на историю ее культуры, характер общественной и философской мысли. Красной нитью через историю философии в Швеции проходит неизменный интерес к этической проблематике, вопросам внутренней жизни личности, ее свободе, нравственным силам и духовным ценностям.

3. Одним из первых значительных философов Швеции вообще и, в частности, в период ее "великодержавия" был Георг Шернфельм (1598-1672), который, подобно другим видным ученым эпохи Ренессанса, был человеком разносторонних интересов, совмещавшим занятия естествознанием и гуманитарными науками.

4. Автор работ в области физики, астрономии, юриспруденции, лингвистики, метафизики и этики, Шернфельм выступал за расширение в науке эмпирических исследований, которые должны дополняться способностью интуитивно схватывать "высшие принципы". В противоположность господствовавшей протестантской ортодоксии он считал, что человек по природе одаренный, склонный к добру. Человек не только зависит от бога, но в состоянии сам действовать. Шернфельм берил в силу человека и вместе с тем в его ответственность.

5. В 1649 г. королева Христина пригласила Декарта в Стокгольм, изъявляя настойчивое желание изучать его философию. Вскоре после его смерти (1650 г.) картезианские идеи начали распространяться в стране, преодолевая сопротивление господствовавшей теологии.

6. Находясь под влиянием Декарта, видный философ Андреас Риделиус (1671-1738) в то же время выдвинул ряд самостоятель-

ных, оригинальных идей, в частности, в учении о трех видах чувств: внешних, внутренних и глубочайших. Он был первым философом в Швеции, писавшим не на латинском, а на родном языке.

7. Духовская атмосфера XVIII в. характеризовалась постепенным превращением буржуазии в важный политический фактор в жизни страны, распространением идей Просвещения, влиянием Монтескье, Вольтера и Руссо, подъемом национальной культуры, выступлением пиелистов против официальной ортодоксии и схоластики, борьбой меркантилистов и физиократов, а в конце века - проникновением идей романтизма.

8. В 30-60-х годах XVIII в. в Швеции получило распространение идеалистическое учение немецкого философа Вольфа. Шведское вольфианство в конечном итоге выродилось в бесплодную схоластику.

9. Гораздо плодотворнее было влияние английского эмпиризма, философии опыта Локка, пришедшей на смену вольфианской метафизике. Первыми сторонниками Локка были П.Н.Хришернин (1725-1799) и в известной мере М.Фремлинг (1745-1820).

10. Видным ученым, а затем теософом своего времени был Эмануил Сведенборг (1688-1772). Будучи разносторонне образованным человеком, он в первый период своей деятельности много занимался математикой, механикой, горным делом. В 30-х годах опубликовал ряд философских трактатов, в которых пытался механически-геометрическим путем построить систему мироздания.

II. Однако, в 40-х годах Сведенборг впал в мистику, воплотив в себе религиозные искания различных мистических сект, процветавших в Швеции. Религию он рассматривал главным обра-

зом в моральном плане. Человек, согласно Сведенборгу, по своей сути есть дух, общающийся с добрыми или злыми духами - в зависимости от того, каков он сам.

12. Эмпирические тенденции в шведской философии продолжал развивать К.Г.аф Леопольд (1756-1820), который особое внимание уделял разработке учения о морально-эстетическом чувстве.

13. Оригинальным и противоречивым мыслителем второй половины XVIII в. был Т.Торильд.(1759-1808). отождествляя бога и природу, он развивал пантеистическое мировоззрение. В полемике с Ю.Х.Чельгреном он выступал то как сторонник, то как противник идей Просвещения.

14. Кантианство, подвергавшееся вначале критике со стороны Хришернина, Торильда и др., в конце XVIII получало все большее признание. Первым из шведских философов примкнул к Канту Даниэль Боэтиус (1751-1810), который однако не принял кантовское учение о нравственности и разработал свое.

15. Симпатизировал вначале Канту и Б.Хёйер (1767-1812), однако затем находился под влиянием Фихте, Шеллинга и Гегеля.

16. Теистическое мировоззрение в противоположность пантеизму развивал Н.Ф.Биберг (1776-1827). Больше всего он занимался философией морали. Подвергнув критике прежние системы морали как неэтичные и формалистические, он выдвинул теорию "подлинного этического рационализма". Учение Биберга оказало большое влияние на дальнейшее развитие шведского идеализма в XIX в., прежде всего С.Груббе и Х.Н.Бустрёма.

Г.А.НЕКРАСОВ
доктор ист.наук
(Москва)

ПРОБЛЕМАТИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ СКАНДИНАВСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР

1. За послевоенное двадцатилетие внимание к истории Скандинавских стран и Финляндии в СССР значительно возросло, что во многом обусловлено непрерывно расширяющимися международными связями Советского Союза и самим ростом советской науки. У нас стала развиваться комплексная научная дисциплина - скандинавистика, ставящая своей задачей всестороннее изучение истории, экономики, общественной, политической и культурной жизни стран Северной Европы.

2. В настоящее время в СССР сложилось несколько исследовательских центров по скандинавистике. Один из них находится в Москве: Институт истории АН СССР - головной институт в области исторических исследований; здесь сосредоточены историки, занимающиеся внутренней и внешней историей Скандинавских стран и Финляндии. Проблемами стран Северной Европы занимаются также и экономисты: центром изучения современной экономики и политики северных стран является Институт экономики АН СССР и отчасти Институт географии АН СССР. История Финляндии и ее внешней политики изучается в Петрозаводске (Карельский филиал АН СССР и Петрозаводский гос.университет) и в Москве (Институт истории АН СССР). Центрами скандинавской филологии и лингвистики являются Ленинград (Ленинградский гос.университет) и Москва (Московский гос.университет). В других городах Совет-

ского Союза (Тарту, Таллине, Перми и др.) работают только энтузиасты-одиночки.

С середины 50-х гг. XX в. наметился определенный подъем в научно-исследовательской работе скандинавистов, который был связан с ценной инициативой, проявленной Тартусским университетом, по организации печатного органа - "Скандинавского сборника", который собрал и сплотил вокруг себя силы скандинавистов.

Дальнейшим шагом в совершенствовании организации и самого изучения стран Северной Европы явился созыв в мае 1963 г. в Тарту первой научной конференции по вопросам экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. При Институте истории АН СССР был создан постоянный Оргкомитет по созыву всесоюзных конференций скандинавистов, состоящий из представителей ряда институтов АН СССР и университетов.

В сентябре - начале октября 1965 г. состоялась вторая научная конференция скандинавистов в Ленинграде. Ее задачами было обсуждение ряда актуальных проблем скандинавистики и определение дальнейших направлений исследований в этой области. Конференция явилась смотром работ советских скандинавистов, она содействовала развитию контактов между специалистами. На конференции было высказано предложение о создании постоянного координационного центра, который бы направлял работу по изучению стран Северной Европы.

3. Успешное развитие скандинавистики в области истории является достижением советской исторической науки. В СССР создан ряд марксистских трудов по некоторым крупным проблемам

истории Скандинавии и Финляндии, главным образом по социально-экономической и политической тематике. Для этих работ характерен марксистско-ленинский подход к анализу и синтезу фактического материала, они опираются на архивные и опубликованные первоисточники.

История Северной Европы изучается у нас однако неравномерно. Относительно более богата литература по истории Швеции. По проблемам ее истории опубликован ряд книг и статей, защищены докторские и кандидатские диссертации. Достигнуты некоторые успехи в изучении новейшей истории Швеции, русско-шведских политических и экономических отношений, ранней истории Скандинавии, ремесла и торговли средневековой Швеции, аграрных отношений второй половины XVII в., социально-экономического развития Швеции 20-40-х гг. XVIII в. и др.

По истории Финляндии преимущественно изучались проблемы: о присоединении Финляндии к России (и о его последствиях), о развитии капитализма в Финляндии, о роли и участии финского пролетариата в революциях 1905 и 1917-1918 гг., о предоставлении независимости Финляндии, советско-финские отношения, и ряд вопросов экономического положения Финляндии.

По истории Дании, Норвегии и Исландии исследования ведутся, к сожалению, в значительно меньшем объеме.

4. Задачами скандинавистов-историков на будущее является разрешение узловых, наиболее актуальных научных проблем, не уступающая по важности изучению всех этапов развития общества в Скандинавии и Финляндии. К первоочередным задачам можно отнести изучение генезиса и закономерностей смены соци-

ально-экономических формаций в свете взаимоотношений общественных классов и классовой борьбы, своеобразия и особенности исторического процесса в Скандинавии, проблем зарождения и складывания государств, роста производительных сил и формирования классового общества, крестьянского и рабочего движения, промышленного переворота и индустриализации этих стран, перехода к империалистической стадии, влияния Октябрьской социалистической революции и др.; советско-скандинавские отношения в новейшее время тоже ждут своего исследования. Надо тщательно изучить наследие классиков марксизма-ленинизма по Скандинавии и Финляндии; осуществить ряд публикаций источников по этим странам.

Наряду с задачами научной разработки теоретических и конкретно-исторических исследований по актуальным проблемам, на конференции скандинавистов в Ленинграде прозвучали голоса, требующие создания сводных обобщающих трудов по истории отдельных стран Северной Европы. В настоящее время в Институте Истории АН СССР ведется такая работа в отношении истории Швеции; думается, что уже подготовлена база и для создания истории Финляндии, а в перспективе (после накопления материала и ряда исследований) - и по остальным странам Северной Европы. В процессе подготовки обобщающих трудов, при анализе и синтезе огромного фактического материала необходимо всесторонне применять и развивать марксистский метод. Только на этой основе можно создать правильную и стройную концепцию исторического процесса и разработать научную периодизацию истории этих стран.

Б. Дальнейший подъем скандинавистики в СССР немислим без постановки и решения ряда историографических задач. Настало

время специально заняться дореволюционной, советской и зарубежной историографией стран Северной Европы. Надо объективно оценить вклад дореволюционных историков в изучение этих стран и решительно раскритиковать и отбросить устаревшие концепции.

Советские скандинависты-историки освещают некоторые спорные проблемы и вопросы; в нашей историографии существуют различные точки зрения. К сожалению, полемичность внешней литературы была весьма невысокой; как в печати, так и на обеих конференциях скандинавистов научные дискуссии были редки, да и то они разворачивались главным образом не по общим проблемам, а больше по частным вопросам.

Особо надо остановиться на необходимости обстоятельного ознакомления с новейшими работами скандинавских и финляндских исследователей, что предполагает и включает критику буржуазной историографии. Разоблачение ее враждебных теорий проводится у нас, к сожалению, не регулярно. Надо вести постоянную и систематическую борьбу с буржуазными фальсификациями истории.

6. Планирование и координация работы скандинавистов-историков в настоящее время является главной задачей; для того чтобы правильно распределить силы и расставить кадры, скандинависты должны наметить и тщательно продумать свои перспективные исследовательские планы, исходя из требований жизни и закономерностей развития самой науки. Это планирование нужно сочетать с четкой координацией работ во всесоюзном масштабе. Целесообразно поставить также и вопрос о кадрах скандинавистов, ибо в настоящее время необходимо увеличить подготовку молодежи через аспирантуру, а также усилить рост кадров высшей квалификации (доктора наук).

Жизнь требует повышения роли головных институтов АН СССР, которые призваны объединить усилия родственных научных учреждений для разрешения крупных задач. Предстоящая третья конференция скандинавистов должна обсудить ряд принципиальных и важных научных и организационных вопросов в интересах дальнейшего успешного развития советской скандинавистики.

В. В. ПАВУЛАН
канд. истор. наук
(Рига)

МЕРОПРИЯТИЯ ШВЕДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ К УЛУЧШЕНИЮ СОСТОЯНИЯ
ТРАНСПОРТА И КАЧЕСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ В ВИДЗЕМЕ^I В ХУП в.

1. После Альтмаркского перемирия между Польшей и Швецией (1629) к Швеции отошла южная Эстония и территория между р. Даугавой и р. Айвиесте. Новая провинция Швеции, соответственно экономическим и военным целям Швеции, должна была стать источником доходов и стратегическим плацдармом для проведения активной внешней политики. Для достижения упомянутых целей Видземе нуждалась в хорошей дорожной сети, которая была запущена и сильно разрушена после польско-шведской войны (1600-1629). Улучшение дорожной сети, проводимое шведской администрацией, стало важной составной частью шведской политики в Прибалтике.

2. Несмотря на важность упомянутой проблемы не только для изучения истории Латвии, но и соседних областей (по видземским путям сообщения, включая водный путь по р. Даугаве, шел транзит польских и русских товаров через Ригу), до сих пор в исторической литературе этот вопрос освещен недостаточно.

^I Термин "Видземе" в данном случае употребляется для обозначения входящего в Латвийскую ССР культурно-исторического округа, т.е. для обозначения латвийских уездов бывшей Лифляндской губернии

Шведская дорожная политика в Видземе только в некоторых аспектах (отношение шведского правительства к спору Риги и Тарту об использовании видземских путей сообщений) нашла отражение в работах А.Соома и Г.Ейна. О первых попытках шведской администрации улучшить дорожную сеть писал шведский историк Р.Лиллиедаль.

3. Одной из важнейших сторон политики шведской администрации является отношение к использованию видземских дорог для транзита из Польши и России. Швеция умело использовала эту "звонкую жилу" в рижской торговле. Проводя локвую таможенную политику - воздерживаясь от обложения пошлинами товаров из рижского "хинтерланда" - и стремясь устранить другие отрицательные явления, тормозящие подвоз товаров, шведское правительство делало все возможное, чтобы поменать транзиту из упомянутых государств через чужую территорию. Для этой цели использовались как дипломатические каналы (протест короля Швеции Карла XI против намерения Курляндского герцога Якова дублировать Даугавский путь), так и военная сила (блокада курляндских мелких гаваней шведскими военными судами в конце XVII века). Проведение такой политики способствовало росту оборотов рижской торговли. Это давало возможность увеличить доходы шведской казны с взимания пошлин торговли Риги с Западной Европой.

4. Не менее важными были мероприятия по улучшению качества дорог, которые начались в 30-е годы XVII в. Однако, относительно ничтожные достижения в этой области были частично ликвидированы русско-шведской войной (1656-58).

5. Новый период по благоустройству путей сообщения в Видземе начался после упомянутой войны, особенно после 1663 года.

когда в "Полицейских уставах" генерал-губернатора Клавдия Тота были подробно разработаны принципы мероприятий по улучшению дорожного хозяйства. Шведская администрация обязывала видземское дворянство заботиться о хорошем состоянии путей и мостов. Было обращено внимание также и на улучшение водных путей - намечалась чистка р. Даугавы, Гауи, Салацы, Большой и Малой Юглы, а также создание новых систем водных путей при помощи каналов.

6. Эти проекты осуществлялись весьма медленно, ибо у дворянства не было желания выполнять свои обязанности, но шведской администрации все-таки удалось добиться их реализации с помощью штрафов и редукции имений, в результате которой значительная часть бывших владельцев имений стала арендаторами.

7. Благодаря вышеупомянутым усилиям, главные видземские дороги в конце ХУП века были обеспечены мостами, переправами, дамбами, насыпями (в болотистых местностях) и корчмами (которые можно было использовать и для отдыха и ночлега путешественников). Например, участок дороги Рига-Тарту от Риги до Вайка, длиной в 170 км, был снабжен дамами и насыпями общей длиной в 85 км, имел 25 мостов, 47 корчем. На основе дорог местного значения, существовавших еще до шведского господства, были созданы т. наз. "новые дороги" (nye Landstrasse), напр., Кокнесе-Тарту, Цесис-Салацгрива. В то же время дороги местного значения оставались плохими, а достижения по благоустройству водных путей оказались ничтожными.

8. Политику Швеции в области развития путей сообщения надо оценивать как положительное явление в истории Латвии. Мероприятия столь широкого размаха были проведены впервые. Дости-

жения могли бы быть гораздо заметнее, если бы государство для упомянутых целей отпускало больше средств, но это было невозможно вследствие захватнической внешней политики Швеции.

Б. Ф. ПОРШНЕВ

доктор истор. и философ.
наук
(Москва)

ПОПЫТКА ШВЕДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ГЕРМАНИИ (ГУСТАВ-АДОЛЬФ,
1630-1632) И БЛАГОПРИЯТСТВОВАВШИЕ ЕЙ СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ
В ГЕРМАНИИ

I. В течение короткого исторического периода Густав-Адольф во главе шведской армии, вторгшись в Германию через Померанию, пересек всю Германию, выйдя на Рейн, затем вторгся в австрийские владения Габсбургов и фактически привел имперско-католический лагерь на грань капитуляции. Доказано, что он имел реальные претензии на титул германского императора. Но затем он совершил почти необъяснимый "зигзаг молнии" назад в северо-восточную Германию, где и погиб в выигранной битве при Лютене. Шведская интервенция в Германию продолжалась до 1653 г., но никогда уже не имела прежних шансов на покорение всего государства. Всей этой завоевательной эпопее "снежного короля" посвящена огромная литература и в шведской и в немецкой историографии. Почти все шведские историки благоговейт перед этим наивысшим взлетом шведской военной мощи, хотя иные и порицают Густава-Адольфа за забвение национальных интересов. В немецкой историографии находим целую палитру взглядов: от Шиллера идет традиция идеализации героической

личности Густава-Адольфа; плеяда протестантских историков пыталась интерпретировать Густава-Адольфа исключительно как борца за протестантизм и этим объяснять его успехи; школа "политических историков" указывала на взаимодействие политических и религиозных факторов; наконец, ряд историков, от католиков до социал-демократов, трактовали Густава-Адольфа просто как авантюриста-завоевателя, иноземного захватчика, "предшественника современного империализма". Было кое-что сделано для выяснения экономических мотивов шведской агрессии в Германии, особенно в плане борьбы за господство над Балтийским торговым бассейном. Но совсем еще не освещен вопрос: какие внутренние обстоятельства в Германии благоприятствовали сказочной легкости шведских побед. Лишь описаны со всей подробностью политические комбинации между Густавом-Адольфом и различными немецкими князьями и сословиями, которые, однако, сами нуждаются в каком-то объясняющем их более глубоком фоне.

2. Вторая четверть XVII века в истории Германии характеризуется возрождением и обострением классовой борьбы, надолго затупленной после подавления Великой крестьянской войны 1525г. Однако немецкое биргерство экономически и политически регрессировало за это столетие. Оно еще менее, чем раньше, могло возглавить и сплотить в национальном масштабе антифеодалное движение народных масс, хотя некоторые города северо-восточной Германии, в том числе Магдебург, слабо претендовали на эту роль; на юге Империи таким центром притяжения являлась Прага, однако более для славянских народных масс. Бродившее крестьянство и городское плебейство беспомощно обращало взоры

к какому-нибудь иноземному спасителю от бедствий. Слух о появлении на немецкой земле Густава-Адольфа привлек к нему надежды широчайших масс без всяких усилий с его стороны: он просто возглавлял армию, на вербованную из свободных крестьян, он был противником той имперско-валленштейновской армии, которая олицетворяла самые страшные притеснения и муки для народа. Повсюду заговорили о мессии, о посланце бога. Этот ореол народная и литературная традиция отчасти сохранили за Густавом-Адольфом и после его смерти, наступившей раньше, чем действительность успела рассеять все иллюзии.

3. Густаву-Адольфу с его небольшой армией в Германии пришлось выбирать между опорой на князей и опорой на тянувшееся к нему простонародье. Выбор в пользу князей был беспосредствен, но даже протестанты среди них колебались, и лишь обретя большую силу в Германии шведский король мог вытребовать поддержку у князей. Нехотя, но он все же использовал атмосферу социально-политической оппозиции, наличную в стране. Сведения об этом рассеяны у первых историков-хронистов шведского периода 30-летней войны, (Хемниц, Бург, Шпангейм, Раше), хотя они уже сильно фальсифицировали картину классовой борьбы.

4. Уже успешное закрепление десанта Густава-Адольфа в Померании объясняется тем, что к нему устремились не только религиозные, но и социальные чаяния общественных низов. На первых порах вслед за герцогом Богиславом IV из Померании бежали многие дворяне, а крестьяне приветствовали шведов как освободителей от крепостного права. Густав-Адольф вскоре почувствовал необходимость дать немецким князьям доказательство

того, что он не намерен действовать в союзе с революционным народом. Таким доказательством явился его отказ поддержать мужественную борьбу Магдебурга против имперско-католической реакции. В Магдебурге власть перешла в руки бюргерско-плебейской оппозиции и к 1630 г. Магдебург был накануне превращения в центр конфедерации северных германских городов. Соответственно Густав-Адольф известное время склонялся к тому, чтобы оказать военную помощь Магдебургу и использовать его "как базу и основу всей экспедиции". По его словам, именно отсюда можно было "дать ракету, которая зажгла бы по Германии огонь этого восстания". Социально-политическая экзальтация народных низов в осажденном Магдебурге достигла крайней степени, все ждали обещанного пришествия Густава-Адольфа с войском. Но именно эта революционная обстановка и изменила в последний момент намерения шведского короля. Магдебург пал и полностью сторел в момент взрыва внутренних социальных противоречий. А Густав-Адольф, стараясь все же сохранить симпатии общественного мнения, тотчас опубликовал особую "Апологию", оправдывая свое воздержание множеством обстоятельств. Точно также Густав-Адольф позже всячески оттягивал оформление союза с Гессеном, где ландграф Вильгельм V волею исторической случайности опирался на армию из мятежных крестьян.

5. Изучение сражений Густава-Адольфа в Германии неожиданно обнаруживает, что в них нередко стихийно вовлекались большие отряды местных крестьян. Например, последние преследовали разбитых имперцев при Брейтенфельде в 1631 г. Крестьянские отряды настойчиво предлагали свою помощь Густаву-Адольфу и в лагере под Нюрнбергом в 1632 г., что может быть побудило его

отойти.

6. Немецкие историки немало обсуждали проблему: почему после сокрушительной рейтенфельдской победы Густав-Адольф двинулся не на габсбургские владения, т.е. не на Чехию и Австрию, а в обход их в западную Германию. Для решения этой проблемы совершенно необходимо учесть игнорируемую этими историками картину классовой борьбы. В Чехии и Австрии шведы оказались бы в накаленной обстановке широчайших народных движений против дворян, католической церкви и императора и были бы с необходимостью поддержаны ими, тогда как Густаву-Адольфу надо было появиться здесь уже не иначе как в роли победителя и карателя. История народных движений в Чехии между 1620 (Белая гора) и 1632 годами еще не написана. Но обильные источники говорят о том, что это была непрекращавшаяся и нараставшая партизанская война с непрерывными вспышками крестьянских и городских восстаний. Курфюрст Саксонский и генерал Арним, которых Густав-Адольф отправил с их войсками в Чехию, вызвали было своим появлением волну народно-освободительных выступлений, но боялись их и всемерно предавали. Для подавления бури, разразившейся в Чехии и уже перебросившейся в Австрию, император упросил опального Валленштейна снова возглавить имперскую армию.

7. Тем временем Густав-Адольф тщетно пытался "обойти" народное движение, стихийно подымавшееся ему навстречу. Тщетно доказывал он свою приверженность интересам князей и дворян, громя встречные крестьянские отряды, подавив крестьянское движение в Баварии, послав часть своей армии для кровавой расправы с большим крестьянским восстанием в Ливонии у Боден-

ского озера. В конце концов, когда он подошел к Австрии, вопрос встал ребром: ему навстречу поднялось огромное восстание австрийских крестьян и он должен был выбирать между победой над императором в союзе с этими крестьянами и отказом от надежд на императорскую корону. Формально он вступил в предложенный ему крестьянскими вождями союз, фактически он предал их, отступив и дав возможность Валленштейну утопить восстание в крови. Это предредило его катастрофу. Подорвав с трудом завоеванное доверие князей и дворян, он и не использовал поддержки народного движения, поэтому он не имел уже никакой опоры внутри Германской империи, если не считать начавшегося "джентельменского" сближения с Валленштейном. Катастрофа завершилась уже после смерти Густава-Адольфа разгромом шведских интервентов у Нёрдлингена. Валленштейн же, ставший ненужным вместе с минованием социально-политического кризиса, был убран со сцены.

Х.А. ПИЙРИМЯЭ
канд. ист. наук
(Тарту)

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ШВЕДСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЛИФЛЯНДИИ в ХУП ВЕКЕ.

1. Государственное хозяйство в прибалтийских провинциях Швеции в ХУП веке до сих пор мало исследовалось историками, хотя на основе изучения этого можно найти ответы на многие важные проблемы экономического развития и политики Швеции в завоеванных ею провинциях. Отсутствуют конкретные статистические данные о величине доходов шведского государства от раз-

личных источников, об их соотношении и динамике в течение десятилетий, а также об израсходовании этих сумм. Хотя и имеются многие высказывания о доходности прибалтийских провинций для Швеции, однако отсутствуют данные о том, были ли эти доходы постоянными и стабильными.

2. Весьма ценной серией источников по государственному хозяйству Швеции являются т.н. главные книги и другие бухгалтерные материалы генерал-губернатор^{ств} Лифляндии и Эстляндии, а также о.Сааремаа (Эзель), хранящиеся в ЦГИА ЭССР в г.Тарту. В этих книгах имеются данные и по многим другим вопросам (местная администрация и судебные органы, их состав, состав войск и гарнизонов, фортификационные и строительные работы, соотношение денежного и натурального хозяйства, развитие торговли, наличие школ, преподавательский состав и т.д. Но до сих пор большинство этих книг не использовалось исследователями, или же привлекалось только частично при изучении более ограниченных тем.

3. В качестве первой попытки автором доклада проработаны "главные книги" Лифляндской губернии, которая была завоевана Швецией в войнах начала ХУП века. В архиве они представлены с 1682 по 1696 гг. с некоторыми незначительными пробелами.

4. До проведения редукции имений в 80-ые годы ХУП века основным источником доходов были пошлины от торговли, особенно лицензия, доходы от которой в 1642-1656 гг. составляли в 140.000 - 200.000 серебр.далеров. После резкого упадка и длительного застоя данный уровень был достигнут лишь в 80-ые годы. В 1694 году лицензия дала уже доход в 325.912 серебр.

далеров. Кроме того взимались еще другие пошлины (порторий, акциз и др.).

5. Сравнительно стабильным, но прогрессирующим доходом был особый земельный налог (Station), тяжесть которого ложилась на крестьянство. До 80-ых годов ХУП в. доходы от этого обложения составляли 62.000 - 64.000 серебр.далеров, в 80-ые годы - обычно более 70.000, а в 90-ые годы - III.000 - 178.300 серебр.далеров.

6. Так как постоянных сборов и налогов далеко не хватало для покрытия государственных расходов, то шведские власти постоянно взимали различные контрибуции и другие чрезвычайные налоги (контрибуция с городов, один процент с зарплаты чиновников, "фортификационная помощь" и пр.), использовали даже французские субсидии.

7. После проведения редукиции в 80-ые годы основным источником доходов стала аренда с редукированных имений (в 1696г. - 496.668 серебр. дал.).

8. Основную долю расходов составляли издержки на содержание гарнизонов, зарплата офицерам, фортификационные работы, суммы на артиллерию и пр. военные расходы. Важное место занимали расходы на содержание администрации и судебных органов. Суммы, отпускаемые на нужды университета и другие школы, по сравнению с общим бюджетом были ничтожные и покрывались в основном за счет Ингерманландии.

9. До 80-ых годов ХУПв. шведскому государству пришлось перевести в Лифляндию немалые средства из самой Швеции, Финляндии и др. местностей как деньгами, так и зерном и обмундированием для гарнизонов. Начиная же с 80-ых гг. постоянно увели-

чивались суммы, выкачиваемые из Лифляндии в Швецию для содержания чиновников, для нужд адмиралтейства и пр., а также для шведской администрации в германских владениях Швеции.

10. Баланс доходов и расходов был очень часто дефицитным, поскольку экономический потенциал шведского дворянского государства не выдерживал громадных военных расходов, обусловленных великодержавной политикой Швеции.

Э.Д.РУХМАНОВА
канд.ист.наук
(Ленинград)

КУРЛЯНДИЯ В I СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ 1655-1660 гг.

В середине XVII века Курляндское (Курземское) герцогство входило в состав Речи Посполитой, являясь польским вассалом.

Во главе страны стоял Яков I (1610-1682), трезвый, расчетливый политик, дипломат.

В своей политике он стремился к полному освобождению Курляндии от польской ленной зависимости.

Начавшаяся в 1654 году война России с Польшей за Украину, вторжение в 1655 году Швеции в Польшу, партийные разногласия польско-литовских магнатов друг с другом и их ссоры с польским королем значительно ослабили Речь Посполитую.

Крайняя внутренняя слабость Польши, плюс полное равнодушие польских правящих кругов к своим балтийским интересам привели к тому, что в середине XVII века Курляндия начала проводить самостоятельную политику, развивать судостроение и торговлю, устанавливать тесные политические и экономические

связи с западноевропейскими странами и, особенно, с ближайшим соседом на Востоке - Русским государством.

В этот период Курляндия была прибалтийской страной с большим флотом, насчитывавшим 60 торговых и 40 военных кораблей. Она имела хорошие судостроительные верфи в Митаве, Либаве, Виндаве, активно участвовала в балтийской торговле: движение курляндских судов в Зунде к 1656 году достигло 26% от общего числа кораблей.

Поэтому Русское государство, стремясь получить доступ на Балтику, придавало очень большое значение своим взаимоотношениям с Курляндией.

Сближение Курляндии и России особенно усилилось после того, как шведский король Карл X Густав после вторжения в Польшу поставил под угрозу самостоятельность Курляндии, требуя финансировать шведов, передать курляндскую армию и флот в его руки и, наконец, заключить договор о переходе Курляндии в шведское подданство.

В феврале 1656 года Курляндия предложила России заключить военный союз для борьбы со Швецией, сообщив о подготовке шведского короля к походу против России.

В апреле 1656 года шведский полководец Делагарди, прибыв в Митаву, добился от курляндского правительства тайного устного признания шведского протектората на время польско-шведской войны. От выполнения этого обязательства Курляндию спасла Россия: 15 мая 1656 года она вступила в войну со Швецией, после чего Курляндия отказалась от данных Делагарди обязательств.

Русское правительство предоставило Курляндии на время

к переходу в подданство России. Ведение курляндских дел было поручено известному русскому дипломату А.Л.Ордин-Нащокину.

21 июля 1656 года А.Л.Ордин-Нащокин во главе посольства отправился в Курляндию. В переговорах с герцогом было подтверждено обязательство Курляндии проводить политику нейтралитета. Кроме того шел разговор о дальнейшем развитии русско-курляндской торговли и о помощи курляндского правительства в вопросе о мирном переходе (сдаче) Риги России.

19 августа 1656 г., когда русская армия осаждала Ригу, Курляндия открыто выступает как союзник России. Она заключает соглашение о поставке русской армии продовольствия, фуража, одежды, пропускает через свои порты шедшее из Европы военное снаряжение и оружие для русской армии, информирует о количестве шведских войск в Риге, их размещении и т.д.

9 сентября 1656 года в русском лагере под Ригой Россия и Курляндия заключили соглашение - договор из 15 статей - центральное место в нем занимали статьи о русско-курляндской торговле об освобождении территории Курляндии от шведских войск и о будущих государственных границах. При содействии Курляндии Россия заключает союз с Бранденбургом. Во время подготовки и хода Вилемских съездов Курляндия оказывает поддержку России в переговорах о мире с Польшей.

После снятия осады Риги, русское правительство решило мирным путем добиться выхода на Балтику. Единственной страной, которая могла предоставить России выход в Балтийское море, была Курляндия. Поэтому русское правительство поручает А.Л.Ордин-Нащокину мирные переговоры о переходе Курляндии в подданство

Ордин-Нащокин выдвинул проект перенесения балтийской торговли России в Курляндию - с опорным пунктом в г.Кокнесе. Несмотря на трудности военного времени развернулась частная торговля лесом, смольчугом, поташом, пенькой и другими товарами, которые русские купцы большими партиями перевозили по Двине в Курляндию.

Одновременно русская дипломатия в течение 1657-58 гг. настойчиво, последовательно вела переговоры с курляндским правительством о переходе в русское подданство. В результате Курляндия согласилась пойти на этот шаг и в конце 1657 или в начале 1658 года (точная дата не известна) направила царю договор из 10 статей. По статье I Курляндия переходила в подданство и "в полную и совершенную оборону" России.

Договор предусматривал широкое развитие торговли на очень выгодных для Курляндии условиях (беспшленный вывоз русского леса и хлеба в Курляндию).

По статье 5 увеличивалась территория Курляндии: ей возвращались некогда отторгнутые у нее Польшей земли и восстанавливались границы до 1561 года.

Россия одобрила и приняла предложенный договор. Русско-курляндский договор 1658 года явился крупным дипломатическим событием общеевропейского значения: многие западные державы с интересом и волнением следили за развитием русско-курляндских отношений.

Фактическому присоединению Курляндии к России помешала Швеция. В конце сентября 1658 года Карл X направил генералу Дугласу инструкцию, в которой указал, что тайные соглашения

герцога Якова с Москвой заставляют его дать приказ об оккупации Курляндии. В ночь с 29 на 30 сентября 1658 года войска генерала Дугласа внезапно захватили Митаву и Бауске, а затем оккупировали всю страну. В Курляндии был установлен оккупационный режим, герцога с семьей в качестве пленников отправили в Нарву. Вскоре против шведов в стране развернулась народная война.

Выполняя союзнические обязательства, Россия, по просьбе курляндского правительства, на Валиесарском съезде специально на ряде заседаний неоднократно ставила вопрос о немедленном освобождении страны.

Глава русской делегации А.Л. Ордин-Нащокин добился полной победы: шведы согласились внести в Валиесарский договор специальную статью о Курляндии.

После заключения Валиесарского договора шведские войска, нарушая условия перемирия, продолжали оставаться в Курляндии. Поэтому русские дипломаты снова ставят курляндский вопрос на ежегодных посольских съездах, созываемых обеими сторонами для подтверждения Валиесарского договора. На посольских съездах 1659 года в Готсфорфе А.Л. Ордин-Нащокин выступал с требованием об освобождении Курляндии и предоставлении ей нейтралитета, но шведские дипломаты затягивали переговоры.

28 июня 1659 года к шведскому королю был направлен из Москвы Михаил Майоров с требованием освобождения Курляндии. Только после этого в конце апреля шведские войска покинули Курляндию, герцог, обмененный на шведского генерала Кенигсберга, вернулся в Митаву. Но шведская оккупация оставила тяж-

и след в жизни страны: по свидетельству канцлера большая часть населения вымерла от голода.

После освобождения Курляндии развернулась русско-курляндская торговля, курляндские купцы получили право беспошлинной свободной торговли во всех русских городах. Курляндия продолжала оказывать помощь России во время переговоров о мире с Польшей.

Таким образом только неудача русской внешней политики в балтийском вопросе в середине XVII века несколько отодвинула фактическое присоединение Курляндии к Русскому государству. Эта задача была окончательно решена в начале XVIII века, когда в результате Северной войны 1700-1721 гг. вся Прибалтика вошла в состав Русской империи.

А.А.СВАНИДЗЕ
канд.ист.наук
(Москва)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ШВЕДСКОГО БЪРГЕРСТВА В XIV-XV вв.

1. Население средневековых шведских городов было невелико и в массе своей экономически малосильно, что наложило отпечаток на положение городов в социально-политической системе страны. Это определялось в первую очередь особенностями процесса формирования городского населения, который, вследствие характера источников, может изучаться лишь с XIV века.

2. В шведской (как и во всей западноевропейской) средневековой исторической литературе наиболее исследован лишь высший слой городского населения -

патрициат и купечество, история которого рассматривается по преимуществу в связи с "немецким вопросом". С появлением в 1940-х годах специальных работ о городском и сельском ремесле, несколько прояснилось положение средних слоёв бюргерства. Новейшие исследования лундских историков-экономистов и других специалистов по социально-экономической истории, наметившие связь между эволюцией деревни и процессом урбанизации страны, подчеркнули пути пополнения низших слоёв городского общества. Но проблема формирования шведского бюргерства до XVI в., как совокупная и цельная проблема, ещё не изучена, и это затрудняет понимание как истории городов, так и их места в общем развитии страны.

3. Население средневековых городов Швеции (как и других стран) складывалось из трёх источников. Первый из них - исход в города "раскрестьяниенного" сельского населения - покидавших деревню профессиональных торговцев, ремесленников и обезземеленных крестьян. Этот исход продолжался с переменной интенсивностью в течение всего средневековья. Второй - естественный прирост постоянного населения самих городов. Третий - приток бюргерских элементов из других стран в результате общественных процессов, происходивших как в странах, откуда или переселенцы, так и в самой Швеции.

4. Естественный прирост населения шведских городов в XIV-XV веках был невелик. Хотя общественные и бытовые условия в целом способствовали увеличению численности горожан в большей мере, чем других слоёв населения страны, шведским городам в рассматриваемый период был свойственен общий для того времени

слабо-прогрессивный тип динамики населения, при котором естественный прирост лишь немного превышал естественную убыль.

Очевидно, что основным источником пополнения населения растущих городов страны мог быть только приток людей из-вне.

5. Вопрос об исходе разорившегося шведского крестьянства в города в исследовательском плане был впервые поставлен - Л.А.Нурбергом в связи с проблемой так наз. "аграрного кризиса", хотя шведский историк указывает на отсутствие данных для суждения о масштабах этого исхода. Разорившиеся крестьяне действительно составляли важный источник пополнения городского населения, особенно его низших, наименее имущих и стабилизировавшихся слоёв. Однако, приток этой категории сельских жителей в города был невелик. Во-первых, вследствие раздачи в держании большой части доменов, льготных условий земельной аренды, усилившихся рыночных связей крестьян и товаризации домашних промыслов, экономическое положение шведского крестьянства с середины XIV и особенно в XV вв. в целом укрепилось и его исход поэтому не был велик. Во-вторых, значительная часть вытолкнутого за пределы деревни обедневшего населения притягивалась горно-металлургическими промыслами Даларне. В результате в городах остро ощущалась нехватка наёмной рабочей силы (характерная в то время и для других сфер общественного производства страны), что тормозило развитие городского производства.

6. Существенное значение имела специфика второй стороны социальной эволюции шведской деревни - раскрестьянивания сельского населения в процессе общественного разделения труда. Большая роль в шведской деревне подсобных ремёсел и промыслов, длительное

сохранение многих из них на стадии домашнего производства, существование в деревне постоянной прослойки профессиональных ремесленников и торговцев (весьма неохотно переселявшихся в города и часто возвращавшихся обратно в деревню), широкая практика внегородской (через сельские рынки и ярмарки) торговли - все эти особенности хозяйственной жизни деревни, стимулируемые отсутствием крепостного права, тормозили пополнение среднего буржуазства, т.е. основной группы самостоятельного населения городов, в значительной мере обуславливая его экономическую слабость, замедленность социальной эволюции и незавершённость цехового строя.

7. Торговля, издревле развитая в приморской и богатой природными ресурсами Швеции, была основным каналом проникновения в страну иностранцев - фризоров, позднее немцев и датчан, ещё позднее - голландцев. С середины XIII в. господствующее положение в торговле страны, не обладавшей собственным сильным купечеством, заняли ганзейцы, и немецкие купцы составили основу патрициата всех сколько-нибудь значительных шведских городов. Выходцы из немецких городов были представлены и в городском ремесле Швеции, но они преобладали либо в "аристократических", наиболее богатых профессиях, либо в тех, которые были новыми, не традиционными для Швеции. Подавляющую массу городского населения составляли шведы, и это тем заметнее, чем меньше было внешнеторговое значение города. Социальный анализ немецкого элемента в шведских городах помогает понять и положительный вклад ганзейцев в развитие страны, и их социальную роль, выз-

нения, и трудности складывания национального шведского купечества.

8. Экономическая слабость шведских городов, определявшаяся в конечном счёте общей замедленностью социальной эволюции деревни, стала заметно уменьшаться к середине XV в. С одной стороны, в это время наблюдается рост шведского купечества, постепенно вытеснявшего ганзейских купцов из городских магистратов. С другой стороны, дальнейшее развитие социального распада крестьянства и усиление городского рынка усилили приток из деревни в средние и низшие слои городского населения. Следует отметить, что фискальная политика шведского государства и его жёсткие мероприятия по насильственному трудоустройству бродячего люда также способствовали как переселению в города большей части деревенских ремесленников, так и прикреплению к промышленному труду обезземеленных крестьян. Рост и экономическое усиление шведского бюргерства с середины XV в. привели к возрастанию роли городов в политической жизни страны, определили их ведущее место в антидатской и антиганзейской борьбе шведского народа на рубеже XV-XVI вв. и во многом объясняют последующий промышленный подъём страны с середины XVI в.

Л.Р. СЕРЕБРЯННЫЙ
канд. геогр. наук
(Москва)

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДАНИИ

В докладе рассматривается развитие географически представлений о Дании по историческим периодам с краткой характеристикой важнейших источников.

Первые сведения о Скандинавии восходят к античной эпохе. Плавание Пифея на север, по мнению некоторых исследователей, увенчалось открытием западного побережья Дании. В трудах римских историков Страбона, Плиния Старшего и др. приведены сведения о походе римского флота вдоль берегов Ютландии и Датских островов в 5 г. н.э. Контуры этих берегов впервые были воспроизведены в "Географии" Птолемея. Характеристика скандинавских племен дана в хрониках Тацита и Иордана.

В эпоху викингов географический кругозор значительно расширился, но данные о Скандинавии встречаются лишь в немногочисленных литературных памятниках IX-XI веков. Само название "Дания" впервые появляется в "Истории" Орозия и имеет различную этимологическую интерпретацию. По окончании эпохи викингов с развитием феодальных отношений проявился интерес к географическому изучению Дании, что отражено в исторических работах ("Гамбургская история" Адама Бременского, "Датская история" Саксона Грамматика и др.). Ганзейская торговля послужила стимулом для создания руководств для плавания в датских водах (Хв.).

В период формирования централизованного феодального государства в Дании (XV-XVI вв.) возросло значение морской торговли и судоходства, что повлияло на развитие картографии. К этому времени относится деятельность основоположника датской национальной картографии Клауса Клаусена и его последователей. Известный астроном Тихо Браге также занимался картографическими исследованиями, он разработал основы триангуляции на несколько десятилетий раньше, чем Снеллен.

Эпоха разложения феодального хозяйства в Дании (XVII-XVIII вв.) ознаменовалась появлением географических работ, имевших практическую направленность. В это время появилась серия общегеографических описаний страны. Майером был составлен десятитомный "Атлас северных стран", Ресеном - "Датский атлас". Сёренсен подготовил детальные гидрографические карты. В середине XVIII в. была основана Академия наук, которая стала центром естественно-научных исследований.

Ликвидация крепостного права и развитие капиталистических отношений в конце XVIII - начале XIX вв. сопровождались коренными изменениями в системе землевладения и землепользования в связи с выделением хуторов. Сбор точных географических сведений приобрел актуальное значение. Академия наук организовала первую подробную топографическую съемку страны, на основе которой была выпущена карта масштаба 1:120.000. Крупным событием в истории изучения страны явилось создание "Датского атласа" под редакцией Понтопидана. В первой половине XIX в. были составлены обстоятельные описания амтов Дании, содержащие характеристику земельного фонда.

В период экономического подъема страны во второй половине XIX в. началось сельскохозяйственное освоение западных районов Ютландии. Дальгас подготовил полноценные научные труды о природных условиях этой территории. По инициативе этого исследователя было организовано Датское вересковое общество (1856г.), которое провело большую работу по осушению болот, лесоразведению, закреплению дна, регулированию речного стока. К рассматриваемому периоду относится довольно широкое распространение географических знаний. Большую роль сыграла деятельность Эрслеу, автора многочисленных страноведческих трудов, и Туала, возглавившего выпуск "Статистико-топографического описания Дании" (пятое издание этой географической энциклопедии в настоящее время почти завершено).

В 1876 г. по предложению группы исследователей было учреждено Датское географическое общество, старейшее в Скандинавии. Его задачи - развитие географической науки и популяризация географических знаний. В 1888 г. была создана кафедра географии в Копенгагенском университете, которая впоследствии превратилась в ведущий центр географических исследований (Географический институт). Наиболее крупный комплекс работ проводился на западном побережье Ютландии, где предполагается осушить значительные участки морского дна.

В течение последних десятилетий объем географических сведений о Дании существенно увеличился. Университеты, музеи, научные и практические организации осуществляют разносторонние исследования географического характера. Процесс дифференциации географических дисциплин в этой стране зашел очень глубоко. Краткие данные о современном уровне этих дисциплин помещены в конце доклада.

Л.С.СМУСИН
(Ленинград)

"ФИНЛЯНДСКАЯ ПРОБЛЕМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА
1807 - ВЕСНЫ 1808 ГГ."

1. Борьба держав на севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 г., по Фридрихсгамскому договору, явились темой ряда исследований, как за рубежом, так и в России (в дореволюционную и советскую эпоху).

Однако время с середины 1807 г. до весны 1808 г., когда складывалась международная обстановка, обусловившая присоединение в марте 1808 г. правительством Александра I занятых русскими войсками финляндских владений Швеции, недостаточно изучено и требует дальнейшей разработки. До сих пор не уточнено время, когда Александр I пришел к решению присоединить так наз. шведскую Финляндию, не рассмотрена позиция Наполеона в отношении этого расширения русских владений, а также политика царского правительства по отношению к финляндскому сепаратистскому движению и отдельным его течениям.

2. Присоединение шведской Финляндии в планах русского правительства диктовалось необходимостью обеспечить безопасность столицы - Петербурга, покончить с попытками шведских правящих кругов использовать международные конфликты для нападения со стороны Финляндии и отторжения у России ее северо-западных владений, закрыть русскому флоту выход из Финского залива.

В этой борьбе русское правительство стремилось опереться на сепаратистское движение в шведской Финляндии, ориентировав ее на Россию в своих планах.

3. Политика русского правительства по отношению к Швеции с июня-июля 1807 г. (т.е. периода Тильзитских переговоров) определялась подготовкой к новой борьбе с наполеоновской Францией. Тильзитский мир был "вооруженным миром". Это обуславливало стремление русского правительства сохранить дружеские отношения с Швецией.

В августе-сентябре 1807 г. обстановка на Балтике осложнилась: английская эскадра бомбардировала Копенгаген и захватила датский флот. Отказ Англии принять русское мирное посредничество и заключить мир с Францией предвещал русско-английскую войну, как этого требовали условия Тильзитского мира. Поэтому отказ Густава IV Адольфа - шведского короля разорвать союз с Англией и участвовать совместно с Россией и Данией в закрытии Балтийского моря вызывали у правительства Александра I тревогу. Беспокойство усиливалось слухами об англо-шведских переговорах о совместной оккупации владений Дании. Нейтралистский курс Густава IV Адольфа, уклончивые ответы короля о позиции Швеции в складывавшейся на севере Европы обстановке - воспринимались русским правительством как уловка-маска, которую Швеция сбросит и выступит против России, как только условия станут для этого подходящими. Однако вплоть до конца ноября 1807 г. мы не встречаем каких-либо высказываний русского правительства о его стремлении захватить шведскую Финляндию.

4. С июля 1807 г. правительство Александра I начало добиваться от Наполеона согласия на присоединение Молдавии и Валахии, а с ноября 1807 г. зондировать его позицию в отношении приобретения Россией шведской Финляндии. Благоприятно складывающаяся международная обстановка, поведение Швеции, требования

русских правящих кругов - всё толкало Александра I на эти шаги. Анализ источников приводит к выводу о том, что, если приобретение Молдавии и Валахии обсуждалось в Тильзите, то по поводу шведской Финляндии каких-либо разговоров там не велось. Наполеон, чтобы удержать Россию в союзе с Францией, решил воспользоваться в послетильзитский период стремлением русского правительства расширить свою территорию в сторону Швеции. Это был маневр, которым он рассчитывал отвлечь влияние России от Турции и событий на Пиринейском полуострове, сковывавших его силы.

Таким путем он рассчитывал с помощью России принудить Швецию к разрыву с Англией и толкнуть Россию на реальную, а не бумажную войну с Великобританией.

Двуличная политика Наполеона в отношении франко-русско-датской экспедиции в Швецию, слухи о затруднениях в Испании, опасность совместного англо-шведского нападения с открытием приближающейся навигации на Балтийском море побудили русское правительство не складывать объявление войны Швеции, присоединение шведской Финляндии.

5. Стремясь добиться поддержки населения шведской Финляндии, русское правительство 13 февраля 1808 г. выпустило прокламацию за подписью главнокомандующего Буксгевдена, в которой говорилось о присоединении края к России, о выгодах и преимуществах, которые получит население в связи с этим. И только 20 марта 1808 г. в манифесте к державам было заявлено о присоединении шведской Финляндии к России. Этот разрыв в сроках вызывался борьбой течений в русских правящих кругах по отношению к планам финляндских сепаратистов, а также русско-французскими противоречиями.

В.А.ФИГАРОВСКИЙ
канд.ист.наук
(Пенза)

ШВЕДСКАЯ ПОЛИТИКА В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В 1611-1613 г.г.
(по материалам микрофильмов Новгородского архива 1611-
1616 годов, хранящегося в Стокгольме)

Политика, проводимая шведскими оккупантами в Новгородской земле, представляет интерес, как часть внешней политики Швеции периода, когда в сложной международной обстановке создавались предпосылки для установления ее гегемонии на Балтийском море.

С другой стороны, изучение политики шведов в Новгородской земле позволяет глубже выяснить политическую позицию господствующих классов в России в условиях сложного переплетения классовых и национальных интересов того времени.

Однако, несмотря на значимость темы, она далеко не была изучена ни шведскими, ни русскими и советскими историками. Одной из причин такого положения являлась недоступность для историков материалов Новгородского архива 1611-1616 гг., хранящегося в Стокгольме. В 1964 г. в ЦГАДА поступили микрофильмы этого архива, на основе которых и подготовлен предлагаемый доклад.

При изучении шведской политики в оккупированной Новгородской земле в ней выделяются два периода. Первый - с начала оккупации и до сентября 1613 г. - характеризуется стремлением шведов реализовать главную политическую идею договора новгородцев с Делгарди от 11 июля 1611 г. об избрании на царский престол шведского королевича. Во втором периоде целью шведской

политики являлось присоединение к Швеции всей или, возможно, большей части Новгородской земли.

Рассматривая первый период шведской политики, следует отметить, что до января 1612 г. она осуществлялась командующим шведскими войсками в России Яковом Пунтусовым Делагарди вопреки указаниям короля Карла IX. Вместо линии Карла IX на признание царем псковского самозванца Делагарди организует против него поход. В этом "своеволии" Делагарди проявилось глубокое понимание им обстановки в России и понимание того, что шведы могут добиться достижения своих целей в России только тогда, когда они выступают в роли защитников классовых интересов русского дворянства и купечества, что ярко проявилось в его выступлении перед верхушкой Новгорода в августе 1611 г. в связи с организацией похода против "вора" под Псков.

Свою политику в Новгороде шведы осуществляли через созданное на основе договора от 11 июля правительство, в котором первое место занимал Делагарди, а государственный секретарь Монс Мартенссон ведал новгородской казной. От русских в правительство входили кн. Ив.Н.большой Одоевский, митрополит Исидор (неофициально) и дьяки Семен Лутохин, Пятой Григорьев, Иван Тимофеев, Третьяк Колпин.

Новгородскими укреплениями ведали два городничих: русский и швед; в городах и острожках, где были и шведские отряды, кроме русских воевод представителем власти считался и начальник шведского отряда.

Поместная политика. В 1611-12 годах было проведено верстание поместьями дворян Новгородских пятин и дворян из других областей страны, оказавшихся к тому времени в Новгороде,

при этом у иногородних дворян сохранялся их прежний поместный оклад. В основе верстания лежал принцип родового поместья. Удовлетворившись челобитные дворян об обмене между ними поместьями. Правительством был издан в 1611 г. указ, по которому в том случае, если помещик получал поместье, ранее "отписанное на государя", то ему давалось на семена по 2 четверти ржи на четь посева из хлеба, собранного с этого поместья.

Финансовая политика. Сущестующее мнение, что шведы просто грабили оккупированную землю, не соответствует действительности. При острой потребности в деньгах, главным образом для уплаты жалованья шведским наемникам, правительство Делагарди-Одоевского сбор средств организовало так, чтобы не вызвать недовольства масс. Были проведены дозоры земель, в результате которых количество "живущих" вытей значительно уменьшилось. Обедневшие дворцовые крестьяне получили право уменьшать свои участки и платить подати только с объявленной ими земли. Земли, от которых крестьяне отказались — "збавленные участки", раздавались "с оброка" зажиточным крестьянам и разного рода служилым людям. Погосты и волости для сбора "корма немецким людям" были расписаны между городами и острожками с тем, чтобы не допускать повторных сборов. Был издан указ, по которому все те, кто уплатил подати или не должен был их нести и у кого шведские начальники брали на нужды ратных людей продовольствие или другое имущество, получали в Новгороде его полную стоимость. Указ строго выполнялся.

Правительство Делагарди-Одоевского стремилось завоевать симпатии средних слоев населения. В материалах архива обнаружено свыше двухсот челобитных стрельцов, казаков, приказных

людей, ямщиков, сторожей, мастеров, торговцев с просьбами о выдаче желованья, в том числе и за 1611 г., пособий за раны и на бедность, об оплате за выполненные для властей работы, об отводе мест под дворы, о получении за оброк угодий и промыслов, с жалобами на неправильное наложение тягла и т.п. Как правило, челобитные разбирались и полностью или частично удовлетворялись. Характерно, что за этот период не обнаружено ни одной челобитной от духовенства с жалобами на притеснения со стороны шведов. Любопытна и попытка правительства обеспечить нормальное морально-бытовое состояние новгородцев. С этой целью была издана особая "память".

Таким образом, материалы Новгородского архива за 1611-1616 гг. свидетельствуют о том, что Делагарди, а за ним и шведское правительство Густава Адольфа стремились своей политикой в Новгородской земле создать благоприятные условия для возведения на русский престол шведского королевича.

Такая политика, ее цели, не была авантюрой Делагарди, как полагает это Алмквист, а имела значительные шансы на успех, поскольку ею учитывались классовые интересы русского дворянства. Материалы архива подтверждают правильность оценки посольством Татищева положения в Новгороде. Вернувшись в Ярославль, послы "в распросе" сказали, что в Новгороде от шведов "христианской вере никакой порухи и православным крестьянам разорения никакого нет, а живут по-прежнему безо всякой скорби", а Карл-Филипп "по решению Новгородского государства будет в Великом Новгороде вскоре, а деется на всех воле Новгородского государства людей".

Нет сомнения, что такая характеристика Татищевым обстановки в Новгородской земле означала крупный успех шведской политики, т.к. существенно укрепляла позиции шведского кандидата на русский престол. Но шведские политики не учли ни силы патристических чувств широких масс русского народа, ни их активной роли в политической жизни того периода, когда выступление казаков и посадских людей Москвы заставило дворян отказаться от шведского королевича.

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ.

М. М. ВАБАР.
канд. геогр. наук
(Таллин)

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРНЫХ ПРОВИНЦИЙ (Лаппи и Оулу)
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ФИНЛЯНДИИ

1. Северная Финляндия (провинции Лаппи и Оулу) обладает значительными природными богатствами, хозяйственное освоение которых интенсивно развивалось в последние 10-15 лет. В основном это - эксплуатация гидроэнергии крупных рек Оудуиоки и Кемийоки, лесных и рудных ресурсов района, а также расширение сельского хозяйства района.

2. На севере построены мощные каскады гидроэлектростанций, которые составляют основную часть прироста энергетических мощностей страны. Промышленность развивалась наиболее быстрыми темпами на севере страны. Целинных земель на Севере освоено в 7-8 раз больше, чем в других районах страны. Целина составляет в северных районах более половины пашни.

3. Промышленность Северной Финляндии - в основном крупные современные высокомеханизированные предприятия добывающей промышленности, степень концентрации и производительность труда которых значительно превышает соответствующие средние показатели страны. Однако в сельском хозяйстве Севера преобладают мелкие хозяйства мясомолочного направления специализации, интенсивность производства на которых значительно ниже, чем в других районах страны.

Целина составляет в северных районах более половины пашни.

3. Промышленность Северной Финляндии - в основном крупные современные высокомеханизированные предприятия добывающей промышленности, степень концентрации и производительность труда которых значительно превышает соответствующие средние показатели страны. Однако в сельском хозяйстве Севера преобладают мелкие хозяйства мясомолочного направления специализации, интенсивность производства на которых значительно ниже, чем в других районах страны.

4. Экономическое освоение и индустриализация Северной Финляндии активно поддерживаются государственными средствами, причем одной из целей объявлено улучшение занятости населения. Однако в результате интенсивной капиталистической рационализации производства на Севере все же существует значительная безработица.

5. Однобокая специализация производства и большая доля добывающих отраслей свидетельствуют о том, что Северная Финляндия развивается в качестве "внутренней колонии" Финляндии. Доля вывоза и ввоза в экономике Севера значительно больше, чем в других районах страны. Коренное население Северной Лапландии - Саамы - быстро ассимилируются с финнами. В настоящее время лишь 1300 жителей Лапландии считают своим родным языком саамский язык.

6. Экономические связи между СССР и Финляндией оказывали положительное влияние на развитие Северной Финляндии. На построенных Советскому Союзу Финляндией электростанциях были заняты сотни рабочих из провинций Лаппи и Оулу. Деловые круги и вся общественность Северной Финляндии заинтересованы в даль-

нейшем расширении этих дружественных связей. Так, весной нынешнего года Торговая палата Лапландии предлагала открыть прямую торговлю между Лапландией и Мурманском. Коммунальные власти трех сопредельных с СССР уездов Северной Финляндии выступили с предложениями проложить новую транспортную магистраль между СССР и Финляндией через их территорию.

Л.Д.ГРАДОБИТОВА
(Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МОНОПОЛИЙ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Дальнейшее обострение борьбы за рынки сбыта в результате образования в Западной Европе замкнутых экономических группировок, необходимость увеличить свою конкурентоспособность перед лицом возросшей экономической мощи монополий стран "общего рынка" и отстоять свои позиции как на рынках ЭЭС, так и на внутренних рынках скандинавских стран явились основными причинами усиления в последние годы тенденции ко всё более тесному сотрудничеству монополий Скандинавии.

Удельный вес Швеции в населении, промышленном производстве и экспорте капиталистического мира примерно равен сумме соответствующих показателей по Норвегии и Дании.

Ведущую роль в этом сотрудничестве играют шведские монополии, немного превосходящие по своему экономическому потенциалу монополии других северных стран. В 1964 г. в число 20 крупнейших промышленных компаний Северной Европы входило 17 шведских и только одна норвежская. Причем, оборот крупнейшего

шведского концерна "СКФ" превышал оборот крупнейшего норвежского концерна "Боррегорд" почти в 3 раза.

Шведские монополии рассчитывают повысить свою конкурентоспособность за счет использования более дешевой рабочей силы Дании и Норвегии. В свою очередь, датские и норвежские монополии, испытывающие недостаток в капиталах для своего развития, надеются, что союз со шведскими монополиями позволит им устоять в борьбе с еще более мощными монополиями главных империалистических государств.

В рамках ЕАСТ экономические связи между скандинавскими странами продолжали расширяться и укрепляться. Становится реальностью "единый рынок северных стран". Взаимная торговля между странами Северной Европы увеличивается более быстрыми темпами, чем торговля внутри ЕАСТ в целом или торговля этой группировки с другими странами. Для компаний среднего масштаба Скандинавия является первым экспортным рынком, где они пробуют свои силы, ввиду географической близости, родственности языка и культуры и сходства в запросах потребителей.

Благоприятному развитию внешней торговли между скандинавскими странами в значительной степени способствовало усиление внутрискандинавского движения капиталов. Больше всего увеличилось шведские капиталовложения в Данию, которую шведские монополии стремятся использовать как плацдарм для наступления на рынки ЕСС и других стран-членов ЕАСТ, расположенных на европейском континенте.

Движение капиталов между скандинавскими странами происходило в форме создания новых производственных и сбытовых дочер-

них компаний ("Кокүм", "Вольво", "Ашим"), путем расширения деятельности ранее существовавших филиалов, приобретения местных фирм ("Булиден" - "Дет Ношке Цинккомпани"), а также в виде совместного строительства предприятий (завод искусственных удобрений в Дании).

Необходимость дальнейшей специализации и рационализации производства привела к широкому распространению "соглашений о сотрудничестве" между монополиями скандинавских стран, охватывающих области производства и сбыта товаров, а также научно-технических исследований. В ряде случаев такие соглашения включают и совместные выступления на внескандинавских рынках.

Шведские концерны приступают к созданию т. наз. "интегрированных" производственных комплексов в масштабе всей Скандинавии ("Астра", "Свенска Металлверкен") путем специализации своих дочерних предприятий в каждой отдельной стране на производстве тех видов продукции, для которых имеются здесь наиболее благоприятные условия. Посредством заключения соглашений о специализации к таким комплексам подключаются и самостоятельные предприятия других северных стран ("АСЕА" - "Триге-Титан").

Дальнейшее углубление международного разделения труда между странами Северной Европы нашло свое отражение в создании общей биржи субпоставщиков машиностроительной промышленности и выработке общих условий поставок для предприятий этой отрасли.

Продолжает развиваться многостороннее сотрудничество между монополиями скандинавских стран в рамках картельных соглашений и в виде разработки совместных предложений на строительство крупных объектов в развивающихся странах.

Новым этапом в сотрудничестве крупнейших банков скандинавских стран является совместное участие в создании финансовых обществ за границей, а также в совместном предоставлении займов третьим странам.

Связи между монополиями скандинавских стран принимают, таким образом, всё более сложные формы, развиваются и укрепляются. Однако, наибольшие выгоды в этом "северном сотрудничестве" достаются самому сильному партнёру — монополистическому капиталу Швеции. В большинстве случаев сотрудничество приводит к подчинению норвежских и датских компаний своим шведским коллегам. Шведские монополии ведут в свою очередь ожесточенную борьбу за влияние в экономике Скандинавии с монополиями крупнейших капиталистических стран.

Е. С. ЕФИМОВА
канд. геогр. наук
(Ленинград)

К ОСОБЕННОСТЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НОРЛАНДА.

1. Норланд, занимающий северную половину Швеции, обладает крупными естественными богатствами средств труда и является одним из богатейших районов зарубежной Европы. На его территории находятся основные массивы хвойного леса, около 95% запасов железной руды, имеются залежи руд цветных металлов и примерно

80% гидроэнергетических ресурсов Швеции.

2. Вовлечение шведскими монополиями и государством Северной Швеции в сферу хозяйственного использования характеризовалось организацией в больших масштабах работ по освоению её богатств. Только за последние 15 лет размер добываемой железной руды на рудниках шведской Лапландии увеличился почти в два раза и достиг в 1964 году 20 млн. т. Довольно значительных масштабов достигли и разработки комплексных руд цветных металлов в Булидене. В настоящее время из общего числа занятых в горнодобывающей промышленности Швеции 40% работают на рудниках Норланда. В результате предпринятого, главным образом государством, строительства большого числа гидроэлектростанций, теперь Норланд дает 3/4 вырабатываемой в стране электроэнергии. Велика роль района в качестве поставщика полуфабрикатов лесопромышленности.

3. В последние 40-45 лет объем производства ведущих отраслей промышленности Норланда увеличивался довольно быстрыми темпами, тогда как его отраслевая структура оставалась почти неизменной (за это время в промышленности остальной Швеции произошли большие структурные сдвиги). Одностороннее развитие сырьевых отраслей хозяйства и энергетики, привязанных к определенным территориям, привело к почти отсутствию "верхних этажей" и к гипертрофированному развитию "нижних этажей" производства, к образованию отраслевых районов и центров слабо связанных между собой. К ним относятся горноэнергетические районы Кируны и Булидена, транспортно-металлургический район Лулео, и лесопромышленные центры Восточного Норланда.

4. Свыше 9/10 добываемой в шведском заполярье железной руды, большая часть пиломатериалов и продуктов переработки древесины норландских лесов поступают на экспорт. Доходы от их реализации на мировом рынке направляются не на расширенное производство для самого Норланда, а в экономически развитые районы Средней и Южной Швеции. В эти же районы передается свыше 4/5 электроэнергии вырабатываемой гидроэлектростанциями Северной Швеции. Таким образом, значительная часть вновь созданной на её территории стоимости предназначенной для накопления, идет за пределы района. В этом отношении экономика Норланда сохраняет черты присущие слаборазвитым странам. Однако в отличие от последних, на норландских предприятиях очень высок уровень механизации и электровооруженность, рабочие получают высокую заработную плату.

5. Возникновение на территории шведского Севера индустриальных центров и значительное расширение их производственной деятельности не вызвало существенных сдвигов в географии населения Швеции. Миграционные потоки населения в северном направлении наблюдались лишь в период с 1870 г. по 1920 г., когда удельный вес жителей Норланда к населению всей страны поднялся с 12,5% до 17,5%. За последние же 45 лет доля Норланда сократилась до 15,5% (1964г.). Как показывает шведская статистика, в самые последние годы численность населения Норланда продолжает уменьшаться. Обезлюдивание очень редко заселенного Севера таит в себе серьезную угрозу для рудников и заводов в обеспечении их рабочей силой.

6. Уменьшение доли населения Норланда во всем населении страны прежде всего вызвано переменами, происходящими в социальной структуре сельского хозяйства. Здесь исторически сложилась мелкая земельная собственность. В четырех из пяти лёнов Норланда земельные наделы свыше 10 га имеют только 10% хозяйств. А минимальный размер земли, необходимый для ведения рентабельного хозяйства, определяется для этого района в 15 га пашни и 30 га леса. Ликвидация нерентабельных хозяйств, вызванная укрупнением в связи с процессом интенсификации сельского хозяйства, совершается в Северной Швеции катастрофически быстро. За последние 20 лет число сельских жителей сократилось более чем на 50%. Рационализация лесного хозяйства также влечет за собой сокращение числа занятых. Ежегодно тысячи людей из Норланда переселяются в города южной половины страны.

Л.Н.КАРПОВ,
С.Л.ЛЕВВЕДЕВА, И.Н.СОКОЛОВ
(Москва)

СДВИГИ В РАЗВИТИИ И РАЗМЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
ПРИПОЛЯРНЫХ РАЙОНОВ ШВЕЦИИ, НОРВЕГИИ И ФИНЛЯНДИИ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваемый район в целом охватывает приполярную и заполярную территорию Швеции, Норвегии и Финляндии, расположенную севернее примерно 64-65° с.ш. и включающую следующие административные территориальные единицы: фюльке Нурланн, Тромс и Финнмарк в Норвегии, лёны Вестерботтен и Норботтен в Швеции и губернии Оулу и Ланни в Финляндии. Приполярные

районы стран Северной Европы в силу своей удаленности и суровых природных условий представляют собой в целом малообжитую и слабо освоенную в экономическом отношении территорию. Занимая соответственно 35-47% общей площади Норвегии, Швеции и Финляндии, эти районы сосредотачивают лишь 6-12% населения и только 5-8% промышленного производства этих стран.

Слабая до недавнего времени хозяйственная освоенность богатых сырьевыми и энергетическими ресурсами, но малонаселенных приполярных территорий объясняется тем, что их освоение и заселение - весьма сложное в техническом и организационном отношении и капиталоемкое дело. К началу второй мировой войны частный капитал достиг в освоении севера Швеции, Норвегии и Финляндии таких географических границ, которые стали одновременно границами прибыльности капиталовложений. Дальнейшее хозяйственное освоение северных районов как "вширь", так и "вглубь" стало для частного капитала невыгодным.

Промышленность приполярных районов стран Северной Европы до конца 1940-х годов была представлена почти исключительно сырьевыми отраслями - добычей и обогащением руд, лесопилением, производством бумажной массы и рыбообработкой. Богатейшие гидроэнергетические ресурсы использовались в незначительных масштабах (менее 1% в Норвегии и Финляндии и 3% в Швеции). Попытки частных фирм создать предприятия "верхних этажей" промышленности как правило успеха не имели.

Послевоенный этап экстенсивного развития капитализма за счет форсированного освоения новых районов промышленно развитых капиталистических стран - важная составная часть общего комплекса проблем современного капитализма. Возросший за последние

10-15 лет интерес к новым районам развитых капиталистических стран нашел свое конкретное выражение в больших масштабах энергетического, промышленного и дорожного строительства, в создании разветвленной сети новых промышленных центров.

Хозяйственное освоение северных районов Швеции, Норвегии и Финляндии на новом современном этапе опирается на "три кита" - гидроэнергетику, металлургию и целлюлозно-бумажное производство. Именно эти три отрасли (естественно в различном соотношении в той или иной стране) получили максимальное развитие в рассматриваемых нами районах и определяют их производственную специализацию как в рамках национальных хозяйств, так и в системе международного разделения труда.

Хотя освоение приполярных районов отражает процесс экстенсивного развития капитализма, важной особенностью этого процесса являются интенсивные методы его осуществления на базе новейших достижений науки и техники с использованием прогрессивных методов организации производства и квалифицированного высокопроизводительного труда. Для окупаемости капиталовложений и достижения наиболее высоких границ рентабельности сооружаются предприятия большой мощности. Таковы построенные за последние 10-15 лет на севере Швеции, Норвегии и Финляндии металлургические заводы и целлюлозно-бумажные комбинаты, рудники и обогатительные фабрики.

С оптимальными размерами сооружаемых предприятий связаны, в свою очередь, размеры городов и поселков. При проектировании нового предприятия на "чистом месте" подробно отработывается с помощью математических методов схема-модель дальнейшего разви-

тия этого предприятия на 10-20-летнюю перспективу и соответствующего развития населенного пункта (примеры: Мушён, Му-и-Рана, Сваппавара). При сооружении новых и расширении действующих предприятий в "старых" промышленных центрах в первую очередь учитывается наличие местной "свободной" рабочей силы (примеры: Кируна, Лулео, Шеллефтео, Оулу, Раахе). В обоих случаях изучается возможность привлечения в промышленное производство населения прилегающих районов, в первую очередь за счет рабочих рук, высвобождающихся в сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве.

В целом новые промышленные центры приполярных районов Швеции, Норвегии и Финляндии отличаются своими относительно небольшими размерами (5-20 тысяч жителей) при весьма больших абсолютных масштабах осуществляемого там производства. Следствием этого является характерное для таких центров малое число жителей в расчете на годовую мощность расположенных там предприятий. Такое экономное "расходование" трудовых ресурсов позволило значительно раздвинуть границы прибыльности капиталовложений в новые необжитые районы, то есть расширило технические и экономические возможности освоения этих районов.

Под влиянием наметившейся в мировом капиталистическом хозяйстве тенденции повышения цен на квалифицированную рабочую силу производство в новых приполярных районах Швеции, Норвегии и Финляндии ограничивается добычей сырья и выпуском полуфабрикатов на крупных капиталоемких, материалоемких и энергоемких (но не трудоемких!) предприятиях. В центрах этих районов создается и развивается, как правило, одно или два свя-

занных между собой технологически крупных предприятия (так называемые "урезанные комплексы"), определяющие узкую промышленную специализацию всего центра.

В 1960-1965 годах наметилась новая "дополнительная" тенденция индустриализации приполярных районов стран Северной Европы путем строительства в "захолустных" городах и приходских центрах небольших по размерам (100-200 занятых) предприятий обрабатывающей промышленности. Такого рода узко специализированные предприятия, рассчитанные на использование сравнительно малоквалифицированной как мужской, так и женской рабочей силы и предназначенные для производства несложных деталей, создали, например, в приполярных районах Швеции всемирно известные электротехнические концерны "АСЕА" и "И.М.Эрикссон". Создание новых предприятий обрабатывающей промышленности в малых и средних городах, лежащих в стороне от основных горнопромышленных, энергетических, металлургических и лесопромышленных комплексов, улучшает положение с неполной занятостью населения.

Форсированное освоение приполярных районов Швеции, Норвегии и Финляндии отражает усиление государственно-монополистических тенденций в экономике этих стран, усиление примата политики над экономикой. Для хозяйственного освоения приполярных районов характерен так называемый "широкий подход", означающий создание там за счет государственного бюджета экономической "инфраструктуры" и проведения других мероприятий по улучшению "климата" для частных инвестиций.

За счет государственного бюджета, а в Норвегии в значительной степени и за счет иностранных инвестиций и займов, в приполярных районах стран Северной Европы создана не только "инфраструктура" экономики, но и сами горнопромышленные, гидроэнергетические, металлургические и лесопромышленные объекты. В результате государственно-монополистического характера послевоенного хозяйственного освоения приполярных районов на долю государственного сектора в настоящее время приходится больше половины промышленного производства приполярных районов Норвегии, Финляндии и шведского лена Норботтен, в то время как в целом доли государственного сектора в промышленном производстве этих стран не превышает 10-15%. Растущая роль государства в хозяйственном освоении новых районов Швеции, Норвегии и Финляндии подтверждает марксистское положение о том, что всякий новый этап развития производительных сил капитализма в то же время означает все большее и большее обобществление хозяйства.

Анализ основных экономических и экономико-географических предпосылок и результатов сдвигов в размещении производительных сил приполярных районов Швеции, Норвегии и Финляндии приводит к выводу, что направление хозяйственного развития этих районов имеет много общего.

В первом приближении можно считать, что развитие хозяйства идет здесь путем создания отдельных промышленных центров и комплексов для освоения наиболее богатых природными ресурсами частей этих в целом малообжитых территорий.

Ведущими районообразующими факторами на севере Швеции, Норвегии и Финляндии служит предшествующее промышленному ос-

воению транспортное и гидроэнергетическое строительство.

Хозяйственное освоение приполярных районов Швеции, Норвегии и Финляндии опирается на их производственные связи с ранее сформировавшимися крупными промышленными центрами и районами в обжитых частях этих стран. Такие производственные связи "север - юг" осуществляются путем передачи электроэнергии и снабжения промышленным сырьем и полуфабрикатами.

Исключительно важную роль в экономике приполярных районов играют внешнеэкономические связи, осуществляемые путем экспорта промышленного сырья и полуфабрикатов, главным образом в развитые страны Западной Европы. Для отдельных центров и комплексов (железрудного Кируна - Елливаре, лесопромышленного Кени-Оулу) внешнеэкономические связи играют главную роль.

О.А.ЛУГУС.
(Таллин)

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОМПЛЕКСНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДРЕВЕСИНЫ В ФИНЛЯНДИИ

1. Современное развитие мировой лесоперерабатывающей промышленности характеризуется весьма значительными сдвигами в структуре производства. Большие качественные изменения происходили и за последние 10-15 лет в лесоперерабатывающей промышленности Финляндии. Под влиянием конъюнктуры мирового рынка, значительно увеличились капитальные вложения в прогресс отрасли лесопереработки, особенно в целлюлозно-бумажную промышленность. Только за 1959-1965 гг. в стране было построено крупных современных предприятий для производства целлюлозы,

картона и бумаги. Производственные мощности в данной отрасли выросли за этот период почти в 2 раза. Много внимания было уделено на углубление комплексного использования древесины. На базе использования тонкомерной древесины и древесных отходов сильное развитие получили такие прогрессивные отрасли как производство древесно-стружечных и древесно-волоконистых плит. Углубление концентрации производства и интенсивный технический прогресс благоприятствовали более полному использованию древесного сырья.

2. Лесистость Финляндии достигает 71%, запасы древесины на корню - 1,4 млрд. м³. Годовой прирост древесного сырья составляет 46 млн. м³. За последние годы объем вырубki товарной древесины колеблется от 44 до 47 млн. м³. Общей тенденцией является стабилизация заготовки пиловочной древесины и резкий рост заготовки балансов. За 1951-1964 гг. объем заготовки пиловочника уменьшилось с 14 млн. м³ до 12,8 млн. м³, а заготовка балансов увеличилось с 12 млн. м³ до 20,2 млн. м³.

В структуре экспорта значительно увеличилась доля прогрессивных видов продукции. Из Финляндии за последние годы экспортировалось около 80% производимой бумаги, до 90% фанеры, около 70% древесно-волоконистых плит и т.д.

3. В послевоенный период, особенно за последние 15 лет, много внимания уделялось рационализации использования древесного сырья. Можно выделить следующие основные качественные изменения в использовании древесины:

а) рост использования древесины минимальных размеров для целлюлозных целей (производство целлюлозы, древесных плит и т.д.);

б) увеличение использования недефицитной лиственной древесины (в основном березы) для производства целлюлозы, полуцеллюлозы, древесных плит;

в) улучшение структуры сортимента заготавливаемой древесины, увеличение доли сырья для производства прогрессивных видов продукции - целлюлозы, картона, бумаги и древесных плит;

г) уменьшение экспорта необработанного круглого леса, переход на более глубокую переработку древесного сырья внутри страны, что повышает рентабельность производства. Наблюдается увеличение импорта круглого леса;

д) значительное увеличение использования древесных отходов для производства прогрессивных видов продукции - целлюлозы, картона, древесно-стружечных и древесно-волоконных плит;

е) повышение уровня техники и технологии в лесоперерабатывающей промышленности, что позволило увеличить выход продукции с единицы заготовленного древесного сырья, улучшить качество продукции и получить сырье для вторичной переработки (введение окорки древесины и т.д.);

ж) в результате роста переработки тонкомерной и лиственной древесины выход деловой древесины увеличился до 74-77%.

4. За последние 10-15 лет значительно быстрее развивались прогрессивные виды лесопереработки. За период 1954-1963 гг. продукция всей лесоперерабатывающей промышленности увеличилась на 70%, в т.ч. продукция целлюлозно-бумажной промышленности более чем в 2,2 раза, а деревообрабатывающей промышленности только на 16%. Значительное развитие получило производство целлюлозы (рост продукции за период 1951-1964 гг. в 3,0 раза) бумаги (в 3,3 раза), древесно-волоконных плит (в 2,9 раза), фанеры

(в 2,5 раза) и т.д. Интенсивно развивается производство древесно-стружечных плит, в основном на базе тонкомерной древесины и древесных отходов (выпуск плит в 1958 году составил 31 тыс.м³, в 1964 году 143 тыс.м³). Производство пиломатериалов (товарных) осталось в 1964 году на уровне 1950 года.

Б. В настоящее время в Финляндии ведется интенсивная работа по повышению продуктивности лесов, улучшению сортиментной структуры древесины и углублению комплексного использования древесного сырья. Предполагается, что к 1975 году, в связи с увеличением прироста древесины, объем заготовки товарного древесного сырья увеличится до 53 млн.м³.

В.И.ПАНЧЕНКО
канд.экон.наук
(Москва)

"ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ШВЕЦИИ"

1. К числу важнейших методов, способствующих в настоящее время усилению экономической мощи шведских монополий относится метод так называемого "самофинансирования", когда средства, употребляемые промышленным капиталом для инвестиций, сосредотачиваются непосредственно в акционерных обществах за счет их собственных прибылей. Тем самым, создается возможность не привлекать или в меньшей степени привлекать ссудный капитал, банковские кредиты.

2. Шведский государственный аппарат широко используется монополиями в общей системе государственно-монополистического

капитализма для облегчения "самофинансирования" с середины 1950 г., когда в стране наблюдалась относительно благоприятная экономическая конъюнктура. Особенно большое значение для "самофинансирования" стало придаваться в Швеции в 1958-1966 гг., когда позиции шведских монополий на западноевропейском рынке оказались под сильным нажимом концернов и трестов "общего рынка". Это влияет на то что ежегодные инвестиции в шведскую промышленность неустойчивы и зависят от складывающейся конъюнктуры на рынках сбыта, от условий конкуренции особенно на западноевропейском рынке. Ежегодное увеличение инвестиций во всей промышленности, основная часть новой эмиссии капитала сосредотачивается в наиболее рентабельных отраслях, а внутри их - в руках самых крупных монополистических объединений, стремящихся укрепить свое положение в рамках "интегрированной" Западной Европы. Наибольшая доля инвестиций приходится на отрасли I подразделения металлургическую, химическую и энергетическую промышленность, которые развиваются высокими темпами. В то же время в отрасли II подразделения, в частности, в текстильную промышленность, испытывающей в последние годы кризисное положение, вкладывается значительно меньше капиталовложений. При этом следует подчеркнуть, что общие темпы роста инвестиций в Швеции за 1961-1965 годы превосходят темпы роста промышленного производства, составляя соответственно 10-14% против 3-4%. Это приводит к увеличению недогрузки мощностей в ряде отраслей промышленности и создает большую угрозу в будущем для использования имеющихся в них производственных мощностей.

8. Из различных форм помощи государства шведским монополиям в создании "фонда самофинансирования" важнейшими стали

следующие: а) поощрение "отчислений в конъюнктурный инвестиционный фонд"; б) регулирование производства в интересах монополий с помощью "ускоренной амортизации" основного капитала; в) перераспределение национального дохода в пользу монополий путем "выравнивания убытков"; г) государственная политика в области налогов на новые инвестиции; д) государственная политика в области налогов на прибыли компаний и доходы населения. Таким образом, в шведской экономике происходит дальнейшее обособление движения амортизационных отчислений от движения производительного капитала, повышается их роль в финансировании не только капитальных затрат, но и всего общественного хозяйства Швеции, происходит увеличение массы нераспределенных прибылей, связанное с условиями воспроизводства основного капитала в стране.

4. Стимулируя процесс накопления капитала с помощью различных мер увеличения "фонда самофинансирования" монополий, шведский государственный аппарат способствует усилению господства узкой верхушки монополистической буржуазии в экономической и политической жизни общества. Вместе с тем "самофинансирование" ведет к росту социально-экономических противоречий, и не только усилением эксплуатации шведских трудящихся, но и обострением конкурентной борьбы как между крупными и мелкими предприятиями, так и между монополиями-гигантами. Растущие цены в конечном счете уменьшают возможность реализации. Это означает, что "самофинансирование" ведет к подрыву той высокой конъюнктуры, которая является его условием, к новому обострению противоречий между производством и потреблением. Государственная помощь монополистическим объединениям в ускоренном накоплении капитала способствует

форсированному разорению мелких предприятий.

5. Непосредственное и глубокое влияние на процесс концентрации производства и капитала в Швеции на современном этапе оказывает ее положение на мировом капиталистическом рынке и усилившаяся с началом практического осуществления планов западноевропейской "интеграции" борьба шведских предпринимателей с иностранными конкурентами. Это заставляет шведские монополии делать всевозможное для укрупнения и автоматизации производства с целью снижения издержек производства. Государство оказывает в этих условиях огромную финансовую помощь монополистическим объединениям. Государство аккумулирует в своих руках большие материально-денежные ресурсы для нужд монополий и осуществления программы развития атомноэнергетической промышленности, химической, радиоэлектронной и других новых отраслей производства, развитие которых связано с крупными капиталовложениями и, кроме того, с известным риском для частного предпринимательства. Тем самым экономическая концентрация способствует непосредственному вмешательству государства в процесс воспроизводства и становится материальной основой форсированного развития государственно-монополистического капитализма. Но вместе с тем государственно-монополистический капитализм в Швеции, как и в других странах, являясь высшей ступенью капиталистического обобществления производства в интересах финансовой олигархии, увеличивает материальные предпосылки для победы социализма.

ПИСКУЛОВ Ю.В.
(Москва)

О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА В ЭКОНОМИКЕ ФИНЛЯДИИ

Рост концентрации и масштабов производства, дальнейшее развитие общественного характера труда и связанного с ним обострения противоречия между общественным характером труда и частнокапиталистическим способом присвоения — эти и другие причины привели в послевоенный период к значительному повышению роли государства в экономике Финляндии.

Усиление вмешательства государства в основные области хозяйственной жизни страны проявилось в развитии предпринимательской деятельности государства, в стремлении к координации хозяйственной деятельности в общегосударственном масштабе, в усилившемся вмешательстве в сферу внешнеэкономических связей.

Переход к государственно-капиталистической собственности, в Финляндии, как и в других капиталистических странах, наблюдается в первую очередь в тех отраслях хозяйства, которые из-за необходимости больших капиталовложений и сравнительно небольшой прибыльности не привлекают внимания частного капитала. На средства государства в послевоенной Финляндии получили дальнейшее развитие такие капиталоемкие отрасли экономики, как энергетика, горнорудная промышленность, металлургия и некоторые другие. К началу 1960-х годов число рабочих и выпуск продукции на государственных предприятиях возросли по сравнению с довоенным периодом примерно в 2 раза, а доля этих предприятий в общем числе рабочих и валовой стоимости продукции промышленности достигла 17-19%.

Было бы неправильно считать, что развитие государственно-го сектора в финской экономике происходит исключительно в целях создания "инфраструктуры" для частно-капиталистического предпринимательства. Развитие государственной предпринимательской деятельности в ряде отраслей отражает характер и цели экономической политики государства, на формирование которой в послевоенный период большое влияние оказывает массовое народно-демократическое движение в стране. Необходимость расширения производственной базы финской экономики, уменьшения зависимости страны от импорта, потребность в поддержании занятости рабочей силы, — эти и другие факторы оказали большое влияние на развитие государственных горнодобывающих, металлургических, машиностроительных, химических, нефтеперерабатывающих предприятий. Государственные предприятия являются крупными или даже крупнейшими в своих отраслях.

Наряду с предпринимательской деятельностью, в послевоенный период в Финляндии значительно возросла роль государства как механизма изъятия все большей части прибавочной стоимости, создаваемой в народном хозяйстве, и ее перераспределения в интересах обеспечения расширенного капиталистического воспроизводства. Первостепенная роль в этом процессе принадлежит государственному бюджету. В расходной части бюджета обращает на себя внимание резкое сокращение по сравнению с довоенным периодом ассигнований на военные нужды как следствие проведения страной политики нейтралитета, что позволило увеличить расходы на развитие мирной экономики, социальные нужды и здравоохранение.

В последнее время в Финляндии, как и в других западноевропейских странах, наблюдаются попытки долгосрочного прог-

раммирования ("планирования") экономики в масштабах всей страны.

Изменения в условиях капиталистического воспроизводства и настроениях трудящихся масс, все больше выступающих за плано-
вое ведение народного хозяйства в интересах всей нации, стра-
зидись в официальных целях экономической политики. В качестве
основной задачи этой политики объявляется стремление к "эконо-
мическому росту", т.е. к достижению достаточно высоких и устой-
чивых темпов роста национального продукта и национального до-
хода.

В целях практического осуществления политики "экономиче-
ского роста" в 1959 году правительством был создан "Комитет
экономического программирования", опубликовавший "Программу
производственной политики" Финляндии на период 1960-1970 гг.
В качестве средства обеспечения этой программы другой прави-
ТЕЛЬСТВЕННЫЙ комитет - "Комитет финансового планирования" -
разработал в 1961-1962 гг. проект долгосрочного государственно-
го бюджета на период 1962-1966 гг., предусматривающий бюджетные
мероприятия по целенаправленному воздействию на экономику.

Для координации долгосрочной производственной и бюджет-
ной политики и подготовки на этой основе законодательных ре-
шений в 1962 г. при правительстве был создан Экономический
Совет во главе с премьер-министром.

Как показала пятилетняя практика, долгосрочное экономи-
ческое программирование, являясь прогрессивным в стремлении
создать более рациональную структуру народного хозяйства, вме-
сте с тем, в силу господства частнокапиталистического сектора
в экономике, оказалось не способным успешно решить свои основ-

ные задачи, т.е. обеспечить преимущественное развитие нелесобумажных отраслей промышленности и полную занятость рабочей силы в стране.

Характерной особенностью послевоенного экономического развития Финляндии явилось усиление вмешательства государства в сферу внешнеэкономических связей. Усиление конкуренции на внутреннем рынке со стороны иностранных товаров в результате отмены импортных пошлин и количественных ограничений импорта, к которым Финляндия была вынуждена приступить в связи с образованием замкнутых экономических группировок и участием в ЕАСТ, потребовало перестройки системы импортного регулирования. Государством или при его содействии осуществляются реформа налога с оборота, расширение прав и норм амортизационных списаний, введение льготных систем кредитования, ускоренная картелизация производства и сбыта в отраслях промышленности внутреннего рынка и другие меры, направленные на повышение конкурентоспособности финской продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Обострение проблемы рынков потребовало усиления государственного содействия развитию экспорта. В числе средств форсирования экспорта все большее значение приобретают государственные гарантии и финансирование экспортных поставок.

Анализ деятельности государства в сфере производства и в распределении национального дохода вскрывает двойственную роль, которую играет этот сектор в экономике Финляндии. С одной стороны, он несет в себе тенденции усиления власти государственно-монополистического капитализма, а с другой - возможность ограничения этой власти и проведения социальных преоб-

разований. Народно-демократическое движение за национализацию экономики и контроль за расходованием государственных средств ведет к созданию предпосылок для использования государственно-го сектора в общенациональных интересах.

СЕКЦИЯ ЯЗЫКА.

Н. А. ВВЕДЕНСКАЯ
(Ленинград)

ЧАСТНОЕ ОТРИЦАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном датском языке имеются два основных типа отрицаний — общее (отрицание сказуемого и тем самым смысла высказывания) ^и частное (отрицание какого-либо другого члена предложения). Общее отрицание выражает отсутствие смысловой связи между обоими главными членами предложения, соответствующее разъединенности, имеющей место в действительности. Частное отрицание есть отрицание, выражающее разъединенность между формально положительным сказуемым и каким-либо отрицательным членом предложения, будь то подлежащее, дополнение, определение или обстоятельство.

Существуют различные виды частного отрицания, не затрагивающие утвердительной предикации предложения: частное отрицание, выражающее разъединенность между каким-либо членом предложения и положительным сказуемым (частное отрицание подлежащего, дополнения, обстоятельства, отдельных компонентов составного сказуемого и предикативного определения); частное отрицание в составе парных сочинительных союзов при ограничительных частицах; частное отрицание к определению в группе имени существительного; отрицание в обособленных синтаксических группах.

Для выражения отрицания в современном датском — слу-
жат отрицательная частица *ikke*, отрицательные местоимения и

наречия и отрицательные союзы. Основным средством выражения частного, равно как и общего, отрицания является отрицательная частица *ikke*.

Отрицательные местоимения и наречия, как правило, выражают общее отрицание. Отрицательные обобщающие местоимения служат для выражения частного отрицания при однородных членах предложения в эллиптических предложениях и в определенных словосочетаниях. Отрицательное обобщающее наречие *aldrig* может входить в состав обособленных синтаксических оборотов и быть отрицанием к определению в группе имени существительного. Отрицательные наречия *ej* и *inte* выражают частное отрицание при ограничительных частицах и при некоторых наречиях.

Частное отрицание, выраженное отрицательной частицей *ikke*, встречается в современном датском языке реже, чем общее отрицание, выраженное той же частицей. Количество частных отрицаний, выраженных отрицательными местоимениями и наречиями, ничтожно мало.

Место отрицания в предложении не является достаточным критерием для отличия частного отрицания от общего в современном датском языке. Существуют различные средства выделения частного отрицания. Важнейшие из них: положительное противопоставление с союзом или без союза, следующее за отрицаемым членом или предшествующее ему, как дополнительное стилистическое средство; утвердительное предложение, следующее за отрицательным в качестве положительного противопоставления; определенные наречия и прилагательные в положительной и сравнительной степени перед отрицаемым членом предложения, позволяющие различить

общее и частное отрицание и др. Часто основным и единственным средством дифференциации общего и частного отрицания является контекст. Для датского, как и для других скандинавских языков, очень характерны предложения с "предваряющим" подлежащим позволяющие особо выделить, подчеркнуть тот или иной отрицательный член предложения, выступающий в роли частного отрицания.

Г. В. ВОРОНКОВА
(Ленинград)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АЛЛОФОНИЧЕСКОГО ВАРИИРОВАНИЯ В НОРВЕЖСКОМ

I. Решающую роль в возникновении среднеязычных аффрикат в норвежском играет появление у палатализованных заднеязычных фонем новых аллофонов — среднеязычных целевых. До этого момента в системе норвежского консонантизма не было шумных, для которых было бы релевантно среднеязычное место артикуляции. Йот, возникший в норвежском в результате преломления после целого ряда согласных фонем, а также в начале слова перед ударным главным, был аллофоном фонемы (i) и фонетически отличался от шумного йота, появившегося в положении после звонкого палатализованного заднеязычного. Звонкий среднеязычный становится аллофоном предшествующего ему звонкого палатализованного заднеязычного. Глухой среднеязычный становится аллофоном предшествующего глухого палатализованного заднеязычного. Палатализованные заднеязычные (звонкий и глухой) изменяются в более передние вследствие того, что локальный признак перестает быть

релевантным для них.

Возникает такое положение, при котором два разных аллофона одной фонемы следует один за другим. Они сливаются в одну фонему или ассимилируются, поскольку между ними нет контраста противопоставления.

2. Свистящий аллофон фонемы (s) в положении перед (j) изменяется в шипящие с разной локализацией (в альвеолярный, какуминальный, ниже-зубной палатализованный, палато-альвеолярный) в разных диалектальных группах Норвегии. Колебания в аллофоническом варьировании фонемы (s) обусловлены разным функционированием этой фонемы в той или иной группе диалектов в тот или иной период ее изменения.

А.Н.ГУЛЯЕВ
(Ярославль)

ВЛИЯНИЕ АНТОНИМИИ НА СТРУКТУРУ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И СИНОНИМИЧНЫХ СВЯЗЕЙ (на материале датского языка).

I. Работа посвящена сопоставительному анализу полей, создаваемых антонимичными противопоставлениями типа fred-krig, имеющих ярко выраженную оценочную характеристику (положительную и отрицательную, условно для fred - положительная и для krig - соответственно отрицательная), с целью установить влияние такого типа противопоставления на словообразовательные ряды от слова fred: fredsommelig, frede, fredløs, fredsforstyrger, ufred, etc., с одной стороны, и от слова krig: krigstog, krige, krigerisk, kriglist, krigsrad, ukrigerisk, etc.,

и на синонимичные отношения членов этих рядов hvile: afslap-
pelse, fred, rest, ro; tryghed: betryggelse, fred, sikkerhed;
fredsommelig: blid, fordragelig, fredelig, ukrigerisk, ukri-
gerisk; ~~Безоружная война, безоружный бой, мир, умиротворение~~; ~~конфликт~~
с одной стороны, и krig, polemik, splid, stridhed,
ufred, krigerisk: aggressiv, krigsgal, militaristisk, strid-
bar, ufordragelig, ufredelig, с другой, а так же на фразеоло-
гические образования типа: her er fred og ingen fare, få
fred til sit arbejde, staten slutte fred, være i fred for en,
fredе om sine minder, en fredelig person, с одной стороны,
det er (så) krigens gang, få krig frem, da gamle kriger, erklæ-
re krig, sætte sin krig igennem, с другой.

2. Материал^{ом} для исследования послужили данные различно-
го типа словарей: Synonym ordbogen, Nudansk ordbog, Køben-
havn, 1957, Датско-русский словарь, Москва, 1960, и другие.
Отобранный материал состоял из производных fred и krig,
синонимов fred, krig и их производных, а так же фразеологи-
ческих образований с ~~и~~ ^и krig, отмеченных в использованных
словарях. Полученный материал исследовался на распределение
положительной и отрицательной оценки в структурах связанных с
fred и krig. Характер оценки (положительная, отрицательная
или нейтральная) определялся в зависимости от семантики струк-
туры.

3. Получено следующее распределение знакового противопо-
ставления для производных, сложных слов и фразеологических
словосочетаний: fred производные 8(+), 3(-), 2(н), сложные
слова 15(+), 3(-), 10(н), фразеологические словосочетания
10(+), 4(н); соответственно для krig получено следующее

распределение: 2(+), 5(-), 2(н); 12(+), 27(-), 15(н); 3(+), 2(-), 3(н).

В синонимичных рядах от *fred* и *krig* распределение оценки соответственно следующее: 11(+), 6(н) и 23(-), 14(н), антонимичные синонимичные ряды от *fredsommelig* и *krigerisk* распределяют оценку соответственно следующим образом: 15(+), 3(н) и 13(-), 4(н), синонимичные ряды от *frede* и *krige* имеют распределение: 14(+), 5(н) и 6(-), 7(н).

4. Далее, *fred* и *krig* связаны синонимичными отношениями с несколькими рядами, *fred* входит в ряды: *hvile*, *stilhed*, *tryghed*, для *krig* отмечены следующие: *krig*, *feltog*, *kamp*, *uenighed*.

По семантике указанные ряды оценены нами следующим образом: ряд *tryghed* - положительная оценка (+), ряды *krig*, *feltog*, *uenighed* - отрицательная оценка (-), ряды *hvile*, *stilhed*, *kamp* - нейтральная оценка (н).

Ряды *fredsommelig* - *krigerisk*, подобно тому как антонимичная пара *fred*-*krig*, получают соответственно положительную и отрицательную оценки. Ряд *frede* оценен нами как положительный, тогда как ряд *krige* следует оценить как нейтральный.

5. Из полученных результатов можно сделать следующие выводы: положительная оценка - знак немаркированный в семантическом отношении, основную оценку антонимичной пары несёт элемент с отрицательным знаком. Положительный знак имеет равномерное распределение т.е. удельный вес примеров с положительной оценкой относительно постоянен. Отрицательная оценка распределена неравномерно, удельный вес примеров с отрица-

тельной оценкой резко меняется при переходе от одного типа структуры к другому. Положительная оценка имеет тенденцию расширять область своего распределения, в противоположность этому отрицательная стремится к сужению области распределения.

М.Б.ДЕМЕНТЬЕВА
канд.филол.наук
(Ленинград)

О КАТЕГОРИИ *pluralia tantum* В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Вне грамматической категории числа существительное не мыслится даже тогда, когда оно само по себе и не различает форм единственного и множественного (*pluralia* или *singula tantum*). Хотя существительные *pluralia tantum* не входят в числовые соотношения типа *stol - stole*, при словоизменении или словоупотреблении они так или иначе воспринимаются в форме множественного числа по аналогии с существительными, имеющими формы обоих чисел. Поскольку в отношении существительных *pluralia tantum* не может идти речь о различиях в числе, форма множественного числа здесь всегда имеет особое грамматическое значение.

В разных языках категория *pluralia tantum* развивалась разными путями. При сравнительном рассмотрении этих групп существительных в русском и датском языках обнаруживаются большие расхождения. По сравнению с русскими существительными *pluralia tantum* подавляющее большинство датских слов, рассматриваемых в данной группе, может быть определено этим термином лишь условно. Это объясняется наличием в датском языке

такого способа выделения единиц из какой-либо множественной совокупности, как неопределенный артикль. Главным образом рассматриваются существительные, выступающие преимущественно в форме множественного числа, поскольку теоретически существование формы единственного числа возможно. Подлинными pluralia tantum являются только существительные, которые по самому своему значению не могут иметь формы единственного числа, ибо каждый из элементов, составляющих сложный предмет или сложное целое, обозначаемое этим словом, имеет свое отдельное название.

Пути образования существительных pluralia tantum различны. Одни из них еще в древние времена возникали как pluralia tantum. Другие утрачивали форму единственного числа в силу того, что обозначаемые ими предметы или явления выделялись множественностью составных частей или повторяемостью. Некоторые pluralia tantum обязаны своим происхождением словоупотреблению отдельных писателей.

Особняком стоит группа "семантических" pluralia tantum. Категория числа имен существительных - категория лексико-грамматическая. Формы числа нередко выражают различия не только и даже не столько грамматические (книга - книги), сколько семантические (красота - красоты). Основная масса существительных pluralia tantum - категория морфологическая они не имеют грамматического единственного числа. "Семантические" pluralia tantum имеют грамматическое единственное число, но формы единственного и множественного числа несоотносительны. Форма множественного числа не имеет соответствующего лексического эквивалента в форме единственного числа. Наряду со значением разделъ-

ного множества в форме множественного числа возникает особое значение, позволяющее в ряде случаев говорить о тенденции к образованию омонимов.

В группе существительных *pluralia tantum* можно выделить различные лексико-стилистические слои-архаизмы, историзмы, диалектизмы, профессионализмы, заимствования или кальки и слова разговорно-жаргонного стиля. При этом среди *pluralia tantum* больше всего заимствованных и разговорных слов. В пределах категории *pluralia tantum* наблюдается синонимичность слов в разных стилистических слоях.

Существительные *pluralia tantum* весьма разнообразны по своим лексическим значениям. Особенно отчетливо выделяются два общих значения: составной характер обозначаемых ими предметов и оттенок собирательности. Значение множества сочетается с вещественным или отвлеченным значением.

С точки зрения современного языка некоторые существительные *pluralia tantum* представляются немотивированными и начинают употребляться в форме единственного числа. С помощью неопределенного артикля образуются формы единственного числа даже от подлинных *pluralia tantum*. И все же несмотря на эти факты нет оснований считать категорию *pluralia tantum* мертвой категорией и отрицать ее продуктивность. Целый ряд групп *pluralia tantum* продолжает пополняться. Основой образования новых *pluralia tantum* являются разные оттенки собирательного значения форм множественного числа.

И.А. ЕРШОВА.
канд. филол. наук
(Москва)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕГЕР-
МАНСКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ
ЯЗЫКАХ

I.

1. Этимологически тождественные общегерманские лексемы (в частности имена существительные) являются неоднородными как с точки зрения своей фоморфологической структуры, так и с точки зрения семантики. Можно выделить ряд фонетико-морфологических и семантических вариантов древнегерманских существительных при сохранении тождественности соответствующих лексических единиц в общегерманском аспекте.

2. Фонетико-морфологические и семантические варианты общегерманских лексем не одинаково распределяются по отдельным древнегерманским языкам или группам языков, образуя определенные изоглоссы. Скандинавские языки проявляют специфику в обоих исследуемых аспектах.

II.

1. Лексемы, выступающие в различных фонетико-морфологических вариантах, составляют несколько более половины исследуемого материала. Морфологическая дифференциация сказывается главным образом в различии рода или варьировании основообразующего элемента. Большинство расхождений наблюдается по второй линии.

2. В обоих планах скандинавские языки проявляют большое своеобразие. Случаи, где существительные в скандинавских языках

противопоставляются всем остальным этимологически тождественным лексемам по категории рода, составляют примерно 81%. В этом аспекте скандинавские языки обнаруживают наиболее тесные связи с готским (10%) и древнеанглийским (11%) языками, другие изоглоссы весьма малочисленны. Колебания в роде наблюдаются преимущественно между мужским и средним родом в пределах а-основ и между мужским и средним родом а-основ, с одной стороны, и женским родом о-основ, с другой.

В. Во втором исследуемом аспекте своеобразие скандинавских языков еще ярче: случаи противопоставления скандинавских существительных соответствующим лексемам других германских языков по основообразующему элементу составляют около 58%. В этом плане скандинаво-готские связи значительно слабее (около 4%), но скандинаво-английские изоглоссы составляют довольно большой пучок (примерно 10%). Важную особенность скандинавских существительных составляет преимущественное сохранение старых i-основ и судьба корневых основ.

III.

I. Семантическая дифференциация общегерманских лексем проявляется в пределах всех фонетико-морфологических вариантов, но, как правило, морфологические и семантические изоглоссы не совпадают. Семантическая вариативность значительно превосходит морфологическую. Так, 44% полностью тождественных лексем обладают семантическими различиями. Изоглоссы имеют более дробный и частный характер. Частотность и типы семантической дифференциации существительных в значительной степени зависят от системы реалем, обозначаемых данными лексемами.

2. Скандинавские языки, наряду с древнеанглийским, проявляют большую семантическую вариативность общегерманских лексем, главным образом за счет расширения их семантической структуры. Однако случаев противопоставления значения скандинавской лексики и значений соответствующих лексем во всех других германских языках сравнительно немного. Семантическое своеобразие общегерманских лексем в древнескандинавских языках сказывается в основном в сдвиге их употребления.

А. Д. КУЛЬМАН.
(Москва)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА "ГОРА, СКАЛА, КАМЕНЬ" В ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ И ДРУГИХ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Работа представляет собой опыт системного анализа древнеисландской и древнегерманской лексики (в пределах ограниченной тематической группы).

1. Методы, использованные в данной работе. Метод построения семантических сеток-моделей. Рассмотрение макрорядов, в которые входят лексемы данной тематической группы. Анализ ареальной дистрибуции данных лексем. Изучение ведется как с семасиологической, так и ономазиологической точки зрения.

2. Инвентарный набор лексем и построение семантической сетки-модели данной тематической группы для древнеисландского языка. Анализ данной тематической группы в древнеисландском языке: а) этимология некоторых лексем; б) ареальная дистрибуция лексем; в) связь этимологического и ареального аспекта рассмотрения; г) семантические отношения между отдельными

лексемами; д) границы семантической дифференциации лексем.

3. Тематическая группа в других германских языках. Анализ сводной сетки-модели данной тематической группы в древнегерманских языках: а) этимология; б) ареальная дистрибуция, выявление изоглосс; в) распределение по микро-и макрорядам изучаемых лексем; г) лексическая доминанта ряда и ареальная дифференциация; д) семантическая дифференциация отдельных лексем; е) анализ некоторых типологических явлений в данной тематической группе; ж) специфика древнеисландского языка (в свете анализа данной тематической группы).

В работе по изучению тематической группы "Гора, скала, камень" в древнегерманских языках сделана попытка синтезировать различные методы изучения лексики как системы в целях выявления более точной, полной и обстоятельной картины как внутренних связей слов в пределах одной тематической группы, так и для выявления ареальных изоглосс, связывающих различные группы языков в пределах одной языковой семьи. При этом особое внимание уделено месту древнеисландского языка в семье германских языков.

А. С. ЛИБЕРМАН
канд. филол. наук
(Ленинград)

К АНАЛИЗУ ИСЛАНДСКОЙ ПРЕАСПИРАЦИИ

1. Легкое придыхание, которое слышится перед смичными многими исландскими словами (urr, ekki, vatn, vorp и т.д.), принято называть преаспирацией. Кроме современного исландского, преаспирация того или иного характера встречается в других скандинавских,

а также в отдельных кельтских, финно-угорских, палеоазиатских, тирских, тунгусо-маньчжурских и индейских языках и диалектах.

2. Исландскую преаспирацию чаще всего транскрибируют латинской буквой *h*. С точки зрения фонетической близости преаспирации фарингальному спиранту в ряде случаев не вызывает сомнения. Фонологический же статус преаспирации пока еще не вполне ясен. Выбор возможен между рядом решений. Можно предположить, что преаспирация 1) фонологически иррелевантна; 2) представляет собой самостоятельную фонему исландского языка с ограниченной дистрибуцией; 3) является аллофоном какой-то другой фонемы (например, /h /); 4) является различительным признаком последующего смычного; 5) является различительным признаком предыдущего гласного; 6) представляет собой тип пограничного сигнала (*medial juncture*); 7) представляет собой элемент просодики современного исландского языка. Насколько нам известно, в фонологической литературе обсуждались лишь две возможности: третья и четвертая.

3. Для понимания природы исландской преаспирации существенно то, что в одних позициях она слышна вполне четко, в других — слабо, а в некоторых, хотя и зарегистрирована, но почти не слышна совсем; в отдельных словах ее употребление факультативно. По всей видимости, к преаспирации применима количественная мерка: ее может быть больше или меньше. Подобная характеристика не свойственна фонеме, но зато типична для различительного признака (ср. более напряженный — менее напряженный, более открытый — менее открытый гласный) или для просодического элемента (ср. более слабое — менее сильное ударение и т.п.).

4. Исландская преаспирация имеет весьма специфическую дистрибуцию: она не встречается ни до ударного гласного, ни в полностью безударном слоге. Из этого, видимо, следует, что ее употребление как-то связано с пиком интенсивности. К такому же выводу, но на основании инструментальных исследований пришел в своей диссертации Эйнарссон. Характерно, что ни один другой спирант исландского языка не имеет подобных связей с ударением. Характерно и то, что исландцы, произнося английские *got*, *met*, *foxtrot* и т.п., неизменно преаспирируют конечный согласный. Создается впечатление, что исландцы переносят на английские слова особую слоговую структуру, частью которой является преаспирация. Указанные выше факты до некоторой степени свидетельствуют о том, что преаспирация скорее функционирует как элемент просодической, чем фонематической системы исландского языка.

5. Исходя из того, что исландская традиция считает преаспирацию глухим гласным, можно предположить, что фонетически преаспирация не всегда представляет собой фарингальный звук. Вероятно, для нее бывает свойственна и ротовая артикуляция. То, что преаспирация имеет и фарингальную, и ротовую артикуляцию, весьма важно для фонологического анализа, так как при наличии в системе согласных нескольких спирантов ни у какого целевого не должно быть одновременно фарингальных и ротовых аллофонов (такие аллофоны оказались бы в положении косвенно-фонологической оппозиции). Следовательно, в исландском языке нет такой единой согласной фонемы, аллофонами которой могла бы считаться преаспирация в различных ее проявлениях.

6. Исландская преаспирация могла бы рассматриваться в качестве различительного признака последующего согласного или предыдущего гласного, но при таком анализе, кроме уже отмечавшихся трудностей, связанных со слогоделением, возникла бы еще та сложность, что в современном исландском оказалось бы множество сверхдолгих слогов. Если же рассматривать преаспирацию на просодическом уровне, то она окажется особой придыхательной формой динамического акцента и возникнет вопрос о связях между исландской преаспирацией, западнонорвежским толчком, коррепцией района Клеве и так называемой гортанной смывкой в английском. Изучение этих связей скорее всего подтвердит правомерность просодического толкования исландской преаспирации.

Л. С. МЕЛЬДЕР
канд. филол. наук
(Ленинград)

ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДИКАТИВНОГО ЧЛЕНА В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ
ЯЗЫКЕ ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

1. Прилагательное в современном шведском языке является одним из двух (наряду с существительным) распространенных видов предикативного члена. В этой функции оно встречается со всеми связками; употребляется в положительной, сравнительной и превосходной степенях; как правило, согласуется с подлежащим в роде и числе; обозначает качество или свойство предмета.

2. Предикативное прилагательное указывает на качество, свойство предмета, данные в связи со временем их проявления.

3. В шведском языке есть прилагательные, которые употребляются только (или преимущественно) предикативно, например, *ense, gramse, kvitt, saker, sams, släkt*.

4. В шведском языке есть и такие прилагательные, которые в предикативном члене имеют иное значение по сравнению со значением этого же прилагательного, употребленного в качестве определения. К таким прилагательным относятся, например, *färdig, kär, säker, viss* и др.

5. Предикативное прилагательное может поясняться второстепенным членом предложения — обстоятельством или дополнением (атрибутивное прилагательное обычно не может управлять второстепенным членом предложения). Эти второстепенные члены предложения могут быть выражены: сочетанием существительного с предлогом, реже инфинитивом с предлогом или без него, а иногда наречием или целым сочетанием слов.

6. В современном шведском языке намечается тенденция к отклонению от согласования предикативного прилагательного в роде и числе с подлежащим и оформление этого предикативного прилагательного формой среднего рода единственного числа в предложениях типа *Karakteristi-^{skt} för tonen var den dikt....*

Это явление в языке новое, поэтому оно еще слабо отражено в художественной литературе, имея широкое распространение в газете, объявлениях всякого рода и устной речи.

О.А. СМІРНІЦКАЯ
канд. филолог. наук
(Москва)

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ГЛАГОЛАМИ *hafa* и *vega*
В ДРЕВНЕСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Глагол "быть" (*verbum substantivum*) одна из древнейших лексем в индоевропейских языках: в подавляющем большинстве языков по крайней мере некоторые грамматические формы этого глагола имеют корень, возводимый к индоевропейскому $\sqrt{\text{es}}$. Напротив, глагол "иметь" возник позже, вероятно после распада индоевропейской общности; в ряде индоевропейских языков (например, ирландском, армянском) он вообще отсутствует. Независимо от этимологии этого глагола в отдельных языках, ему уже в древнейшие времена было свойственно значение, соотносительное со значением полнозначного глагола "быть". Эти глаголы сосуществовали, взаимно дополняя друг друга.

2. В процессе развития германских языков глагол "иметь" постепенно расширяет сферу своего употребления, система его значений усложняется, и связь его с глаголом "быть" оказывается затемненной. Единственным германским языком, дающим некоторое представление о тех отношениях между этими двумя глаголами, которые следует признать искомыми, является древнесландский. Древнесландский глагол *hafa* в своем основном значении можно назвать "псевдопереходным" (Бенвенист), так же, как и *vega* "быть" он является глаголом состояния. Полнозначный глагол *vega* обозначает существование субъекта, а полнозначный глагол *hafa* - существование объекта в определенном отношении к субъекту (объект предвещается

представляется как наличествующий у субъекта в данной конкретной ситуации).

3. То же значение "существования в отношении" выражается в древнеисландском (как и во многих негерманских индоевропейских языках) сочетанием *vera* с местоимением (реже существительным) в форме дат.п. - *dativus possessivus*. В то время как в предложениях с *hafa* существование (объекта) и его отношение к определенному лицу выражены совместно, самим лексическим значением *hafa* в предложениях с "*vera* плюс *dat. possessivus*" те же элементы значения выражены раздельно - полнозначным глаголом *vera* (существование) и формой *dativus possessivus* (отношение).

4. Соотносительность значений сохраняется и у служебных глаголов *vera* и *hafa*, восходящих к полнозначным. В исландской литературе встречаются примеры, в которых конструкция с составным сказуемым "связка *vera* плюс прич.П (прил.)" имеет расширение - местоимение или существительное в форме *dat. possessivus*. Эти примеры близки по значению предложениям со служебным глаголом *hafa* и объектно-предикативной формой связи между причастием (прилагательным) и существительным в *вин.п.*

В предложениях ^с *vera* этот служебный глагол утверждает существование связи между признаком (состоянием) и субъектом предложения, а форма *dativus possessivus* устанавливает отношение между этой связью и некоторым лицом. В предложениях с *hafa* служебный глагол утверждает существование связи между признаком и объектом (преддицирует признак к объекту) и одновременно ставит эту связь в зависимость от субъекта предложения (ср. выше, п.3).

5. Соотносительность значений полнозначных и служебных глаголов *hafa* и *vega* не предполагает полной эквивалентности и взаимозаменяемости конструкций с этими глаголами. Пути дифференциации этих конструкций и направленность их развития определяются специфическими для них факторами. Употребление конструкции "полнозначный глагол *vega* плюс *dativus possessivus*" ограничено сочетаниями с узким кругом существительных, обозначающих внутреннее состояние. Эти сочетания могут быть эквивалентными по значению глаголам состояния, и они функционально близки многочисленным в исландском языке о е з л и ч н ы м оборотам типа *mér er vant* "мне недостает". Сходным образом и в сочетаниях "связка *vega* плюс *dat. possessivus*" всегда резко подчеркнута инактивность лица, обозначаемого местоимением или существительным в дат.п., и эти предложения не всегда отличны от внешне подобных им сочетаний с дательным косвенного дополнения.

6. Напротив, сочетания *hafa* с некоторыми существительными оказываются синонимичными глаголам обозначающим д е й с т в и е, что привело в исландском языке к их переосмыслению и возникновению на базе их особого рода лексических идиом — "аналитических слов".

Регулярное представление субъекта как агенса действия, приводящего к данному состоянию объекта, является важнейшей особенностью с л у ж е б н о г о глагола *hafa* в сочетаниях с объектно-предикативным причастием. Именно эта особенность приводит к изоляции данных сочетаний от генетических однотипных сочетаний с *vega*, к их постепенному переоформлению в ана-

литическую форму перфекта (известно, что в некоторых индоевропейских языках, например, армянском, в основе аналитического перфекта лежат как раз сочетания с глаголом "быть", аналогичные приведенным ^иисландским).

М.И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

докт. филол. наук

(Ленинград)

ИСЛАНДСКАЯ ТОПОНОМАСТИКА КАК МАТЕРИАЛ К ИСТОРИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

1. Положение Милля о том, что имя собственное "денотирует" (называет), но не "коннотирует" (обозначает, значит), несомненно правильно освещает его сущность. Тем не менее неудовлетворенность миллиевским определением понятна: она имеет в виду идеальное имя собственное, существующее разве что в языке логики. Это идеальное состояние складывается постепенно. Имя собственное, как лингвистическая категория, имеет историю.

2. Исландская топонимика за тысячу лет материально почти что не изменилась. Исландские географические названия обычно имеют ту форму, которую они имели в эпоху своего возникновения. Фамилий в Исландии до сих пор нет. Личные имена в общем тоже сохранили свою древнюю структуру. Именно то, что исландская топонимика материально почти не изменилась, несмотря на то, что исландский народ поднялся от варварства до современной цивилизации, делает эту топонимку удобным материалом для наблюдения изменений в самой сущности имен собственных.

3. Понятия "воплощенных" и "развоплощенных" собственных имен, введенные Гардинером, помогают понять одно из направлений, в которых происходило становление имени собственного. "Развоплощенные" имена собственные - явление сравнительно новое. В древнеисландском они были, повидимому, вообще невозможны. Всякое имя собственное всегда подразумевало свой денотат. Связь такого имени с его денотатом была много прочнее и теснее, чем связь ярлика (обычное сравнение для имени собственного в миллевском понимании) с тем, к чему он прикрепляется. Целесообразно говорить о большей или меньшей "воплощенности" имени собственного в ту или иную эпоху.

4. Очевидное проявление большей "воплощенности" имен собственных в древнеисландском по сравнению с современностью - это их роль в древнеисландской литературе и, в частности, в поэзии. Для современного человека имя собственное, о денотате которого ничего или почти ничего неизвестно, - это пустой звук, балласт памяти. В древности и такое имя собственное было содержательным.

5. В связи с этим граница между именем собственным и нарицательным была не той, что в современных европейских языках. Это проявляется в странном употреблении собственных имен в скальдических кеннингах типа "огонь Марны" ("огонь реки", т.е. "золото") и т.п. Такое употребление собственных имен совсем непохоже на окказиональное превращение собственного имени в нарицательное в современном языке, где имя собственное, денотат которого обладает общеизвестными признаками, легко становится обозначением этих признаков т.е. "развоплощается".

Ничего подобного в древнескандском не имело места, и это тоже проявление большей "воплощенности" собственных имен в древности.

Л.М.ЧЕРКАШИНА
(Орехово-Зуево)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВРЕМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ
С ПРЕДЛОГАМИ *after, efter* В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И
ДАТСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Данная работа посвящается сравнительному анализу структуры сочетаний с предлогами *after* и *efter*, выражающих темпоральные отношения в английском и датском языках. Задача работы состоит в том, чтобы при сопоставлении этих конструкций выяснить степень многозначности предлогов *after* и *efter* в том и другом языке, оттенки их темпорального значения, вариативность элементов: 1) предшествующего предлогу; 2) следующего за ним.

2. Временные конструкции с предлогами *after* и *efter* мы обозначаем $(A \text{ р } B)^t$, где *A* - элемент, предшествующий предлогу, *B* - элемент, следующий за ним, *p* - предлог, ^t - темпоральное значение.

3. Известно, что комбинация $(pB)^t$ обладает большей слитностью, чем $(A \text{ р } B)^t$ поэтому в данной работе будет исследовано только *pB*, а элемент *A*, который несомненно оказывает влияние на формирование темпорального значения предложного сочетания, здесь не учитывается.

4. Анализ последующего материала основан на данных словесей, переводных литературных произведений, оригинальных газет-

ных статей. Данные словарей свидетельствуют, что *after* и *after* многозначные предлоги. *After* имеет 5 значений, *after* - 3 значения. Совпадают следующие: 1) "за, после" (следование); 2) "за, после" (о времени). Не совпадают следующие оттенки значений: 1) влечения, желания, любви, заботы; 2) "согласно, по".

5. Временное значение предложных сочетаний с *after* и *after* совпадает в случаях, когда *pB* обозначает временную границу начала действия *A*, которое 1) занимает неопределенный временный отрезок; 2) занимает определенный временный отрезок.

6. Темпоральное значение предложных конструкций с *after* и *after* совпадает при обозначении *pB* временной границы начала действия *A* и при наличии оттенка дополнения в элементе *B*, остальные оттенки не совпадают, так как это оказывает влияние в а р и а т и в н о с т ь элемента *B*. *After* более связан с пространственным значением, чем *after*.

7. Вариативность элемента *B*. Морфологический дистрибутивный анализ показал, что количество вариантов *B* в обоих языках одинаково: V_1, V_2, V_3 .

8. Синтаксический дистрибутивный анализ показал, что в силу совпадения первых двух вариантов (V_1 и V_2) их связи с членами предложных конструкций в обоих языках одинаковы: а) наличие препозитивных определений; б) препозитивных детерминантов; в) постпозитивных зависимых определений и обстоятельств. Варианты V_3 (инфинитивный и герундиальный комплекс) различаются наличием постпозитивных и препозитивных зависимых членов. В датском: препозитивных, в английском постпозитивных. Конструкция (pV_3) *t* в обоих языках отличаются большим количеством членов.

А. Я. ЭМЗИНА
(Москва)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ
ЯЗЫКОВ (ИЗУЧЕНИЕ ДАТСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С НЕМЕЦКИМ
И АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКАМИ)

Курс разбивается на два этапа.

I. Вводно-теоретический этап.

а) Сопоставление сходных языковых явлений в строе родственных языков.

б) Установление элементов расхождения.

в) Выявление специфических особенностей датского языка.

Вводный курс предполагает ознакомление аудитории с нормативными основами языка во всех его аспектах: фонетического, сопоставительно-лексического и сопоставительно-грамматического.

2. Основываясь на материале вводного курса, изучение датского языка идет в плане углубленного рассмотрения определенных явлений различных аспектов языка (например фонетико-лексическое значение "толчка", категория артикля, выражение страдательного залога и пр.).

Эффективность данного метода определяется более сознательным подходом к языковым явлениям и сокращенными сроками усвоения, что обеспечивается языковой базой немецкого или английского языка.

СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

С.Н. АЗБЕЛЕВ
канд. филол. наук
(Ленинград)

РОДОВАЯ САГА В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(К русско-скандинавским фольклорным взаимосвязям)

Многими исследователями отмечался факт близкого сходства в содержании отдельных рассказов Повести временных лет со скандинавскими родовыми сагами. Отмечалось и тождество некоторых персонажей. Объясняли это обычно тем обстоятельством, что устные источники летописи испытали влияние скандинавских саг либо, напротив, сами повлияли на саги, — или усматривали восхождение тех и других к общим источникам.

Оставался, в сущности, открытым вопрос о жанровой принадлежности самих использованных летописью русских устных источников. До сих пор широко бытует в научной литературе никем не обоснованное представление о их песенной природе.

Анализ летописных текстов позволяет утверждать, что устные источники Повести временных лет были прозаическими повествованиями, а не песнями. Встает, естественно, вопрос о более точном определении жанра этих повествований.

Обнаруживается, что почти во всех восходящих к устным источникам частях Повести временных лет явственно выступают жанровые особенности, характерные именно для родовой саги. Это заставляет считать, что данный жанр был распространен не только у скандинавских народов. (Подобное предположение выд-

выгнал в свое время еще К.В.Сидов, усматривавший в родовой саге скандинавскую разновидность существовавшего, как он думал, не только у скандинавских народов жанра - "хрониката").

Сходство условий исторического развития, тождество уровня этого развития и постоянные тесные контакты скандинавских и славянских народов в IX-XII вв. (период, освещенный Повестью временных лет) вполне объясняют то обстоятельство, что жанр родовой саги был свойственен фольклору как тех, так и других. Отсюда и неизбежность заимствований сюжетного и иного порядка, заимствований, в основе которых лежали обычно одни и те же исторические факты, освещавшиеся устной повествовательной традицией разных народов.

Содержание восходящих, очевидно, к древнерусским сагам текстов Повести временных лет позволяет сделать предположения и о конкретной "родовой принадлежности" этих саг, и об обстоятельствах, при которых источники эти были использованы летописцами.

Л.Ю.БРАУДЕ
канд. филол. наук
(Ленинград)

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ХАНСА КРИСТИАНА АНДЕРСЕНА 1850-1860 гг.

I. Книги путевых очерков "В Швеции" (1851), "В Испании" (1863), "Поездка в Португалию" (1866) и ряд путевых эскизов отражают общественно-политические и литературно-эстетические взгляды Андерсена в 1850-1860 гг. В этих произведениях прослеживается путь писателя к сборникам этого периода "Рассказы" и "Сказки и рассказы".

2. В путевых очерках Андерсена вместе с традиционным описанием национальной народной жизни, местных легенд и преданий ощущается наэлектризованный революцией 1848 г. интерес к прогрессивным, свобододлюбивым страницам истории Швеции, Исландии, Швейцарии, к народным героям этих стран, стремление к миру и братству народов, сочувственное отношение к простым труженикам.

3. Наряду с обычным для Андерсена вниманием к природе, в его путевых очерках проскальзывает восхищение человеческим разумом и трудом, преобразующим природу. Писатель восхищается наукой и техникой, считает их достойным предметом художественного отображения.

4. В этих произведениях Андерсена сказываются его литературные вкусы, любовь к Шекспиру, Диккенсу, Сервантесу, Камюансу, Тегнеру и к другим, а также отвращение к современной ему мелодраме.

5. В книгах Андерсена скрываются зерна его будущих сказок и рассказов, туда включены его стихотворения, а также отдельные сказки и рассказы, позднее вошедшие в сборники "Рассказы", "Сказки и рассказы".

А.А.КИТЛОВ.
(Москва)

КАЛМДОУР ЛАКСНЕСС И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

(К вопросу о сходстве проблематики в романах "Герпла" и "Война и мир")

Лакснесс, характеризуя главную тенденцию романа "Герпла" (исторического романа об эпохе викингов) в интервью датской газете "Ланд от фольк" назвал свой роман "Герпла" - "книгой

о войне и мире".

2. Опираясь на литературную традицию древнеисландской саги, мастерски используя стиливые особенности "Саги с побратимах", и "Хеймскринглы" Снорри Стурлуссона, Лакснесс в "Герпле" воссоздает исторический колорит эпохи X-XI вв.

3. Хотя эпоха викингов в "Герпле" Лакснесса и очень далека от Великой Отечественной войны русского народа против наполеоновской армии: в 1812 году, изображенной в романе Толстого "Война и мир", но проблема "войны и мира", если "снять" историческую специфику разных эпох, существовала в разные времена и продолжает оставаться актуальной в наши дни. Время до и после создания Лакснессом "Герпли" отмечено активным участием исландского писателя в движении борцов за мир. В романе "Герпла" Лакснесс идею войны противопоставляет идею мира: воинственным набегам и грабёжам викингов противопоставлен мирный созидательный труд крестьян, рыбаков, летописцев, скальдов Исландии, в которых писатель видит истинных героев народа.

4. Сходство проблематики "Войны и мира" Толстого и "Герпли" Лакснесса состоит в том, что и Лев Толстой, и Халлдоур Лакснесс, как писатели-гуманисты резко осуждают захватнические войны, выступая пламенными поборниками идеи мира между народами: Толстой снижает ореол Наполеона, подчеркивая грабительский и несправедливый характер его войны против России; Лакснесс, в свою очередь, с позиций писателя-гуманиста XIX века развенчивает "героизм эпохи викингов", переосмысливая далёкое историческое прошлое скандинавского Севера и Исландии, вступая в творческую полемику и с романтизмом и с псевдодо-

мантическим изображением эпохи викингов буржуазными писателями и историками (и не только с буржуазными!).

5. Если роман-эпопея Толстого "Война и мир" и роман-эпопея Лакснесса "Исландский колокол" пронизывает одна общая идея-героическая борьба народа против иноземных поработителей. Русский народ борется против наполеоновской армии, исландский народ-против гнёта датской короны в Исландии (17-18 вв.), то роман Лакснесса "Герпла" несёт на себе несколько иную смысловую функцию, чем романы "Война и мир" (Толстого) и "Исландский колокол" (Лакснесса): Толстой развенчивает Наполеона-носителя идеи войны, а, следовательно, - и саму войну (войну захватническую), он умышленно снижает образ "героя-Наполеона", выступая против "культа героев", проповедовавшегося Томасом Карлейлем. Образ Наполеона, созданный Львом Толстым, был, по существу, вызовом почти всей литературе и историографии Европы того времени: никто так не развенчивал ореол полководца, как Толстой!

Лакснесс же в романе "Герпла" выступает против традиционного освещения в скандинавских литературах такого исторического деятеля канонизированного даже церковью, как норвежский король Улав Святой. Писатель всячески снижает образ этого короля, рисует его мелким, хитрым, жестоким и даже трусливым, хотя отсутствуют исторические данные, чтоб выводить таким образом короля. Улав Святой в "Герпле" - диаметрально противоположность образу этого короля в "Саге об Улаве Святом" Снорри Стурлуссона. Лакснесс изображает Улава Святого, но совершенно ясно, что это - не исторический, персонаж, а символ хитрого, жестокого, вероломного и трусливого деспота, не брезгающего никакими сред-

ствами. Не случайно, что кое-кто в западноевропейской критике разглядел в образе Улава намёк на Гитлера.

6. Воссоздавая исторический коллорит эпохи викингов, Лакснесс не забывает, что фашизм охотно рядился в одеяния древних викингов (таковы дивизии "С.С.Викинг" и т.п.) и поэтому Лакснесс направляет острие своей разящей сатиры не столько на викингов прошлого, сколько на "викингов" фашистского образца. Развенчивая романтический и ультра-романтический "культ викингов", исландский писатель ведёт борьбу и за умы молодёжи (в Скандинавии и в других странах). "Мифы XX века" ещё не канули в прошлое: опасность неофашизма, реваншизма в Западной Германии нельзя недооценивать - вот почему Лакснесс, писатель так тесно связанный с современностью, не проходит мимо её актуальных задач. В "Герпле", на художественных образах, выхваченных, казалось бы, из самых глубин Средневековья, Лакснесс ставит животрепещущие проблемы "войны и мира" XX века.

Роман "Герпла" является историко-сатирическим романом с ярко выраженной антифашистской тенденцией.

А.А.МАЦЕВИЧ
(Москва)

СОЦИАЛЬНО-САТИРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ

АРТУРА ЛУНДКВИСТА

1. В конце 40-х годов в творчестве Артура Лундквиста, одного из наиболее значительных писателей современной Швеции, намечается перелом в сторону усиления реалистических и критических тенденций. Это связано в первую очередь с изменениями в его мировоззрении, с приходом к активной общественной деятельности, к участию в движении сторонников мира.

2. Многие произведения Лундквиста нового периода носят антикапиталистический характер. В таких повестях, как "Малинга", "Заметки о Куваре", писатель средствами фантастической гиперболизации и гротеска, идущих от традиции Рабле и Свифта, создаёт ядовитую сатиру на современный капиталистический мир.

3. Одной из центральных тем в творчестве Лундквиста становится судьба человечества в современном мире и беспокойство за его будущее. Этот мотив настойчиво повторяется и в поэзии Лундквиста, и в его новеллистике, и в романах "Комедия в Хегерсуге" и "Из населённого одиночества".

4. Особый интерес представляет разрабатываемая и варьируемая Лундквистом в ряде произведений разных жанров тема мировой катастрофы и её страшных последствий. Эту тему он реализует в форме фантастической "утопии-предостережения"; таковы заключительная глава романа "Переживания Ориана" и заключительные новеллы в сборниках "Бок о бок" и "Сны в непогоду". К этой же группе произведений тяготеет также поэма "Агадир" и повесть "О Сирикании, стране будущего", рисующая мрачную картину фантастического тоталитарно-технократического государства.

5. Лундквист мало заботится о научном обосновании необычного, его интересует прежде всего социальный и психологический аспект фантастического. Поэтому его произведения, содержащие фантастический элемент, нельзя отнести к жанру "science fiction" (научной фантастики). Фантастика Лундквиста чрезмерно произвольна и нередко отмечена опытом его прежнего увлечения сюрреализмом.

6. Лундквист следует в первую очередь богатой традиции англо-американской социальной фантастики, представленной такими именами, как Г.Уэллс, О.Хансли, Р.Бредбери, а также шведской писательнице Карин Бойе, автору романа "Каллокаин", - создателям наиболее ярких образцов романа-предостережения и "негативной", или "мрачной" утопии.

А. В. МАМОНТОВ
(Москва)

ШВЕДСКАЯ ЭСТЕТИКА ТЕДДИ БРУНИУС

1. Шведская эстетика представляет несомненный интерес. В советском литературоведении и искусствознании имеются работы по отдельным видам художественного творчества в Швеции. Назрела необходимость дать обобщенную картину эстетической мысли в этой стране. Не берясь решить эту большую задачу во всём её объеме, представляется возможным сделать шаг в данном направлении: подвергнуть анализу взгляды наиболее характерного и влиятельного представителя современной шведской эстетики Тедди Бруниуса (рол. 1922 г.).

2. Т. Бруниус как типичный представитель современной буржуазной эстетики, сочетающий в своей философской концепции позитивистские и прагматистские тенденции. Его политические взгляды: либерализм, лояльное отношение к коммунизму. Позитивистское отношение к основному вопросу философии об отношении сознания к бытию и основному вопросу эстетики об отношении искусства к действительности. Эмпиризм, конвенционализм, релятивизм. Семантический идеализм. Склонность к скептицизму и агно-

3. Истоки философии Т.Бруниуса: предшественники современного позитивизма в Англии - Д.Юм и Швеции - К.Г.Леопольд, философы первого этапа в развитии позитивизма (Дж.С.Милль и Г.Спенсер), уксальская школа неопозитивизма (К.Марк-Вогау, И.Хеденнус), кембриджская школа неопозитивизма (Л.Витгенштейн, Дж.Э.Мур, Б.Рассел), преобладающее влияние американского позитивизма (А.Ричардс, Т.Манро).

4. Критика прагматистской концепции "инструментализма", развиваемой Т.Бруниусом, в применении к роли искусства в жизненной борьбе. Особенность эстетики Т.Бруниуса, отличающая его от других представителей неопозитивизма и прагматизма, содержащаяся в его принципе "применяемости". Необоснованность этого принципа, приводящего к затуханию различия между материальным ("применяемость" произведений искусства) и идеальным ("применяемость" эстетических концепций и отдельных слов).

5. Отрицание существования объективной реальности и тем самым возможности ее отражения. Отрицание объективной основы прекрасного, возвышенного, трагического, комического. Необоснованное расширение сферы искусства, приводящее к утрате его специфики. Пересмотр, в связи с этим, классификации видов и родов искусства. Идеалистическое истолкование психологии художественного творчества и художественного восприятия. Софистическое отрицание критерия правдивости в искусстве. Оправдание формалистического и абстракционистского искусства. Неверное истолкование реализма.

6. Необходимость отбрасывания идеалистического содержания эстетики Т.Бруниуса и, вместе с тем, изучения приводимого им фактического материала.

Е.М.МЕЛЕТИНСКИЙ
ст.науч.сотр.
(Москва)

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕСНИ "ЭДДЫ" И
РАННИЕ ФОРМЫ ЭПОСА

В современной скандинавистике имеется тенденция датировать повествовательные мифологические песни "Эдды" поздним временем, рассматривать их как своего рода антикварное стилизаторство, видеть в них влияние не только ученой гномиики и героических песен, но прежде всего поэзии скальдов и баллад. Так, из двух подлинно повествовательных мифологических песен, входящих в "Старшую Эдду" одна - "Песня о Химире" - целиком сводится к подражанию скальдам, а другая - "Песня о Триме", - считавшаяся в XIX веке образцом архаичности, интерпретируется как плод воздействия баллад и даже приписывается Халльбергом Снорри Стурлусону.

Между тем стилистический анализ этих песен показывает, что "балладность" "Песни о Триме" (как и "балладность" некоторых других эддических песен, но Ян де Фрису) в действительности скрывает ярко выраженную фольклорно-эпическую поэтику.

Стилистическая противоположность "Песни о Химире" и "Песни о Триме" (на которую обратили внимание Неккель и другие) при ближайшем рассмотрении оказывается не столь значительной, ввиду ряда реликтов фольклорно-архаического стиля, сохранившегося в "Песне о Химире" под покровом скальдического влияния.

При этом на фоне стилистического разнобоя еще отчетливее выступают общие черты этих песен. Эта "общность" безусловно имеет

жанровую природу, что становится особенно очевидным при сопоставлении с целым рядом прозаических сказаний о борьбе Тора, Локи, Одина с великанами в "Младшей Эдде" Снорри Стурлуссона.

Во всех этих песнях и сказаниях обнаруживается единая структура, которая не является сказочной (вопреки обширному материалу, собранному Фон дер Лайеном); в частности, свадебные мотивы здесь обычно, в противоположность сказке, — не конечная цель, а средство добывания чудесных объектов. Подобные "добывания", часто в форме похищения чудесных "благ", элементов культуры или природы специфичны для первобытных этнологических миров о культурных героях-первопредках — древнейших поэтических персонажей мирового фольклора. Реконструируемая на основе эдических повествовательных песен и сказаний мифология гораздо архаичнее, чем мифологическая система, излагаемая в гномических песнях "Эдды", отражающих "ученую" традицию. Эдические повествовательные мифологические песни и сказания о конечном счете восходят к древнему мифологическому эпосу. Этому полностью соответствуют некоторые архаические черты в мифологических образах самих асов — черты культурных героев в Одине и Торе, особенно черты озорника — тристера в Локи.

Сравнение стиля мифологических и героических песен "Эдды" в целом показывает большую близость к фольклору, более архаическую стилистику мифологическим песен, их связь с ритуальной и народной песней. Интерпретация повествовательных мифологических песен "Эдды" как реликта наиболее архаических форм народного эпоса поддерживается сравнительным материалом, сопоставленным с такими архаическими устно-поэтическими памятниками как карело-финские руны, северо-кавказский эпос о нартах, богатырские поэмы

тюрко-монгольских народов Сибири (ср. книгу автора настоящих тезисов "Происхождение героического эпоса", М., 1963).

В.П.НЕУСТРОЕВ
докт.филол.наук
(Москва)

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ СКАНДИНАВИСТИКИ

1. В истории отношений Советского Союза с его северными соседями видное место всегда занимали культурные и научные связи. Вопросам этих связей и общественной жизни Скандинавских стран и Финляндии большое внимание уделял В.И.Ленин. Взаимный интерес к истории и культуре способствовал развитию у нас скандинавистики - сложного научного комплекса, а в скандинавских странах - славистики.

2. Исследование скандинавских литератур в советской науке опирается на традиции, заложенные в трудах известных русских и зарубежных ученых. Серьезный вклад в изучение скандинавского фольклора и литературы внесли работы В.Г.Белинского, Ф.А.Брауна, Ф.И.Буслаева, А.Н.Веселовского, Т.Н.Грановского, Я.К.Грота, С.Н.Сыромятникова, К.Ф.Тюандера, И.Шаровольского и др. Особо важное значение в процессе выработки принципиально нового взгляда на выдающиеся явления в истории скандинавских литератур имели труды критиков-марксистов Г.В.Плеханова, Ф.Меринга, К.Цеткин, А.В.Дуначарского, позднее Э.Ольгейрссона, К.Адрессона, И.Дирнесса, Н.Грига, Б.Хоумана, М.Циммеринга и др. Исключительно важное в методологическом отношении значение имела публикация

в "Литературном наследстве" (1931 г.) теперь широко известно письмо Ф.Энгельса к П.Эрнесту, в котором поднимались вопросы реализма в связи с творчеством Генрика Ибсена.

3. Популярности у нас произведений скандинавской литературы и памятников фольклора способствовало довольно широкое их издание в русских переводах. В XIX веке появляются профессиональные переводчики со скандинавских языков. Особо необходимо отметить деятельность выдающихся переводчиков А. и П.Ганзен, в традиции которых создавалась советская школа переводчиков-скандинавистов. Среди советских переводчиков необходимо назвать В.Адонси, В.Беркова, А.Горлина, Ю.Вронского, К.Жихареву, Л.Жданова, Дьяконова, С.Займовского, Н.Каринцева, С.Кацинелсона, А.Кобецкую, А.Корсуна, И.Крымову, В.Матусевича, С.Маслову-Лашанскую, В.Морозову, М.Моржинер, Я.Сигала, Т.Сильман, А.Эмзину, Ю.Яхвину и др. Трудно переоценить участие в переводах скандинавской поэзии известных советских поэтов и переводчиков - Н.Асеева, А.Ахматовой, Л.Гинзбурга, Н.Грибачева, Е.Долматовского, В.Инбер, С.Кирсанова, И.Сельвинского, Б.Слуцкого, А.Суркова, Н.Тихонова и др.

4. Многие русские писатели (в их числе - А.Блок, В.Гаршин, М.Горький, А.Худрин, Л.Толстой, А.Чехов) проявляли глубокий интерес к творческой манере скандинавских мастеров слова, высоко ценили их гуманизм. Высказывания, а порою и специальные выступления русских писателей; посвященные творчеству Андерсена, Ибсена, Бьёрнсона, Стриндберга, Гамсуна и других литераторов, имели серьезное общественное и научное значение.

Эту плодотворную традицию продолжают советские писатели. Важное значение в этом плане имели выступления А. Борщаговского, В. Инбер, К. Паустовского, Б. Полевого, К. Симонова, А. Софронова, К. Федина, Г. Фила, А. Чаковского, У. Шварца, И. Эренбурга и др.

Особенностью подхода русской научной и писательской общест-венности к скандинавским литературам является выяснение как как их национальных особенностей, так и того, что составляет в них мировую ценность. Главное внимание при этом уделялось проб-лемам мастерства художников-реалистов, вопросам современности.

Б. В развитии советской скандинавистики можно наметить два основных этапа: 1) 1920 - 1930-е гг. - время активизации исторических и социологических исследований, в литературоведении - освоение главным образом классического наследства и на-чала проявления внимания к росткам пролетарской литературы; в годы Великой Отечественной войны - работа на радио и др.; 2) 1950-1960-е гг. - пора интенсивного и во многом системати-ческого исследования не только выдающихся явлений скандинав-ской литературы прошлого и современности, но и историко-лите-ратурного процесса.

Б. В 1917 г., на рубеже эпох, в переводе и с коммента-рием С. Свириденко издается первая часть Старшей Эдды, замеча-тельного памятника древнескандинавского эпоса. Этим трудом как бы завершался довольно длительный процесс изучения скандинав-ского фольклора и мифологии в русской дореволюционной науке.

В общих курсах по истории западноевропейской литературы (П. Когана, В. Фриче, А. Гвоздева) и театра (А. Гвоздева, С. Игна-това) характеризовались явления средневековой литературы и

драматургия Ибсена, Бьёрсона, Стриндберга. Лишь в курсе Ф.Шиллера (т.2-й, 1936 г.) была сделана попытка освещения историко-литературного процесса в Скандинавии в конце XIX - начале XX вв. (характеристика так называемого "натурализма" и ранней пролетарской литературы).

Однако в целом обращение к скандинавским материалам в советском литературоведении 1902-1930-х гг. было спорадическим, а выбор тем "традиционным" или случайным. Многие статьи (причем не только в справочных изданиях БСЭ и ЛЭ) носили чаще всего информационный характер. На ряде работ сказалось влияние вульгарной социологии.

7. Исключительно важную роль сыграли статья Андуначарского, посвященные Г.Ибсену и М.Андерсену-Нексе. Отличающиеся глубиной и оригинальностью исследования, эти работы ставили вопросы новаторства писателей критического и социалистического реализма.

Серьезное значение имели и отдельные издания произведений скандинавских авторов, снабженные вступительными статьями (можно, например, отметить издания "Саги о Фрильофе" Тегнера со статьями Г.Александрова и А.Смирицкого, "Саги о Волсунгах" с материалами Б.Ярхо, "Сказок" Андерсена со статьей Е.Долыревой и др.).

8. В новый этап развития советская скандинавистика вступает в послевоенные годы. Теперь планируется и осуществляется подготовка научных кадров в этой области в системе Академии наук СССР и в вузах (главным образом в Ленинградском, Московском, Тартуском университетах). Создание кафедры скандинавской филологии (во главе с проф.М.И.Стеблин-Каменским) в ЛГУ,

преподавание скандинавских языков и литературы в ИГУи других вузах способствовало широкой подготовке кадров специалистов и в области литературоведения.

В конце 1940-х гг. в Институте мировой литературы имени А.М.Горького АН СССР составляется обширный проспект двухтомной "Истории скандинавских литератур" (руководитель академик В.Ф.Шишмарев), издание которой, к сожалению, не было осуществлено.

9. Важную роль в консолидации сил скандинавистов сыграло издание "Скандинавского сборника", созданного по инициативе Тартуского университета (с 1956 по 1965 год вышло десять выпусков), и проведение научных конференций по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Оживлению работы ученых-скандинавистов и привлечению внимания к актуальным проблемам современности способствовало участие их в работе советских Обществ дружбы и культурных связей со скандинавскими странами и Финляндией. Следует отметить также специальные издания Ленинградского университета: сборники "Скандинавская филология" и "Скандинавская хрестоматия" (в двух томах).

10. Расширение изданий произведений скандинавских писателей также способствовало развитию нашего литературоведения в этой области. Научным аппаратом снабжены: собрание сочинений М.Андерсена-Нексе, Г.Ибсена, произведения Л.Хольберга, Х.Кр. Андерсена, Й.Якобсея, Х.Понтопидана, Х.Шерфига, Н.Грига, Э.Болстада, Е.Фалькбергера, А.Хьелланна, Э.Тегнера, С.Лагерлёф, Я.Бергмана и др., сборники шведской новеллы, скандинавской поэзии и прозы. Правда, планирование изданий скандинавской литературы нашими издательствами еще оставляет желать

лучшего.

Начато издание зарубежных (скандинавских) работ по литературоведению: книги Э. Ольгейрссона и К. Андрессона по исландской литературе, С. М. Кристенсена по датской литературе. Издания подобного рода необходимо продолжить.

II. Теперь четко определяется специализация групп Скандинавистов и ученых-германистов широкого профиля, обращающихся к скандинавской тематике. Создаются крупные исследования в области медиевистики и фольклористики (труды В. М. Жирмунского, Э. А. Макаева, Е. М. Мелетинского, М. И. Стеблин-Каменского и др.), в которых, в частности, выдвинуты оригинальные концепции происхождения эпоса. В работах М. И. Стеблин-Каменского, посвященных древне-исландской литературе (в них исследованы саги, эддическая и скальдическая поэзия), дана не только исчерпывающая характеристика исследуемых памятников, но также поставлено немало важных в теоретическом отношении проблем (вопрос о "реализме правды" - художественном методе родовых саг -- и др.). Необходимо также высоко оценить новые издания "Старшей Эдды" (в переводе А. Корсуна) и исландских саг, снабженные серьезным научным аппаратом.

12. Исследование скандинавских литератур нового времени также занимает видное место в трудах советских литературоведов. Созданы монографии, посвященные творчеству Г. Ибсена (В. Г. Адмони), Х. Кр. Андерсена (В. М. Вахдаев, И. А. Муравьева), М. Андерсена-Нексе (А. Л. Дышниц, В. П. Неустроев). В многочисленных статьях по различным вопросам литературы, как и в монографических работах, поднято немало важных проблем историко-литературного

и теоретического характера (влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции на литературу Скандинавии, проблемы специфики критического и социалистического реализма, вопросы художественной традиции и новаторства, проблемы взаимосвязей скандинавских и русской литератур, литература норвежского и датского Сопротивления, пути развития современного романа и др.). Здесь необходимо назвать статьи В.Г.Адмони, Д.Б.Александрова, Л.Ю.Брауде, А.А.Гозенпуда, И.В.Дмоховской, Н.Я.Дьяконовой, Н.И.Крымовой, И.П.Куприяновой, Л.З.Лунгиной, В.Б.Матусевича, М.Д.Моричевой, А.С.Погодина, Э.В.Переслегиной, Т.И.Сильман, Н.М.Чиркова, Д.М.Шарыпкина, Г.В.Шаткова, Ю.Я.Яхниной и др., а также работы аспирантской молодежи.

В области изучения финской литературы — двухтомное исследование "Финляндская литература и Россия" и статьи Э.Г.Карху, а также работы А.А.Мантере, И.Ю.Марциной и др.

13. Творчество крупнейших писателей Скандинавии (Г.Ибсен, А.Стриндберг, С.Лагерлёф, М.Андерсен-Нексе, Н.Григ, Х.К.Лакснесс и др.) привлекало внимание также ученых нескандинавистов Н.Я.Берковский, А.И.Дейч, Б.В.Михайловский, Т.Л.Мотылева, Ф.С.Наркирьер, Р.М.Самарин, Б.Л.Сучков и др.), исследования которых способствовали решению общетеоретических проблем с учетом скандинавского материала. Скандинавские литературы найдут свое место также в подготавливаемой Институтом мировой литературы АН СССР "истории всемирной литературы" и в учебнике по зарубежной литературе XIX века, издаваемом Московским университетом.

Вместе с тем нельзя не отметить того, что некоторые работы по скандинавским литературам, написанные не специалистами

(например, главы в учебниках по зарубежной литературе для педагогов, в книгах по всемирной истории) выполнены на невысоком уровне, содержат фактические ошибки.

14. Достижения советского литературоведения в области скандинавистики (особенно за последнее время) очевидны. Однако перед учеными, работающими в этой области, встает много новых задач.

Необходимо всемерно расширить фронт исследований. По-видимому, настало время поставить вопрос о реальной возможности подготовки "Истории скандинавских литератур".

Следует повысить теоретический уровень литературоведческих исследований в области скандинавистики, тесно связав их задачи с общим направлением советской науки.

Необходимо еще лучше организовать и всячески активизировать научную работу литературоведов-скандинавистов, в особенности молодежи.

Следует систематически обобщать направления и результаты исследований, ведущихся в области скандинавистики у нас и за рубежом.

Через секции литературы советских Обществ дружбы и культурных связей со скандинавскими странами и другими путями всемерно укреплять связи с зарубежными учеными, всячески содействовать пропаганде скандинавских литератур в Советском Союзе, в советской литературе в скандинавских странах.

Через издательства каладить перспективное планирование переводов и изданий скандинавской литературы в Советском Союзе, а на одной из следующих конференций по скандинавистике обсудить

(на секции литературоведения) насущные проблемы перевода художественной и научной литературы со скандинавских языков.

Особенно активизировать работу в области исследований современной литературы.

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ
докт. филол. наук
(Ленинград)

ИСЛАНДСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА.

1. Большинство исландских народных сказок - это "сказки-бывальщины". В таких сказках трафаретом служит не сюжет, или последовательность мотивов, а только свойства того сказочного персонажа, о встрече с которым рассказывается. Поэтому такие сказки дают очень большой простор для литературного творчества. Вместе с тем в таких сказках всегда идет речь о том, что произошло с конкретным лицом в конкретном месте. Поэтому такие сказки очень тесно связаны с бытом исландского народа и страной. Другими словами они настолько реалистичны, насколько сказка может быть реалистичной.

2. Исландские народные сказки - это устная крестьянская традиция. Но в Исландии никогда не было пропасти между народом и учеными людьми, и в Исландии устная крестьянская традиция не противоположна книжной, письменной традиции. Поэтому роль книги и письменности значительна в исландских народных сказках. Древнеисландские саги оказали на них заметное влияние. Сама запись народных сказок происходила в Исландии не так, как в других странах. Сказки классического собрания

исландских народных сказок (их издал в 1862-1864 гг. Йоун Ауртмасон) в общем ближе к устной традиции, чем сказки, которые в ту же эпоху собирались в других странах.

3. Явно фантастических существ - говорящих животных, карликов, драконов, домовых, леших - в исландских народных сказках (даже волшебных) нет. Существа, характерные для исландских сказок-бывальщин, как правило во всем похожи на людей, но всё же не люди. Их образы резко разграничены между собой и специфичны для Исландии. Пять типов таких существ характерны для исландских сказок-бывальщин: 1) трётли, т.е. великаны (сказки о них наиболее древний слой, большинство их возникло еще до середины XVI в.); 2) "скрытые жители"; 3) "утилегуманны", т.е. люди, которые якобы живут в необитаемой части Исландии; 4) колдуны (в более древних сказках - они "добрые", в более поздних, особенно в сказках XVII в., - они "злые", как в сказке об исландском Фаусте - Лофте Колдуне); и 5) привидения. Сказки о привидениях возникают в огромном количестве и в современной Исландии. Но они не столько фольклор, сколько литература, стилизованная под фольклор. Для них характерен своеобразный юмор.

4. Волшебных сказок в исландской традиции меньше, чем сказок бывальщин. Многие наиболее распространенные в Европе типы волшебных сказок в Исландии совсем неизвестны. Совсем неизвестны в Исландии также сказки о животных. В исландских волшебных сказках иностранное происхождение обычно очевидно. Своеобразие исландских волшебных сказок в том, что среди них очень много сказок о злой мачехе, а также резче контрасты и больше стихов и прибауток, чем в континентальных волшебных сказках.

А.А.ФАРБШТЕЙН
(Ленинград)

ИНГМАР БЕРГМАН КАК ФИЛОСОФ И МОРАЛИСТ

1. Процесс интеллектуализации современного искусства вызывает к жизни новые синтетические формы философского и эстетического сознания, способствует возникновению новых отношений между традиционными формами знания, искусством и философией. Среди этих новых художественных феноменов особое место принадлежит творческим достижениям выдающегося шведского кинорежиссера Ингмара Бергмана. Бергману посвящен ряд крупных исследований скандинавских и европейских авторов^X. Марксистская интерпретация творчества Бергмана — дело будущих исследований. За исключением двух-трех работ, опубликованных недавно в социалистических странах^{XX}, произведения шведского мастера еще не привлекали внимания эстетиков и искусствоведов, стоящих на позиции марксизма.

2. Особый интерес представляет анализ художественной структуры "Земляничной поляны" — признанной вершины творчества Бергмана. Заслуживает внимания прежде всего своеобразие

X Donner, J. Djävulens ansikte. Stockholm, Albert Bonniers förlag, 1965; Höök M. Ingmar Bergman. Stockholm, Wahlström, 1962; Siclier, Ingmar Bergman. Paris, Editions Universitaires, 1960; Widerberg B. Visionen i svensk film. Stockholm, Albert Bonniers förlag, 1962.

XX Eberhardt.K. Podróże do granic filmu. Warszawa, MA,F,1964; Oliva, L. Ingmar Bergman. Praha, Praha, Orbis, 1966.

жанра фильма, представляющего фильм-размышление, материализованную картину сознания. Бергман вобрал в свое творчество опыт мирового искусства и создал оригинальное по жанру произведение, превосходящее по глубине искания мирового кинематографа и так называемого "нового романа". Синтез лирического и философского начал, использование разнообразной стилистики, в том числе экспрессионистского кино, подчиненность сюжетно-фабульной линии и стилистических средств логике внутреннего переживания, таковы особенности драматургической структуры фильма. Ситуации у Бергмана выполняют функции панорамы мысли.

3. По своему содержанию "Земляничная поляна" Бергмана обнаруживает характерные для Бергмана внутренние связи с философско-этическими традициями скандинавской (Кьеркегор) и европейской (Сартр, Марсель) мысли. Духовная общность Бергмана и европейских экзистенциалистских мыслителей выражается в постановке фундаментальных проблем человеческого существования — проблемы смысла жизни, любви, счастья, смерти. Гуманистическая направленность этого фильма, как и других произведений художника, — в стремлении разбить оковы отчуждения, преодолеть "некоммуникабельность", свойственную в высшей степени человеку буржуазного мира, утвердить подлинные ценности человеческой жизни.

4. Огромное моральное и философское значение имеет данный Бергманом анализ так называемого неподлинного существования человека и перехода от отчаяния и страха перед конечными проблемами бытия к подлинной солидарности с людьми и к "Бытию

для другого", к интерсубъективности, понятой в духе Сартра и Аббаньяно.

5. Сравнение "Земляничной поляны" с другими фильмами Бергмана (в частности, с "Седьмой печатью") даст возможность проследить эволюцию мировоззрения режиссера и позволит определить значение творчества Бергмана, пришедшего к гуманизму и утверждению жизни. В этом последнем уникальность фильма и вместе с тем его отличие от господствующей тенденции буржуазного кинематографа.

Г.Н.ХРАПОВИЦКАЯ
канд.филол.наук
(Москва)

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВ И СЮЖЕТА В ДРАМЕ Г.ИБСЕНА "РОСМЕРСХОЛЬМ"

1. "Росмерсхольм" (1885 г.) Г.Ибсена - одно из самых значительных его произведений. Причина интереса, вызываемого этой драмой, не только в своеобразном и сильном характере героини Ребекки Вест, но и в той общественной борьбе, которая предстает перед нами, в тех новых путях преобразования общества, которые находит Росмер.

2. Довольно прочно мнение, что начиная с "Дикой утки" (1883г.) Ибсен постепенно отходит от общественной тематики и его творчество сближается с декадансом. Анализ окончательно текста "Росмерсхольма", а также вариантов и набросков к нему дает возможность утверждать, что герои Ибсена претерпевают эволюцию, свидетельствующую об авторском стремлении определить

не только их психический и моральный облик, но и политические убеждения.

Росмер из мягкого и благородного человека, мечтающего только о личном счастье и страшющегося любой политической активности, превращается в носителя идей преобразования общества. Росмер - это один из последних отголосков "брандизма" у Ибсена. С ним связаны поиски положительного героя.

Ульрик Брендель, выступающий под именами Розенхельм (II вариант), Хетман (III вариант), последовательно предстает как человек, воюющий против всех и способный принимать подачки от всех, затем как прожектор, намеревающийся торговать воздухом и зарабатывать миллионы, лишь в конечном тексте это тот, кто научил Росмера смело мыслить и кто сам ищет новых путей в жизни.

Ребекка Вест из беспринципной и свободомыслящей воспитательницы детей Росмера, "злого духа" дома, ставшего его хозяйкой - Фру Росмер, превращается в ту Ребекку, которая готова погибнуть в глазах общества, но снять подозрение с Росмера, которая бросается в водоворот, чтобы доказать свою искренность. Ребекка убеждает Росмера активно действовать для преобразования общества.

Эволюция этих трех образов, заострение политического смысла драмы дает возможность утверждать, что для Ибсена в это время еще не миновал период наибольшей политической активности.

3. Изменение сюжета (в I-ом варианте Беата умирает, остаются двоих детей, а в последнем тексте бездетность - одна из основных причин её гибели (также служит более четкому выявлению идей борьбы старого и нового мировоззрений, которые несут

в себе Беата и Ребекка, той идеи, которая породит "Одиноких" Гауптмана и "Аглавену и Селизетту" Метерлинка.

4. Тема "белых коней" дает название первому варианту драмы, она также претерпевает изменения, но зрительно - белые кони уже не предстают взору (как в вариантах), а полностью превращаются в символ. Уничтожается мистическое начало, связанное с этой темой в набросках, но ему суждено развиваться в ряде следующих драм.

5. Исследуя "Росмерсхольм" и подготовительные варианты к нему, можно сделать вывод о том, что эту драму следует относить к тому периоду в творчестве Ибсена, когда он пишет "Кукольный дом" и "Врага народа", когда он ищет положительного героя, способного преобразовать общество в целом, когда он стоит на реалистических позициях. Но следует все же заметить, что в этой драме, особенно в её первоначальных вариантах, уже появляются камерность и элементы мистицизма, характерные для пьес конца 80-х - начала 90-х годов.

Е.М. ЧЕРНЯВСКИЙ
(Москва)

ХОЛЬБЕРГ И РОССИЯ

1. Мнение о нашей Родине нам всегда интересно, особенно если это мнение основано на фактах, если оно объективно и принадлежит видному писателю, философу, историку или иному деятелю культуры.

2. Мнение Людвиг Хольберга о России особо интересно, т.к. в этом случае мы имеем дело с крупнейшим представителем

эпохи просвещения в Скандинавских странах, с человеком, олицетворяющим целый период в истории этих стран ("Век Хольберга").

3. Источники нашей информации по рассматриваемому вопросу двойны: это, во-первых, то, что и как писал Хольберг о России, и, во-вторых, то, в каких случаях он о России, о русских умалчивал.

4. У Хольберга мы встречаем четыре основных вида литературных и научных произведений: драматургия, представленная почти исключительно комедиями; сатирические произведения; исторические труды, публицистика. Во многих из них нашло свое отражение отношение Хольберга к России.

5. Хольберг уделял большое внимание национальным чертам различных народов и нередко высмеивал их отрицательные стороны, в его комедиях мы встречаемся не только с датчанами, но и с немцами, французами, испанцами и с представителями других народов (иногда условными, вымышленными, иногда с действительными); часто это комические персонажи, объекты осмеяния. Но ни разу ни одного русского в подобной ситуации в комедиях Хольберга мы не встретим. Это знаменательно.

6. В сатирическом романе "Подземное путешествие Нильса Климма" Хольберг высмеивает обычаи, законы, правителей практически всех стран Европы, причем в XIII главе он это делает не прибегая к эзоповскому языку, а прямо называя страны: Англия, Франция, Италия, Голландия, Швейцария, Польша и др. России нет и в этом случае. Это еще более показательно.

7. В публицистических произведениях разбросаны беглые высказывания о России и ее правителях, неизменно благожелатель-

ные. Мы никогда не встречаем здесь никаких ни критических, ни презрительных, ни недоброжелательных замечаний.

8. В 1743 г. в Копенгагене вышла книга Цедера фон Хавена "Путешествие по России". Характерно, что предисловие к этой книге - причем весьма положительного характера - написал Хольберг, подчеркивая важность такого труда, как правдивое описание современной ему России.

9. В своих чисто исторических трудах Хольберг, говоря о России, излагает факты из истории нашей страны - в соответствии с уровнем исторической науки того времени, - находя и здесь немало добрых слов для нашей страны.

10. Наибольший интерес для русского читателя представляет своеобразные историко-публицистические произведения, в частности "История разных героев и героинь". Словом "герой" Хольберг обозначает выдающихся государственных деятелей разных времен и народов.

11. В центре внимания Хольберга к России всегда оставался Петр I, его современник, человек, которого он никогда не уставлял превозносить и ставить в пример другим. Это нашло свое отражение в нескольких историко-публицистических эссе.

12. Наиболее полная и несколько идеологизированная оценка деятельности Петра I и состояния России содержится в его эссе "Акбар и Петр Алексеевич". Сравнение Петра I с Великим Моголом ему нужно как прием для показа достоинств Петра и того, чего достигла при нем Россия.

13. Наиболее интересные из его утверждения таковы:

великий Могол строил пышные дворцы, замки; Петр - необходимо для всего народа сооружения: каналы, гавани, заводы, крепо-

сти. Оба великих правителя стремились как можно больше узнать. Акбар - побольше разных любопытных, забавных вещей, однако бесполезных; Петр стремился к практическим знаниям, его интересовали математика, кораблестроение, мореходство, военное искусство, ремесла.

Акбар был любознательным, Петр - ученым. Оба стремились как можно лучше познать свой народ. Акбар - чтобы обезопасить свой трон, Петр - чтобы поднять благосостояние страны. Первый был дипломат, второй - законодатель.

Оба уделяли большое внимание вопросам религии. Акбар создал новую религию для возвеличения своей персоны, Петр искоренил в народе суеверия и темноту.

Оба были честолюбивы. Акбар стремился сделать свой народ великим и могущественным, Петр стремился видеть свой народ просвещенным и разумным.

Подводя итоги, Хольберг утверждает: Акбар стремился к самоусовершенствованию, Петр стремился возвысить свой народ. Акбар был великий человек, Петр - великий правитель, ибо в результате подобного правления народы Индии остались совершенно такими же как раньше, тогда как русские стали новым народом, а Россия - новым государством, совершенно изменившим лицо Европы.

Д.М.ШАРЫКИН
(Ленинград)

ГЕОРГ БРАНДЕС И ТУРГЕНЕВ

I. Высказывания знаменитого датского критика Г.Брандеса об И.С.Тургеневе, обладающие немалой объективно-критической ценностью, неоднократно привлекали внимание исследователей как русской, так и скандинавской литературы (К.Ф.Тиандер, М.П.Алексеев, В.П.Неустроев, Фьорт Иенсен, Бертиль Нулин и пр.). Однако специальных работ на эту тему не существует, в трудах же зарубежных скандинавистов Брандес представлен чуть ли не противником русского реализма, а влияние Тургенева на датскую литературу "прорыва" считается фактором, способствовавшим "разложению брандесианизма". Между тем Брандес был почитателем и пропагандистом русской реалистической литературы в целом, Тургенева в особенности.

2. Увлечение Брандеса творчеством Тургенева - явление отнюдь не изолированное, но закономерное и типичное, обусловленное особенностями историко-культурного развития Дании. Датская радикальная интеллигенция 1870-х - первой половины 80-х г.г., сражавшаяся с реакцией, не могла не заинтересоваться русской реалистической литературой, отразившей назревание революции и ход освободительной борьбы, решавшей коренные проблемы человеческого бытия. Сыграло свою роль и предшествующее развитие русско-скандинавских литературных связей. Первым и наиболее талантливым датским переводчиком Тургенева оказался Вильгельм Мёллер, человек широкой культуры и богатого художественного дарования. Его переводы, отличавшиеся адекватностью оригиналу,

полнокровностью стиля, сочностью языка, стали обязательным чтением для начинающих датских писателей-реалистов, а сам Тургенев-любимейшим в Дании автором. Книги Тургенева необыкновенно расширили представления датчан о России, и чем больше они узнавали о ней, тем более увлекали их сами творения великого русского писателя, его образы, его стиль, его облик. Тургеневская тема не сходила со страниц датской прессы всех направлений. Консервативная критика была особенно активна, но она пыталась, сознательно не замечая социальной тенденциозности тургеневских сочинений, представить писателя только дворянским либералом и утонченным эстетом. Отзывы о Тургеневе "мужей прорыва", в большинстве своем беллетристов, а не критиков, представляют самостоятельный интерес и нуждаются в особом изучении, хотя никто из них не смог дать целостную характеристику творческого облика Тургенева, равноценную известной статье Брандеса.

3. 70-е годы - путь критика к синтетическому пониманию творчества Тургенева. В это время Брандес подготовил почву для восприятия Тургенева в Дании, своими выступлениями спланировал скандинавских писателей-реалистов, борясь с "идеализмом", "романтизмом" и реакцией во всех областях жизни, поставив себе целью познакомить датчан с лучшими достижениями передовой литературы Европы. Избегая риторико-панегирических шаблонов консервативной критики, Брандес в 70-х годах пытался объективно характеризовать достоинства и недостатки книг Тургенева, исходя при этом из требований, предъявляемых им отечественным литераторам-реалистам. По мере знакомства с произведениями Тургенева Брандес всё теплее отзывался о нем в печати, в письмах к друзьям.

4. В 80-х годах ценнейшим вкладом в датскую литературу о русском писателе явился очерк "Иван Тургенев" (Iwan Turgeniew 1833-1887), написанный в обычном для Бранделя жанре "литературной характеристики" и включивший этико-психологический и социально-биографический анализ творчества Тургенева. В определенной мере преодолевая эклектизм позитивистского метода, Брандес общеупотребительные в тогдашней критике вневременные универсальные понятия (напр., "раса", "меланхолия" и т.д.) наполнил конкретным общественно-историческим содержанием, сосредоточив внимание на этом последнем. Чтобы правильно понять пафос очерка, адресованного в основном датскому читателю, но имеющего и международное значение, необходимо учесть и сопоставить все, подчас весьма парадоксальные, высказывания критика о России и путях развития русской литературы от Ломоносова до Толстого.

5. В 90-х - 900-х г.г. давняя и глубокая увлеченность миром образов Тургенева во многом помогала Брандесу преодолевать мучительно затянувшийся творческий кризис, индивидуалистические заблуждения, идеологические шатания; по его словам, "в народном духе" черпать "мужество и веру в свои силы", "веру в жизнь и в будущее". В то время имя Тургенева ассоциировалось в сознании критика с русской революцией, с будущим России, а это будущее, как и будущее Дании, представлялось ему величественным и прекрасным. Воздействие Тургенева непосредственно сказалось на "Очерках и размышлениях" (Skikkelse og Tanker) Брандеса. В тех из них, которые в идейно-художественном и жанровом отношении напоминают "Стихотворения в прозе" (Senilia), прямо названо имя Тургенева.

Г. ШАТКОВ
канд. филол. наук
(Москва)

ОКтябрьская революция и подъем демократической
литературы скандинавских стран в 20-е годы

Общий кризис капитализма нашел свое выражение в первой мировой войне и Великой Октябрьской социалистической революции в России. Октябрьская революция открыла новый этап в истории человечества, - этап перехода от капитализма к социализму. Ее идеи и завоевания существенно изменили политический облик и духовную атмосферу мира, они оказали (и продолжают оказывать) огромное влияние на мировую литературу - как непосредственно, так и через произведения советских писателей. К началу 20-х годов восприятие этого влияния в литературах скандинавских стран было подготовлено самой исторической действительностью - тяжелым экономическим положением трудящихся и радикализацией рабочего движения, приведшей к созданию датской, шведской и норвежской коммунистических партий.

Скандинавские литературы конца XIX - начала XX века были богаты реалистическими традициями, но отличались идейной противоречивостью и проповедовали абстрактный гуманизм, пацифизм и социальный реформизм. Первая мировая война обнажила несостоятельность этих проповедей. Большинство молодых писателей, литературная деятельность которых началась в послевоенное десятилетие, оказалось в духовном тупике и было вынуждено искать новые общественно-эстетические идеалы. Эти поиски осложнялись тем, что крупнейшие реалисты старшего поколения - Улаф Дуун,

ристофер Уппдал и Юхан Бойер в Норвегии, Ялмар Седэрберг, Сигрид Сивертц, Ялмар Бергман и Мартин Кох в Швеции, Хенрик Понтоппидан и Карин Микаэлис в Дании - придерживались в 20-е годы в основном прежней идейно-творческой линии. Кроме того, само молодое поколение скандинавских писателей не было идейно и творчески единым.

Октябрьская революция и последовавшие за ней социальные потрясения в Европе обусловили все более углубляющееся в 20-е годы размежевание литературных сил Дании, Швеции и Норвегии. Эти события испугали некоторых молодых писателей, и те либо впали в отчаяние, подобно экспрессионистам Тому Кристенсену и Перу Лагерквисту, либо пытались открыто противостоять революционному развитию жизни, подрывая доверие к человеческому разуму, к научному социализму, проповедуя иррационализм, индивидуализм и религиозно-этические взгляды (журнал "Наш мир", вокруг которого группировались норвежские писатели Рональд Фанген, Сигурд Кристиансен, Инге Кроканн, датский журнал "Клинте" - позднее "Дикая пшеница" - под редакцией Вигго Мёллера и др.).

По-иному восприняли революционные веяния эпохи представители молодой радикальной интеллигенции скандинавских стран, примкнувшие к международному движению Кларте, которое зародилось в Европе в 1919 году по инициативе Анри Барбюса. Возникнув в результате острейшего кризиса буржуазно-демократической идеологии, выражением которого явилась первая мировая война, это движение вдохновлялось идеями Октябрьской революции и провозгласило своей программой борьбу за мир и социализм. Центральный комитет организации Кларте находился в Париже и включал

в себя, кроме Анри Барбюса, также Анатоля Франса, Бернарда Шоу, Эптона Синклера, Бласко Ибаньеса, Георга Брандеса, Сельму Лагерлёф и Эллен Кей. Секции Кларте были созданы во Франции, Германии, Аргентине и во всех скандинавских странах. Наиболее действенными из скандинавских были шведская и норвежская секции, возникшие - соответственно - в 1921 и 1922 гг. Каждая из них имела собственный журнал (в Швеции "Кларте", в Норвегии "Навстречу дню"). Эти журналы были по преимуществу идеологической трибуной молодых политиков, философов, правоведов, экономистов и других специалистов, среди которых выделялись исландцы Ханнес Скёльд, Таге Эрландер, Гестер Брантинг и норвежцы Эрлинг Фальк и Арне М Урдинг. Активно сотрудничали в журналах также поэты, прозаики и драматурги, выступавшие не только в художественных жанрах, но и в публицистике.

Первыми авторами журнала "Кларте" были его редакторы и издатели - публицист Ханнес Скёльд и поэты Арнольд Юнгадал и Стеллан Арвидсон. Их усилия поддержали впоследствии такие писатели, как Карин Бойе и Эрик Блумберг. В то же годы "Навстречу дню" привлекает к сотрудничеству писателей Сигурда Хуля, Арнульфа Эверланда и Хельге Крога. В своих статьях и художественных произведениях, которые печатались, разумеется, не только в упомянутых журналах, они открыто выступали тогда с обращением к социальной несправедливости, милитаризму, новинизму, буржуазной культуре и взволнованно говорили о тяжком и безрадостном труде рабочих и крестьян, о бедствиях и унижениях безработных, о большой человеческой солидарности трудящихся и их революционной воле, которая подкреплена верой в

светлое будущее. Большинству писателей-марксистов были присущи романтические мотивы, и в какой бы форме они ни проявлялись - в философском раздумье или в страстном политическом призыве, - их главными качествами были единение с народом, жажда борьбы и переустройство общества и революционный оптимизм.

Шведские и норвежские писатели, примыкавшие в 20-е годы к движению Кларте, не обладали научным социалистическим мировоззрением. В ряде случаев их революционность походила на революционность шведских поэтов и прозаиков Эрика Линдурма, Рагнара Енделя, Рудольфа Верилунда, Эйвинда Юнсона и Густава Хеденвинда-Эрикссона, группировавшихся в те годы вокруг органа молодых социалистов (анархо-синдикалистов) - "Пожар". Эти писатели приветствовали революцию как средство уничтожения старого мира и освобождения личности, но выступали против марксистской идеологии и пролетарского государства. В их художественных произведениях романтические тенденции переплетаются с натуралистическими.

Октябрьская революция и вызванное ею распространение научного коммунизма способствовали зарождению в скандинавских литературах социалистического реализма. В послевоенный период это направление появилось в Дании и Норвегии. В Дании оно практически совпало с литературным движением Кларте, на которое оказал большое влияние Мартин Андерсен-Нексе. В 1922 году он побывал в Советской России и в 1923 году выпустил книгу "Навстречу молодому дню", в которой с позиций коммуниста оценил идеи и завоевания Великого Октября. С 1926 года в Дании начинает выходить журнал "Кларте" (позднее - "Критическое обозрение"), ведущими сотрудниками которого становятся коммунисты Отто Гельстед

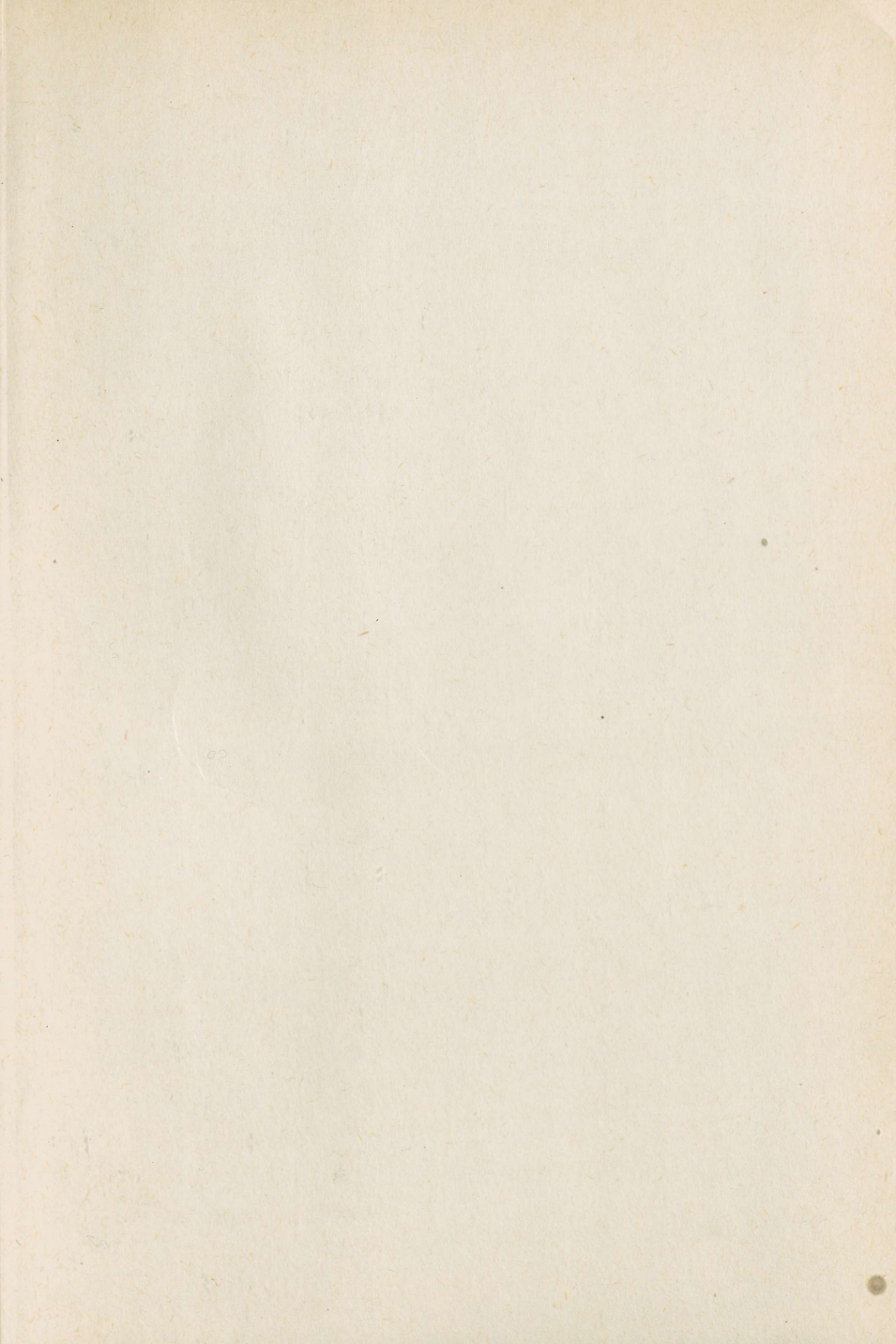
и Ханс Кирк. Это уже были писатели нового типа, они соединили в своем творчестве научную идеологию и глубокое художественное познание жизни и сознательно использовали свое искусство в борьбе за дело рабочего класса.

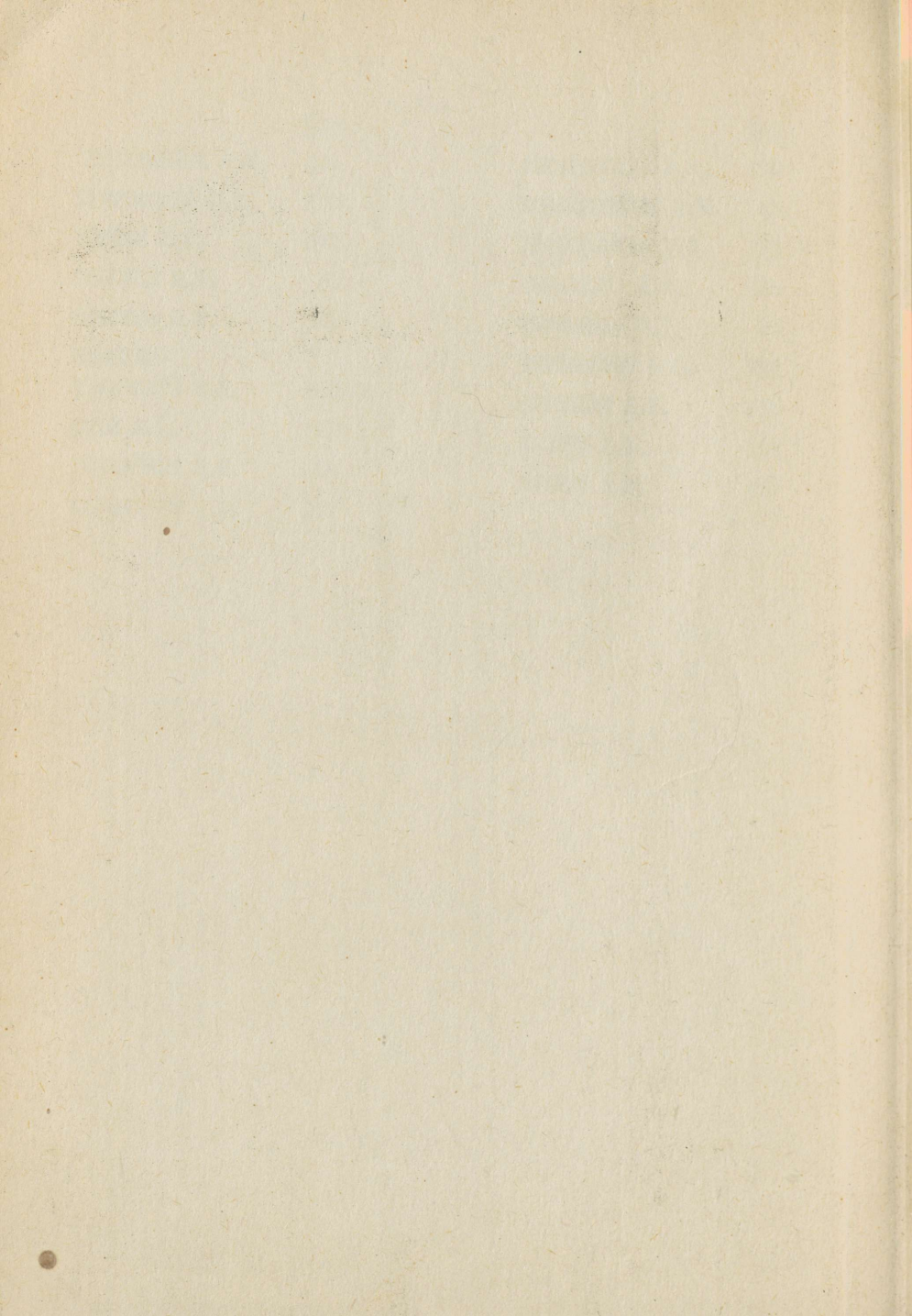
То же можно сказать и о норвежских пролетарских поэтах Турлейфе Ауэрдале, Рудольфе Нильсене и Арне Поске Осене. В послевоенном десятилетии их поэзия была вдохновлена Октябрьской революцией, победами советского народа, рабочим движением в Норвегии и во всем капиталистическом мире. Хорошо зная людей труда, их повседневную жизнь, их общественную сущность, эти поэты создавали реалистические образы и с высоты пролетарского сознания страстно утверждали их. Ту же реалистичность и страстность они обнаруживали в отрицании капиталистических порядков.

АВТОРЫ ТЕЗИСОВ

	<u>Стр.</u>		<u>Стр.</u>
АЗБЕЛЕВ С.Н.	166	КОЛМАКОВ П.К.	58
АЛИМОВА Т.А.	35	КОРЗУХИНА Г.Ф.	61
АНОХИН Г.И.	37	КУЛЬМАН А.Д.	152
БЕЗРУКОВА М.И.	40	КУРСКОВ Ю.В.	63
БРАУДЕ Л.Ю.	167	ЛЕБЕДЕВА С.Л.	123
ВАБАР М.М.	115	ЛИБЕРМАН А.С.	153
ВАСИЛЬЕВ Б.Л.	42	ЛУГУС О.А.	129
ВВЕДЕНСКАЯ Н.А.	141	ЛУТС А.	70
ВОРОНКОВА Г.В.	143	ЛЮБЛИНСКИЙ В.С.	67
ГОЛОВЕНКО С.С.	43	МАМОНТОВ А.В.	173
ГОЛЬФМАН А.И.	31	МАЦЕВИЧ А.А.	171
ГРАДОБИТОВА Л.Д.	117	МЕЛЕТинский Б.М.	175
ГУЛЯЕВ А.Н.	144	МЕЛЬДЕР Л.С.	156
ГУРЕВИЧ А.Я.	46	МОРОЗОВА М.Н.	72
ДЕМЕНТЬЕВА М.Б.	147	МЫСЛИВЧЕНКО А.Г.	74
ЕРШОВА И.А.	150	НЕКРАСОВ Г.А.	78
ЕФИМОВА Е.С.	120	НЕУСТРОЕВ В.П.	177
ИСКРИН М.Г.	3	НОСКОВ А.М.	16
ИХАЛАИНЕН Л.И.	6	ПАВУЛАН В.В.	83
КАН А.С.	9	ПАНЧЕНКО В.И.	132
КАРПОВ Л.Н.	123	ПИЙРИМЯЭ Х.А.	91
КАРПОВА Р.Ф.	14	ПИСКУЛОВ Ю.В.	136
КИТЛОВ А.А.	168	ПОРШНЕВ Б.Ф.	86
КОВАЛЕВСКИЙ С.Д.	52	РУХМАНОВА Э.Д.	94
КОГАН М.А.	55	СВАНИДЗЕ А.А.	99

	<u>Стр.</u>		<u>Стр.</u>
СЕРЕБРЯННЫЙ Л.Р.	104	ФИГАРОВСКИЙ В.А.	110
СМИРНИЦКАЯ О.А.	158	ХОЛОДКОВСКИЙ В.М.	28
СМУЖИН Л.С.	107	ХРАПОВИЦКАЯ Г.Н.	189
СОКОЛОВ Е.М.	19	ЧЕРКАШИНА Л.М.	163
СОКОЛОВ М.Н.	123	ЧЕРНЫШЕВА О.В.	29
СТЕБЛИН-		ЧЕРНЯВСКИЙ Е.М.	191
КАМЕНСКИЙ М.И.	161, 185	ШАРЫШКИН Д.М.	195
СУНИ Л.В.	21	ШАТКОВ Г.В.	198
СЮККИЯЙНЕН И.И.	24	ЭМЗИНА А.Я.	165
ФАРБШТЕЙН А.А.	187		

XVI

A-364

Заказ 223 Ин-т Истор. и этногр. МАН ССР. Тир. 350
АН № 15.

203 659